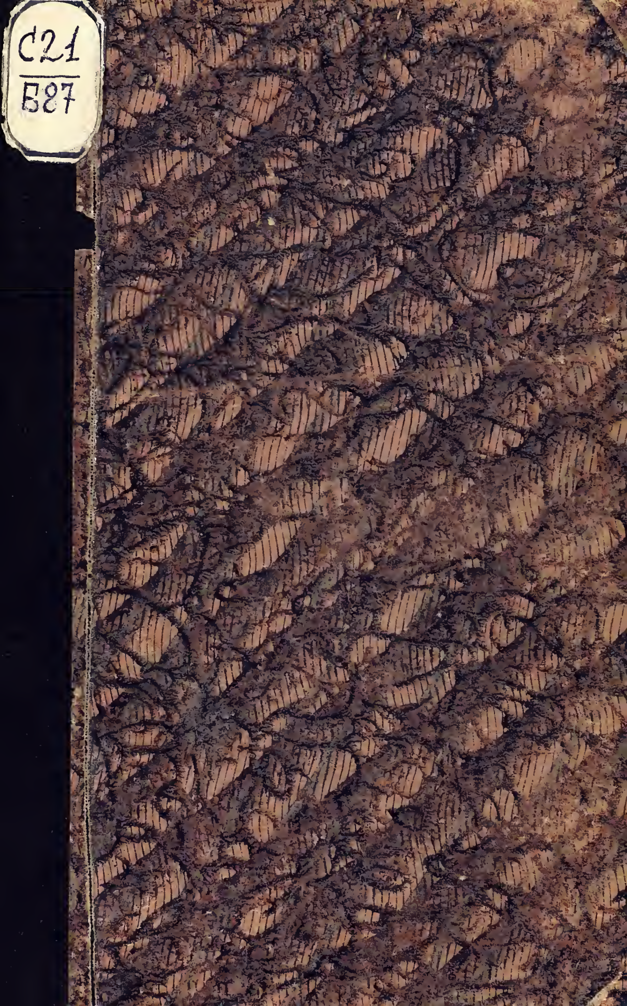
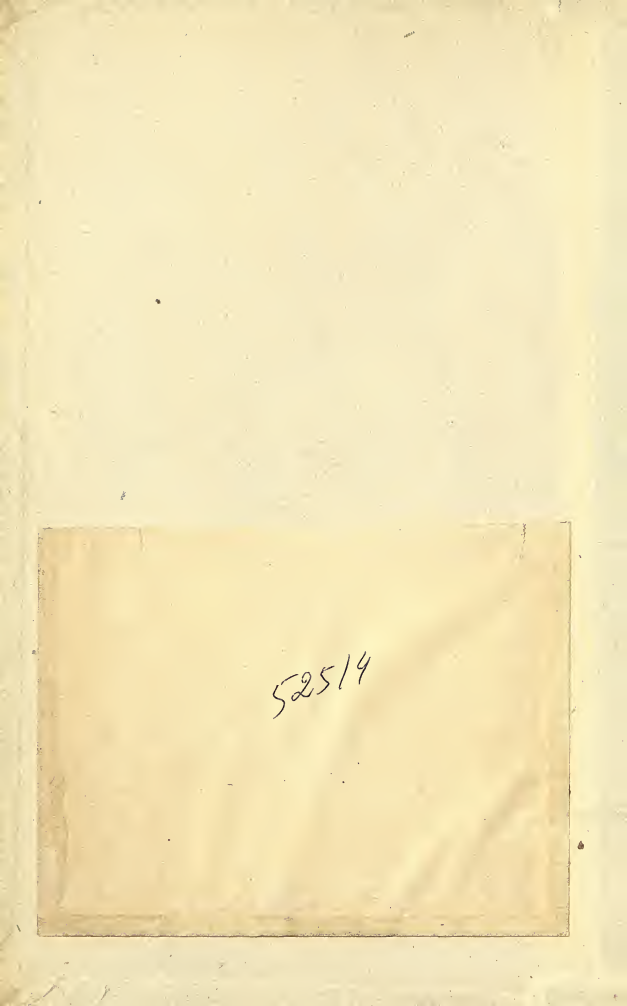

C21
B87

52514

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Б.)

Губернское Бюро Комиссии по истории Октябрьской Революции и Р. К. П. (ИСТПАРТ).

БРАТСКАЯ МОГИЛА

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ УМЕРШИХ И ПОГИБШИХ ЧЛЕНОВ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Р. К. П. (Б.).

Выпуск II.

МОСКВА
1923.

Отпечатано в 1-ой типографии МСНХ „Печатное Искусство“. Арендаторы С. Я. Цузмер и С. Г. Гликин, Маросейка, Армянский пер., д. 6. В количестве 5.000 экз. Москва, Главлит № 4109.

Тем, кто в беспросветные мрачные годы неутомимо и беззаветно закладывал первые камни фундамента величавого здания нашей Московской организации РКП—зодчим и рядовым каменьщикам;

Павшим в бою и отдавшим свою жизнь в борьбе за интересы рабочего класса—героям, мученикам и рядовым солдатам пролетарской армии;

Поднявшим знамя восстания против угнетателей и эксплоататоров рабочего класса, погибшим на баррикадах в первую российскую революцию;

Восставшим против буржуазии в славные Октябрьские дни за власть Советов и павшим от руки заклятых врагов рабочего класса в уличных боях и на баррикадах;

Погибшим на фронтах гражданской войны в защиту пролетарской республики;

Павшим от изнеможения и непосильного труда в деле строительства Советской республики;

Членам Московской организации РКП посвящает этот сборник МК РКП.

Перед славными могилами ушедших от нас товарищей Московский Комитет РКП с благоговением склоняет свое боевое Красное Знамя.

ОТ ГУББЮРО ИСТПАРТА.

Настоящий выпуск подготовлялся несколько в других условиях сравнительно с выпуском первым «Братской Могилы».

При подготовке к 1-му выпуску Губбюро Истпарта не имело ни достаточного опыта в такого рода изданиях, так как вообще работа в этой области являлась новой, ни достаточного материала для составления сборника.

В ущерб полноте биографического материала приходилось спешить с изданием, чтобы, по крайней мере, побудить товарищей писать свои мемуары об умерших членах РКП для следующих выпусков. С этой же целью неоднократно Губбюро Истпарта помещало воззвания к товарищам, печатая их в сборнике № 1 «Братская Могила», и в других сборниках Истпарта и в московских газетах.

Все эти меры хотя и не дали в полной степени желаемых результатов, но в конце концов кое-чего достигли. Стали поступать дополнительные биографические сведения о товарищах, помещенных в сборнике № 1 «Братская Могила», и отчасти благодаря этому, явилась возможность во втором сборнике выпустить 14 дополнительных биографий к выпуску № 1.

Кроме того, источниками для извлечения материалов по работе над сборником послужили так же дела Историко-Революционного Архива (бывш. Московск. охранн. отделение), библиотека Соц. Академии, газеты и журналы как подпольного, так и текущего периода, и опросы лиц, знавших умерших товарищей (более подробные указатели этих источников помещены в конце биографий).

Сократив количество биографий во 2-м сборнике с 200 до 98, при том же, как и в 1-м сборнике, об'еме книги, мы обратили больше внимания на проверку материалов и на дополнения биографий, хотя пока еще, к сожалению, очень немногих, помещением личных писем погибших товарищей, стихотворениями, посвященными памяти их, описанием лите-

ратурной их деятельности, с приблизительным перечнем написанных ими трудов.

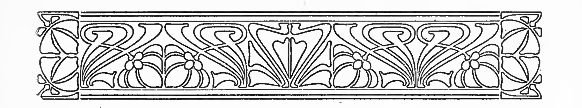
Выпуская настоящий сборник, Губбюро Истпарта рассматривает этот труд, равно как и первый свой выпуск, как первые шаги по собиранию и обработке биографических материалов, отнюдь не претендуя на исчерпывающую полноту биографий, которая возможна будет лишь после ряда продолжительных, тщательных и углубленных работ Истпарта в этом направлении.

Всякая помощь со стороны товарищей—указания, поправки, дополнения и проч., будут встречены Истпартом с полным вниманием и благодарностью.

Работа по составлению настоящего сборника исполнена научной сотрудницей Истпарта т. Е. Леви.

БРАТСКАЯ МОГИЛА

А.

АБОРИН ФЕДОР ТИХОНОВИЧ.

Аборин Федор Тихонович—слесарь—родился в 1893 году. Работая на заводе «Динамо», т. Аборин в 1913 году 20-летним юношей вступает в подпольную организацию Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) и выдвигается, как способный организатор, входя с декабря 1914 года в Московское общество металлистов «Единение». С марта 1915 года избирается секретарем названного общества. В том же месяце последовал приказ охранного отделения об его аресте.

Аборин Федор Тихонович.

Но тов. Аборин своевременно скрывается от полиции и не перестает работать в партийной организации завода. В это же время его посылают на обще-городскую конференцию партии. В июне 1915 года тов. Аборина арестовывают, и после 5-месячного тюремного заключения и 7-дневной голодовки он направляется в ссылку на 2 года.

В виду последовавшего приказа министерства внутренних дел о взятии на военную службу некоторых категорий ссыльных, он в августе 1916 года был взят в царскую армию, где все время находился под надзором.

Находясь в 187 пехотном запасном полку, т. Аборин в дни февральской революции избирается членом полкового комитета, откуда был выбран членом бригадного с'езда 8-й пехотной запасной бригады Московского округа.

В апреле 1917 года он откомандировывается, как специалист, во 2 запасную автомобильную роту в 5 мастерские, где организует большевистскую ячейку. От ячейки т. Аборин делегируется в военную организацию при Московском комитете большевиков.

После Октябрьской революции т. Аборин проходит от названных мастерских в Совет рабочих депутатов Сущевско-Марьинского района и с ноября 1917 года становится председателем райсовета и членом райкома (б.).В апреле 1918 года в третьи перевыборы Совета снова избирают его председателем, но вскоре при упразднении районных дум он занимает должность заведующего продовольственным отделом района, работая вплоть до призыва в ряды Красной Армии—лета 1918 г. В Красной Армии т. Аборин назначается комиссаром одного из полков и все время находится на восточном фронте. Сражаясь против Колчака, т. Аборин в мае 1919 года при взятии города Новоузенска погибает, зарубленный белогвардейской шашкой. (Сб. «Динамо», стр. 94).

АЛЕКСАНДРОВ.

Убит в Восточной Бухаре бандами басмачей. С тов. Александровым, членом Рогожско-Симоновской орг. РКП, мы служили в 40-м учеб. обр. полку с октября 1921 года вместе. Тов. Александров, будучи красноармейцем-коммунистом, всегда честно исполнял свой долг и был примером для остальных товарищей. Его примерность и преданность делу революции не осталась бесплодной: он был избран членом группы содействия РКИ полка, где и проявил себя как действительный защитник интересов красноармейцев. После истечения срока выборов т. Александров, как заслуживший общую любовь и доверие красноармейцев, был вновь избран в РКИ округа, где и работал до весны 1922 г., а весной вместе со 2-м батальоном поехал в Бухару рядовым красноармейцем 6-й роты. Роте этой был дан один из опаснейших участков фронта (В. Джандары). Не успела рота занять участок, как появились сведения о появлении банд. Все время тов. Александров был в разведках и часто приносил довольно ценные сведения, что не мало способствовало нашим успехам, и в конце-концов мы решили предпринять наступление, при чем тов. Александров был послан во главе разведки вперед; благодаря его энергии и инициативе, нам удалось скоро обнаружить противника и вступить в бой, но в виду многочисленности противника, мы вынуждены были отступить на свои позиции, причем противник понес крупные потери, у нас же был всего 1 легко раненый. На другой день утром крупные силы басмачей окружили нашу роту, но под умелым руководством командира роты тов. Крацкина рота была рассыпана в цепь и вот здесь-то, в момент

напряженной опасности, тов. Александров и проявил себя как хороший воин-революционер. Все время впереди, он подавал пример красноармейцам, и в один из моментов горячей перестрелки, стоя во весь рост, был ранен в живот пулей «гра». Тов. Александров жил после этого три часа. Я стоял около него, и как близко ему знакомый, ожидал из уст товарища услышать слова о помощи его старому отцу и матери, но последние слова т. Александрова, произнесенные им с большим усилием, были: «я очень счастлив, что первая жертва нашего отряда за освобождение порабощенных народов востока,—это жертва из рядов РКП». Я передал красноармейцам это последнее слово т. Александрова, и при поддержке броневиков, красноармейцы доказали врагу, что они умеют с честью выполнять свое дело, не взирая на жертвы, и умеют отомстить за своих товарищей.

Участник Бухарской экспедиции **Г. Улитин.**

АЛЕКСЕЕВ АЛЕКСЕЙ АКИМОВИЧ.

Алексеев, Алексей Акимович—слесарь—поступил в Москве на завод «Динамо» 13 лет мальчиком для посылок. С 15 лет перешел учеником в инструментальную мастерскую, а затем стал слесарем той же мастерской. В 1913 г. т. Алексеев вступает в социал-демократическую группу (большевиков), активно участвуя в работах этой группы и во всех выступлениях 1913—1915 г. г. В октябре 1915 г. во время забастовки т. Алексеева забирают в царскую армию за активное участие в проведении стачки и за агитацию против войны. Из армии т. Алексеев бежал, нелегально пробрался в Питер, где поступил на завод. Полиция обнаружила его, арестовала и направила в штрафной батальон. Тов. Алексеев бежал и оттуда, пробрался на юг и с юга на Урал. Везде и всюду, где бы ни находился, т. Алексеев проводил идеи большевиков и все время принужден был вести бродячий образ жизни. После февральской революции он вернулся в Москву, поступив снова на завод «Динамо». Тов. Алексеев смог проработать только 2—3 месяца, так как заболел чахоткой, полученной им за время скитаний и скрываний. Болезнь развивалась, и в ноябре 1917 г. т. Алексеев умер. (Сб. «Динамо», стр. 95).

АМБАЙН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ.

Родился он в 1891 г. в Латвии в крестьянской семье. Родители его арендовали землю у владельца имения, немецкого барона, и, так как у них детей было семеро, то образование получил он только в 2-х классном министерском, первоначальном, по типу ниже городского, училище. Затем он вынужден был 16-летним мальчиком искать заработок и пробивать сам себе дорогу. Поступает писцом в одно из волостных правлений

Латвии. Здесь в скором времени с ним познакомились так называемые «лесные братья», т. е. лица, скрывающиеся за участие в революционных восстаниях 1905 г. и по разным причинам не сумевшие эмигрировать заграницу. Революционная волна 1905 г., широко прокатившаяся по Латвии, а затем кровавые карательные экспедиции под командой офицеров, возглавляемых теми же немецкими баронами и фонами, повлияли на взгляды Амбайна, хотя он был еще мальчиком, самым революционизирующим образом, (члены его семейства, отец и старший брат, были подвергнуты пыткам и судились военно-полевым судом: отец—за поджог имения, а брат—за участие в милиции). Благодаря этому и имея возможность, служа в волостном правлении, получать паспортные бланки, он таковыми снабдил 5 товарищей, кои эмигрировали заграницу (фамилия их за давностью не могу вспомнить). Продолжает работать в том же направлении и оказывать содействие другим товарищам, скрывающимся за деяния 1905 г., до 1910 г., когда полиция начинает выслеживать его. Узнав своевременно об этом, он сам переходит в число скрывающихся и живет под разными чужими фамилиями. Скрывался он с 1910 по 1912 г. и в течение этого времени побывал в Витебской и Псковской губерниях и около года в Дании. В 1912 году, в виду его призыва на военную службу, он решил явиться на призыв, и по прибытии был арестован. Благодаря тому, что в деле не имелось всех подробностей совершенных им «преступлений» за исключением 2-х сфабрикованных им документов, дело политической окраски не приняло, а судил его Митавский окружной суд за подлог документов. Приговорен он был на 1 или 2 года, точно не помню, но в общем с предварительным арестом он просидел без малого 2 года. После отбытия ареста он поселился в Курляндской губ., где руководил молочно-маслобойным заводом и уже официально состоял в Социал-Демократической партии. Проработал он там немного, больше полугода и весной 1915 г. был призван в армию, в которой состоял по июнь 1917 г.

Амбайн Владимир Иванович.

При февральском перевороте он служил в латвийском стрелк. полку и, как только получились сведения о Петроград-

ском восстании, он с другими партийными товарищами организовал инициативную группу, которая в течении ночи об'ездила все разбросанные по хуторам роты латышского полка и некоторые русские части. На утро они организовали манифестации, кои явились перед штабом полка и потребовали от командира признания, вместе с воинскими частями их полка, нового революционного правительства, что и было сделано.

С этого дня для тов. Амбайна начинается кипучая революционная, без отдыха по день его безвременной смерти, работа. Он избирается солдатской массой в разные комиссии, ротные полковые комитеты и школострел. В июне он по болезни от военной службы освобождается и поступает в Рижскую уездную милицию, где служил при Керенщине секретарем, а потом недолго до Октябрьского переворота и после, до занятия немцами Риги—начальником милиции одного района Рижского уезда. С распадом старой армии, он усердно взялся за организацию в прифронтовой полосе Красной гвардии и был начальником ее. Выезжал на места для улаживания разных конфликтов армии с крестьянами на почве разных бесчинств и реквизиций и организовывал безземельных крестьян при взятии на учет помещечьих имений. С наступлением на Латвию белогвардейских банд под крылышком немецкой армии, Амбайн прибыл совместно с другими сотоварищами по работе в Москву. Здесь он работал также в разных комиссиях, был заведывающим хозяйственным отделом Моссовета и был избран в члены Моссовета. Как член последнего в апреле 1919 г. он был мобилизован на Петроградский фронт, где, выполнив возложенное задание, он назначается в комиссию по инспектированию органов снабжения всех фронтов, побывав для этого как на восточном, южном и западном фронтах, так и в Советской Латвии. После этой работы в январе 1920 года он назначается комиссаром снабжения западного фронта, в каковой должности пробыл почти год, т. е. период нашего наступления на Польшу, а также отступления.

За его умелую и энергичную работу по снабжению фронта, согласно представления Революционного Совета западного фронта, В. Ц. И. К. награждает его золотыми часами. В ноябре 1920 г. он переводится в Москву на должность начальника оперативного управления ЦУС, а в апреле 1921 года командируется начальником снабжения 16-й армии, где пробыл по ликвидации 16-й армии. После этого осенью 1921 года командируется ЦУСОМ в распоряжение В. Ч. К. на должность начальника снабжения войск В. Ч. К.—Г. П. У., в каковой должности был по день смерти, т. е. до 14/V 1922 г., исполняя другие ответственные поручения органа ГПУ.

Амбайн (двоюродный брат **В. И. А.**).

Добавление к вып. № 1,
„Бр. Могилы", стр. 15.

АРМАНД ИНЕССА ФЕДОРОВНА (ЕЛИЗАВЕТА РЕНЕ).

(По воспоминаниям тов. Зубровича.)

Встретился я с тов. Инессой Арманд в 1907 году в ссылке в г. Мезени, Архангельской губ. Она приехала, когда я уже был там. Ссылка с ее приездом сразу ожила—начались собрания, кружки, лекции; руководила ими и вела их сама Инесса.

Но мне хочется в своих воспоминаниях осветить светлый образ Инессы не как работника—об этой Инессе все знают—а Инессы—поразительно чутком, отзывчивом человеке, сохранившей эти качества, несмотря на большую общественную работу, которую она несла и которая зачастую поглощает всецело крупных наших партработников, мало оставляя место в их душе для близких товарищеских отношений.

Инесса принимала самое живейшее участие в жизни каждого из ссыльных, была нам, просто говоря, вместо матери. Особенно чувствовал это я, бывший в то время почти что еще мальчуганом.

Инесса учила нас с азов, я выучился у нее даже и грамоте. Помню один случай в ссылке: исправник с казаками напали на нашу колонию, и были многие из нас избиты, в том числе и мне досталось так, что кровь показалась из горла. Инесса прибежала к нам, взяла меня, как ребенка, на руки—поместила в своей квартире и все время ухаживала, пока я не выздоровел.

В 1908 году, когда я был освобожден—она бежала из ссылки, и мы вместе уехали в Москву. Я скоро потом уехал из Москвы и опять был арестован. Она писала мне уже в тюрьму из заграницы, приглашая приехать заграницу, когда освобожусь.

Когда меня освободили и выслали заграницу, я уехал к ней; она жила в Sable de Lion во Франции на берегу Атлантического океана вместе со своими 3-мя детьми, похоронив незадолго перед этим мужа, с которым была раньше в ссылке (Инесса была родом француженка, а муж ее сыном фабриканта из Пушкина, близ Москвы). Из Sable de Lion мы все вместе уехали в Париж, и оттуда Инесса отправила меня учиться в Саксонию, где благодаря ей я поступил в политехникум. Это было в 1909 году.

В 1910 г. она переехала в Лейпциг и опять звала меня; я пробыл тогда у нее 3 недели, отдохнув на курорте, где она жила со своей сестрой.

После, когда она уехала из Лейпцига, я получал от нее несколько писем—и затем совсем потерял из виду.

Только в 1920 г. в г. Седлеце от т. Радека узнал о ее безвременной кончине.

Инесса умерла, но светлый образ ее навсегда должен запечатлеться в памяти не только у меня, так многим ей обязанного, но и всех товарищей, как пример прекрасного работника и прекраснейшего человека.

Добавление к 1-му вып.
„Бр. Могилы", стр. 23.

АФОНИН ЕФИМ ЛАВРЕНТЬЕВИЧ (кличка „БАТЬКО").

(Из воспоминаний Т. Матвеева).

I.

Передо мной лежат рукописи, письма и стихи *), оставшиеся после смерти «Батько». Вот его воспоминания, посвященные милым друзьям поэта борца Алексея Гмырева. Из этих воспоминаний, написанных «Батько», есть кое-что, могущее послужить материалом для его биографии и характеристики.

«В июле 1906 года, пишет в этих воспоминаниях «Батько», я вторично попал в Ананьинскую тюрьму. Все тюрьмы тогда были переполнены. По югу вторично прокатилась волна огромных беспорядков. Появилась потребность связаться с другими тюрьмами, чтобы узнать, какие элементы их наполняют. Нашими курьерами были уголовные, которые в это время жили с «политикой» дружно. Письма адресовали просто на политический корпус безымянно. Мною с одним из этапов было получено несколько писем из Елисаветграда и между ними одно от т. Гмырева. Женственно-ласковое, но полное силы и веры в революцию, оно побудило завязать с ним переписку. Весной 1907 года, новый начальник, говорит «Батько», взял нашу относительно свободную тюрьму «на винт».

Мы не подчинились новому порядку и устроили бунт. После побоев и сидения в карцере нас разослали по разным тюрьмам. Я попал в Елисаветград». Между прочим, здесь «Батько» познакомился лично с Гмыревым, которого горячо полюбил. Гмырев обвинялся и случайно и необоснованно в убийстве помещ. Клеповского (член 1-й Думы от монархистов). В Елисаветградской тюрьме «Батько» пробыл очень недолго. Скоро его перевели в Херсон. Порядки в этой тюрьме были для заключенных более благоприятны. И здесь, как в Ананьине, была некоторая свобода, завоевавшая борьбой, стоившей даже жизни одного из заключенных т. Клиша, убитого надзирателем через дверь во время протеста.

---

*) Этот материал, к сожалению, ко времени выпуска сборника достать не удалось. Е. Л.

Протест, борьба были в те годы непрерывным явлением в жизни тюрем. И Ефим Лаврентьевич был душою, первым во всем, что было связано со свободой, с борьбой. За эту борьбу ему приходилось частенько бывать в темных, сырых карцерах. Скоро «Батько» повезли в суд в Елисаветград. Но суд не состоялся, возили его вместе с Гмыревым. По дороге бежал один из участников по делу Гмырева—Прочуханов. По возвращении в Херсон тов. Афонина избирают тюремным старостой. В ноябре месяце его везут вторично в Елисаветград на суд выездной сессии. Состав суда был крайне черносотенный, но «Батько» был оправдан. Хотя, как он пишет, «я был все же обречен на административную ссылку». Часто приходится здесь касаться Гмырева. Это совершенно понятно, так как эти годы жизнь «Батько», его борьба проходила рука об руку с ним. Их что-то сильно роднило, и даже на этот раз «Батько» ездил на суд с Гмыревым, которому дали шесть лет каторги.

Эта спайка, конечно, не была случайна. Гмырев—поэт-борец, романтик. Он любит вольные песни, и это их роднит, это их связывает,—тянет друг к другу. «Батько» ведь тоже был поэт-борец, всегда юный, бодрый, всегда и во всем альтруист. Вот дорога в Херсон. Празднично настроенные идут они рука об руку в первом ряду с партией арестантов. «Батько» в красной расшитой рубашке, а Леня Гмырев в ножных кандалах с «малиновым» звоном. Идут на вокзал. Здесь их ожидает толпа друзей и знакомых. А. Дан-Хвощенко, лично видавший этот момент, рассказывал, как приподнято было настроение «Батько», как он, не считаясь ни с чем, не взирая на всякие угрозы, обратился к окружающим с горячей революционной речью. Энтузиаст—он забывал для дела служения народу и семью и самого себя. Здесь я должен дать место письму, писанному тов. Афониным в марте 1907 года своему старшему сыну: «Дорогой мой»,—пишет «Батько» из стен Ананьевской тюрьмы, «я шлю тебе горячий привет. Моим пожеланием тебе будет, чтобы вместе с твоим ростом, росли и развивались твои духовные силы, росло и развивалось самосознание своего «я», своих человеческих прав. На-ряду с развитием разума, чтобы росло и развивалось чувство гуманности и сердечности ко всему живущему на земле, но только не к сознательным угнетателям человечества. Пусть всегда и всюду, на протяжении всей жизни, сопутствуют тебя пытливость и жажда знания; пусть растет и крепнет в тебе жажда борьбы за лучшие идеалы человечества. И если данные тебе природой способности дадут тебе возможность выйти на широкую, светлую дорогу борьбы и знания, то тогда ты не осудишь меня, твоего отца. Зато, если мне не придется принять участия в твоем воспитании, ты поймешь, почему я общественное благо ставил выше блага своей семьи. Я пишу эти строки в наследство. Когда ты

вырастешь и будешь читать это письмо, перед тобой всплывет жизнь твоего отца, и ты будешь иметь возможность критически отнестись к моим взглядам и поступкам. Это письмо, быть может, будет единственным наследством, оставленным тебе мною. В этом я уверен. Ведь я живу в такое время, когда каждый честно-мыслящий человек должен заботиться не только о своих личных материальных благах, а всего себя отдать на служение народным интересам и на борьбу в защиту человеческих прав и раскрепощения человеческой личности. Я живу в такое время, когда нужно быть готовым умереть каждую минуту за народное счастье.

Вот почему, родной мой, я не могу оставить тебе большего наследства кроме этих строк, написанных за тюремными стенами.

Твой бодрый и верящий в светлое будущее отец»...

Этого письма вполне достаточно для того, чтобы оценить преданность «Батько» делу борьбы, его готовности умереть за трудовой народ.

Вот почему он пишет, что шел с суда как именинник,—вот почему он помнит «малиновый» звон кандалов.

И еще передо мною лежат беглые заметки под заголовком—«Три праздника». Первый праздник мая там же в тюрьме. Когда озверевшие царские слуги, испугавшись за целость царского трона, покачнувшегося под напором рабочего движения 1905 года, согнали всех протестующих в тюрьму, «Батько», вместе с другими, готовит деятельно прокламации для «дедушки». Тогда воля снабжалась этим материалом из тюрьмы. А для того, чтобы снять тюрьму с «винта», об'является голодовка.

Пять суток отказа от всякой пищи,—и добыта некоторая «свобода». «Закипела работа,—пишет т. Афонин,—мы писали листовки, печатали их на гектографе, рисовали каррикатуры. Была лишь одна забота, как передать этот транспорт на волю. Удалось и это. Тюрьма идет. Все отпущены на прогулочный двор. Все ждут, что скажет «воля». А за стеной гремит марсельеза—демонстрация».

Заволновалась бурно тюрьма—пришел конвой, а за стеной тюрьмы гикают казаки, свистят нагайки. Наконец, раздается залп, и чувствуется, как в этом «Первомайском празднике», в общей волне движется «Батько» уверенно и бодро.

В марте 1908 года «Батько» идет в ссылку в северный уезд Тобольской губ. Здесь-то я и встретил его впервые. Он резко выделялся в группе ссыльных, вышедших нас встретить, больше всех проявил в отношении к нам товарищеской сердечности и внимания.

Года два я прожил с «Батько» в одном селе—и очень подружился и с ним, и с его семьей. За этот промежуток времени,

с год я прожил с ним под одной крышей. Того, что получали в то время ссылки от казны, было так мало, что жить на это не представлялось возможным, тем более семейным, а у «Батько» была семья в семь человек. Приходилось много работать, и «Батько» много работал. То на рыбных промыслах, то на баржах. Товарищи, которых через ссылку прошло не мало, знают все «Батько»—Афонина. Он был другом для всех: всех устраивал, организовывал побеги, собирал деньги. Шимшарев, убивший начальника Тобольской каторжной тюрьмы, проездом в Тобольск для совершения этого акта, пользовался и приютом и помощью «Батько». В долгие зимние вечера, Ефим Лаврентьевич занимался самообразованием. Он был очень малограмотным.

Приходилось начинать все с азов, а арифметику чуть ли не с таблицы умножения. И когда после красного Октября, буржуазные газеты называли его полуграмотным, были правы. Но они забывали одно, что этот человек обладал большим революционным опытом, большой сметкой и крепким умом. Обращаюсь к трем «праздникам»—для того, чтобы обрисовать «Батькино» настроение в годы ссылки. «Весна 1909 г. застает меня,—пишет он,—в ссылке. Покрытая кедровым лесом гора высоко лезет в небо над бесконечно разлившимися водами Иртыша. Нет им ни конца ни края, тонут они в сизых дымках, то «паны» горят леса дымки на полудени.

Наша Самаровская колония собралась праздновать первое мая. Развернули красное знамя, заслушали доклад о значении праздника, о реакции и о зреющих силах пролетарской революции.

Нет ни тени сомнения. На лицах всех отражается глубокая вера в скорый приход второй революции и в ее победу. Речи сменяются пением и мощные звуки его далеко уносит бурный Иртыш—отдает в тайге эхо.

И верим мы, что услышат нас не только в России, но и на западе.

Бодрые, сильные расходимся мы с маевки и долго еще, в белую ночь, под плеск весел раздаются бодрые песни отдельных групп ссыльных».

И так везде и всюду,—стремление к свету, пытливость, готовность отдать все идее и вере, редкая, стальная вера в творчество борьбы.

В 1910 году «Батько» уехал из ссылки. Ослабли нити связи до 1917-го года. Я встречал его лишь мельком. Переписка была случайная. Но наступил 1917 год, «Батько» писал о третьем празднике, о победном празднике уже не в тюрьме, а на улицах Москвы, в море красных знамен. В десятки тысяч голосов влилась Батькина вера—борца-революционера, закаленная тюремщиками и палачами.

Таков был «Батько»—Ефим Лаврентьевич Афонин.

(Журн. «Трудовая Нива», № 1).

II.

О посмертных произведениях Е. Л. Афонина.

Е. Л. Афонин, будучи членом Союза Крестьянских Писателей, интересовался искусством и сам писал. Из посмертных его произведений напечатаны в журнале № 1 «Трудовая Нива» след.: 1) Об искусстве и о том, что нам нужно, 2) Тезисы диспута о деревенском театре. Обе статьи, как дискуссионные, не вполне развиты, но в обоих Е. Л. достаточно ясно высказывает свой основной взгляд на современное искусство, как на переходную стадию от индивидуального творчества к свободному творчеству всего народа: «от народа, через народ, к народу». Только так мыслит себе Е. Л. Афонин воскресение давно забытых коллективных народных песен, народных игр, народного зодчества.

Пролетарское искусство еще не народилось, его пути только стали намечаться после Октябрьской революции. До тех пор, пока оно созреет, пролетариат может заставить «жрецов искусства» честно служить искусству, обвеянному новой идеологией, отвечающей запросам трудовых масс.

О крестьянском театре Афонин говорит, что он должен выйти из стен на улицу и декорацией ему должна служить сама природа. «Конечная цель театра,—говорит он,—соборность, а через нее и конец самого театра». Каждый индивид будет чувствовать силу творчества другого и, импровизируя, будет творить жизнь и искусство интуитивно в творческом порыве.

Е. Л.

АФРИКАНОВ МИХАИЛ.

Африканов, сын рабочего, мещанин г. Данкова, Рязанской губ. В организацию РСДРП (б.) вступил в 1918 г. Образование получил сначала в школе, бывшей Саввы Морозова, по окончании ее четыре года учился в среднем учебном заведении в Спасском монастыре и после—в Подольской учительской семинарии. В 1916 г., будучи военно-мобилизованным, поступает в юнкерскую школу. В половине 1917 г. переводится прапорщиком и идет в отпуск, который проводит в Орехове у родных. 26 января 1918 г. уголовные банды разгромили сначала комиссариат, забрали винтовки и намеревались разгромить Совет, по дороге произвели несколько выстрелов. О происшедшем Африканову сообщила мать. Африканов встретил толпу и хотел отвлечь ее от задуманного плана, но ему это не удалось. В 1918 году, во время партийной мобилизации Африканов идет добровольно на фронт, не будучи еще членом партии,

желая с Ореховскими отрядами разделить фронтовую участь. Во время военного обучения на реке Клязьме вступил в партию. Служил в 1-м Московском Губернском Революционном полку ротным командиром. На фронте вел себя геройски, убит во время сражения.

Старики—отец и мать проживают в Орехове.

Серафима Африканова.

Б.

БАБАЕВ ПЕТР АКИМОВИЧ.

Бабаев Петр Акимович родился в 1883 году в гор. Касимове, Рязанской губ. Сын ссыльного кавказца—свободолюбца, безграмотного чернорабочего. До 12-13 лет учился в уездном училище Касимова, но курса не окончил. Отец отвез мальчика в уезд на небольшой механический завод, где 3—4 года мальчик проходит тяжелую ученическую жизнь,—продолжительный рабочий день, обслуживание мастеров после работы, побои ото всех и т. д.

Петр Акимович Бабаев.

В 18 лет он кончает учебу, но тут другие мытарства—в поисках работы. Он меняет ряд городов, фабрик, пароходов (кочегар, помощник машиниста). Тов. Бабаев всегда был любим товарищами, нелюбим начальством, как беспокойный, хотя и хороший работник - слесарь. В 1904 году он призывается в Касимове на военную службу и попадает матросом в Балтийский флот.

1905 год застает тов. Бабаева новичком-матросом и членом организации Р. С.-Д. Р. П. (больш.). Он принимает деятельное участие в партийной организации и подвергается репрессиям (карцер, разжалование пехотинцем и др.); к концу войны он с эшелоном разжалованных в пехотинцы матросов попадает на Японский фронт.

В 25 лет, закончив военную службу,—сознательный член организации, много успевший прочесть в карцерах и на гаупт-

вахтах; хороший слесарь (работал в военных мастерских), он снова начинает скитаться в поисках за работой: Волга, Кавказ, Донецкий бассейн, Екатеринослав и, наконец, в 1912—1913 г.г. зимой устраивается в Москве, в Сокольнических трамвайных мастерских.

В 1914 году тов. Бабаев, как запасной солдат, призывается на военную службу и попадает на западный фронт. Только зимою 1916 г., как высококвалифицированный рабочий, он был отозван с фронта в Питер на патронный завод.

После февральской революции он весь уходит в политическую работу, проходит все выборные должности завода до члена Питерского Совета Рабочих Депутатов, а как член организации большевиков—до члена райкома. В июльские дни патронный завод один из первых по выступлению, и т. Бабаев, как агитатор и организатор,—с заводом на боевом крещении в борьбе с временным правительством социал-предателей.

В Питере же тов. Бабаев провел и Октябрьские дни. В 1918 году при разгрузке Питера и завода тов. Бабаев должен был эвакуироваться из любимого города. Он перебирается в Москву и поступает слесарем на старое место в Сокольнические трамвайные мастерские. И в Москве, благодаря своим агитаторским способностям, а главное—необыкновенному знанию рабочей среды, ее нужд и болезней, он быстро завоевывает симпатию и уважение товарищей, избирается членом и секретарем фабзавкома; вскоре он избирается секретарем Сокольнического райкома, членом Исполкома Сокольнического Совета, а затем и председателем Совета, членом М. К. Р. К. П. от Сокольнического района и членом Исполкома Московского Совета. На эти выборные должности тов. Бабаев вступает в конце 1918 г. и остается до своей смерти,—весны 1920 года.

Тов. Бабаев за период работы в Москве получает ответственные командировки в провинцию. В 1919 году он посылается для налаживания работы в Воронежскую и Тамбовскую губернии; там он выбирается председателем Тамбовского Губисполкома. Горячий и резкий порой, он с удивительной любовью относится к товарищам. Общее уважение и любовь были заслуженным ответом ему.

Уже давно туберкулез подтачивал его здоровье. Товарищи Сокольнического райпарткома и Совета настойчиво требовали, чтобы он отдохнул, полечился, но он неизменно отказывался, ссылаясь на отсутствие заместителя и работников вообще. Еле передвигаясь, продолжал он ходить на работу в январе 1920 г., когда туберкулез распространился уже и на горло. И только сваленный в кровать тяжелым недугом, перестал появляться; но, живя в доме-коммуне Сокольнического Совета, продолжал руководить работой через товарищей, как-то стыдясь, «что так долго завалялся в кровати», а силы уже покидали, и стра-

дания становились невыносимыми. 25 апреля 1920 года в 10 ч. утра тов. Бабаев умер 36 лет. Так сгорел на работе старый борец-пролетарий.

Н. Ставрович.

Добавление к вып. № 1, „Бр. Могила“, стр. 28.

БАЛАКИРЕВ НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ.

Н. Д. Балакирев из крестьян Московской губ., Подольского уезда, Вороновской волости, села Воронова, родился в 1875 году.

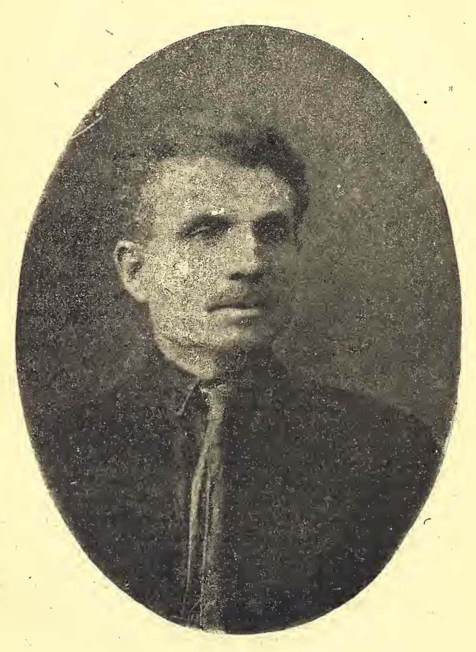
Я—жена его с 1903 г. Он ходил тогда на собрания, но куда и зачем я ничего не знала, он меня не посвящал в это. В 1905 году выступает открыто в борьбу за рабочее дело. Помню, в 1905 году пришла из зверинца (так назывался лес на Благушах близ Москвы) с массовки, смотрю: группируются взволнованные: Балакирев, товарищи Комков, Федулов, Смирнов—все рабочие с пуговичной фабрики Ранталлера. Начинают останавливать ф-ки, заводы, начали со своей, а потом дошли до Басманной. Я тоже, хотя с замиранием сердца, но ходила за ними и видела, как они врывались в ворота фабрик, прямо в корпуса, а где заперто было—через забор перескакивали. Когда собралось много народу, отправились на Благушу, но я побоялась казаков, не пошла с ними. На другой день уже ни одна фабрика и завод не работали. Идут на митинги, в Межевой Институт—после митинга разбирают с лестницы прутья железные—я прошу:—Дай, Николай, мне прут.

— Ты иди домой.

— Ну, возьми себе.

А он отвечает:—У меня есть браунинг.

Пошли в Московский университет на митинг, там их атаковали казаки. Около двух суток просидели. Наконец освободили, но перед этим у них было отнято оружие. Через несколько дней собираются около Технического училища, (Лефортовс. р.) итти к Таганской тюрьме освобождать политических заключенных. В то же время черносотенцы убивают т. Баумана. Назначаются похороны. Во время похорон т. Балакирев был в боевой дружине, шел впереди. Когда я вернулась домой, вдруг прибегает в комнату ранталлерский рабочий и кричит:—«Наших бьют около манежа». Тогда был ранен тяжело т. Комков—ему перебили четыре ребра. Дружина была атакована в университете суток двое, и т. Балакирев тоже был там, после чего все были освобождены, но опять обезоружены. Пришел мой муж, показался на миг и исчез. Потом опять приходит через несколько дней и говорит:—«Ты не видела, какую мы

Н. Балакирев.

баррикаду построили на Покровке?» И в эту же ночь ушел на баррикаду *).Через несколько дней начались расстрелы, а мой муж скрылся неизвестно куда. Обыски в то время были почти повальные. Как-то вечером принесли ко мне маузер, который он отдал поберечь знакомым. Я ждала с часу на час обыска, что делать? Пошла по своей улице, нашла худой забор, огляделась кругом и сунула туда маузер. Прошла ночь, обыска не было, но думаю, как же маузер, цел-ли? Николай будет ругать, если пропадет. Опять пошла, заглянула—цел, как взять? народ везде ходит, но все-таки выбрала время—взяла, отнесла к своему отцу и там спрятала его.

И так, после 1905 года настала сильная реакция, но все же Балакирев не переставал работать в подпольи. Хоть маленькая кучка осталась—он, т.т. Комков, Федулов все же копошились, и как только заглянет какой товарищ из центра, сейчас же была готова у них связь по фабрикам и заводам. Собрания происходили летом в лесу, а зимой на квартирах. Больше всего пользовались квартирой Балакирева. Там были всевозможные собрания,—и районные и подрайонные и высшего типа кружки и низшего, и литература нелегальная была для быстрого распределения, и всевозможные явки, были явки Московского Комитета на Ирининской ул. в д. Чижевской. Квартиры приходилось часто менять. Были у нас т. т. Комков, Федулов, Ломов, Рыков и Михаил Миронович (он же Мандельштам Н. Н.), Ярославский (Емельян)—он был в то время военным организатором, ходил на квартиру к нам на 2-ую Сокольническую, где и проводил собрания,—это все было, если не ошибаюсь, в 1907 году.

Арестован был Балакирев раз семь. Кажется, в 1906 году был арестован приставом Сокольнической части, на чьей квартире не помню, где было арестовано всего человек 25. Пристав оказался либеральным, отпустил их через несколько дней и велел им больше не попадаться. Второй раз был арестован после выборов в Первую Государственную Думу за то, что провел переодетого в рабочую одежду депутата Жиделева на фабрику для митинга. Хозяин узнал об этом и велел запереть ворота. Балакирев через сад на другую улицу с депутатом прыгают через забор, но хозяин все таки узнал, что депутата проводил Балакирев, сообщил полиции, и он был арестован. Просидев несколько недель, был отпущен. Третий раз был взят с той же фабрики Ранталлера за раздачу прокламаций рабочим.

Рабочие, видя, что Балакирева не отпускают, решили забастовать. Три дня бастовали, приехал на фабрику пристав,

*) Автор, к сожалению, путает даты. Воспоминания о „баррикадах" могут относиться к „декабрю", а не „через несколько дней", после похорон Баумана. Ред.

уговаривает стать на работу: —«Разберется дело, если ваш товарищ не виноват, то его отпустят». А рабочие говорят: —«Пока не отпустят, мы не встанем на работу».

На 4-й день его отпустили, сказав: —«Иди на фабрику, успокой рабочих».

Четвертый раз был арестован накануне 1-го мая, не помню в котором году, в Сокольниках с тов. Комковым, разбрасывая и раздавая прокламации. Просидели, не помню сколько, затем выпустили.

Однажды Балакирев с тов. Комковым ушли (тов. Комков был нашим жильцом). Уже поздно, а их все нет. Я начинаю делать чистку не только у мужа, но и у тов. Комкова. Только убралась, идет полиция, обыск. Конечно, ничего не нашли. Пятый арест в 1908 году в Пушкинской школе на партийном районном собрании, где арестовано было 13 человек. У нас жил тогда Чаков, который тоже был арестован. До часу ночи их не было. По обыкновению, опять стала производить чистку; сунулась в тележку нашей маленькой дочки, а там пачка прокламаций—помню: воззвание к товарищам текстильщикам, призыв к забастовке. Куда деть? Двор таков, что спрятать некуда. Время позднее. Давай закрывать в кухне окно и жечь в печке листовки. Только убралась, полиция тут как тут. Начали рыть везде, но ничего не нашли, и тогда арестованные просидели недели три. Шестой арест был на Хапиловской ул. в доме Шмелева. Это было в 1909 или 1910 г. г. В это время у него был приготовлен гектограф, готов совсем, только осталось печатать, кажется, какой то конспект. Вдруг, ночью рвется в парадный ход полиция. Тов. Балакирев спал чутко, вскакивает с постели, забирает скорее гектограф и все принадлежности и черным ходом выбегает босой и раздетый зимой на двор, прячет в тачке гектограф и все принадлежности (хозяин этого дома торговал тачками). Прибегает со двора и открывает дверь, рвущуюся с крючьев полицией. Пристав затопал ногами: «Почему до сих пор не открывал?» Он отвечает: —«Я ничего не слыхал, только что проснулся». В это время т. Федулов тоже идет со двора, прятал кое-что. Пристав кричит:—«Это кто, зачем выбегал?» Федулов говорит:—«Я здешний жилец, ходил в уборную». Начинают обыскивать квартиру, чуланы и в уборной, в сарае, в погребе и в конце-концов ничего не нашли—пожимают плечами. «Хоть ничего нет, а ты собирайся,—говорит пристав Балакиреву.—Ты хитер, умеешь прятать концы, и мы знаем, как на руках пальцы твою работу, но уличить тебя трудно», и велел захватить с собой подушку и одеяло. Думаю: значит надолго. Остаюсь с двумя детьми, кроме долга ничего нет, да еще в награду мне оставляют засаду на четверо суток. Еще забота: как бы не пришли за прокламациями. Нас никуда никого не пускали, жильцов даже на работу не пускают,

как сообщить, чтобы к нам никто не приходил? Мне тогда моя мама носила детишкам молоко. Решила ее караулить, к великому моему счастью шпик убежал звонить по телефону, околодочный у жильца в комнате пил с ним водку, городовой один уснул, а от другого думаю—улизну. Мама стук в дверь, я вскочила и говорю: «Мама, у нас засада, скажи Чакову». Это было достаточно—он всем другим сообщит. Городовой меня схватил за руку и отдернул от двери, а мама нырнула напротив в квартиру, куда тоже носила молоко. Городовой выбегает на улицу, туда, сюда—никого не догнал. «Ты с кем говорила?», кричит на меня городовой. А я ему отвечаю: «Ни с кем, ищи».

Верно, просидел мой муж месяцев 5—6, высылается этапным порядком в Екатеринослав на два года, без паспорта, дают проходное свидетельство. В Екатеринославе поступает на винный склад, работает неделю, пишет мне, чтобы я ехала с детишками к нему. Приезжаю,—он без работы, поденной работы уже не стало. Поступает к одному маляру красить крыши, хотя от роду не был маляром. Сезон работы кончается; устраивается с помощью екатеринославских т. т. в скетинг-ринг—контролером. Он и там уже успел связаться с организацией. Я помню, на той же улице, где мы жили, в одном доме было большое собрание. Мне даже пришлось ходить патрулем по просьбе мужа. Это был наказ рабочих депутатуПетровскому, кажется, во 2-ю Государственную Думу *). Прошло собрание благополучно. Здесь у Балакирева уже было много связей: с Брянским заводом, с трубо-прокатным заводом и с типографиями. Как раз в это время тов. Федулова выслали сюда же и все время своей высылки они работали с Балакиревым вместе. Срок высылки кончился, Балакирев продолжает служить в скетинге контролером, а на лето остался там же ночным сторожем и приспособил это здание по ночам под партийные собрания. Помню, приехал Кузнецов—депутат 2-й **) Государственной Думы—и Балакирев для доклада Кузнецова собирает товарищей в скетинге.

Шпики заметили, и собрание не состоялось—все разбежались. На другой день хозяева скетинга узнают историю, увольняют Балакирева и говорят: «хотя мы сочувствуем этому делу, но все же мы боимся сами, потому, что мы евреи, нас и так теснят».

Балакирев не долго думает, едет в свою родную Москву, я осталась с детишками больная легкими. Когда он приехал в Москву, месяца 2 был без работы. Поступил на одну маленькую пуговичную фабрику (на Благуше), недолго он там ра-

*) В 4-ю Госуд. Думу. Ред.
**) 4-й Г. Д. Ред.

ботал. Неудачная забастовка выбрасывает нескольких рабочих, в том числе и Балакирева. Поступает он на фабрику в Преображенке, тоже на пуговичную «Эгер и Аронсон». Здесь начинает опять партийную работу. Я ему говорю: «Николай, погоди хоть немного работать в партии, пожалей меня и детей, дай хоть немного нам оправиться». «Ждать нечего, надо наладить работу, как только наладится работа, тогда и отдохнем, ведь здесь организации в данное время нет, затишье, как-то скучно». Это было приблизительно в 1913 году. Я ему говорю: «Прежде чем ты все это наладишь, тебя арестуют, ведь тебя наверное, каждый шпик знает». Так и вышло. Идет он однажды на фабрику работать после обеда, по дороге его арестовывают, сажают на извозчика и в охранку, а ко мне тогда прибежал на квартиру с той же фабрики товарищ и говорит: «Николай арестован». Я начала делать чистку, как это всегда бывало. В эти же часы, когда муж приходит с работы—вкатывается полиция. Начинают рыть, все перерыли и ничего не нашли, начали теребить меня: —«Говори, где у мужа оружие и прокламации, а то мы и тебя арестуем». Я уж так к обыску привыкла, ничего не испугалась, говорю: —«Убирайтесь вы от меня к чорту», с тем они и ушли.

Итак, сидит мой муж месяцев 7—8, и ссылают его в Олонецкую губ. на 3 года в село Шунга (гонят этапным порядком). Там ему дальше 2-х верст отходить запрещалось. Вернулся из ссылки в 1916 году, поступил работать на завод «Пелка» (на Благуше). Здесь он скоро заболел крупозным воспалением легких и через несколько времени, когда поправился, доктор на заводе больше работать не советовал. Поступает в Центросоюз и опять работает энергично в партии. В революцию 1917 года борется с врагами, становясь в ряды Красной Гвардии, а когда была демонстрация 9-го января 1918 года, когда стреляли в демонстрантов враги из пулеметов перекрестным огнем и скомандовали Красной Гвардии лечь, он простудился и схватил вторично крупозное воспаление легких. Энергичным лечением врача он был спасен от смерти, после выздоровления врач сказал: —«Тебе в городе жить нельзя, можно жить только в деревне».

Не успел он туда показаться, несмотря на слабое здоровье, ему дают пост начальника милиции на три волости. Не считаясь с своим плохим здоровьем, он принял этот пост. Когда в деревне организовывается Красная Армия, он назначается военкомом Красной Армии. Когда военкомы Красной Армии упразднились, он командируется в гор. Подольск в лесной отдел. Там же выбирается членом Подольского Исполкома, и в 1919 году, когда революции грозила смертельная опасность, Балакирев, как старый испытанный и верный борец за рабочее дело, командируется партией на фронт Колчака. Я жила с

детьми в Москве. Он приехал к нам и говорит: —«Прощайте, Стеша и детки, я еду на фронт». Я говорю: —«Николай, опять я остаюсь одна с детьми, опять мне бедствовать с ними». Но он мне на это ответил: —«Стеша, остаться я не могу, революция в опасности, сама видишь, а тебя с детьми Советская власть не оставит. И я еду, умру спокойно». На фронт уехал в 1919 г. в мае, а в 1920 г. 12 февраля умер на посту военкома передвижного полевого госпиталя. Месяца 3 нам ни одного письма не присылал. Наконец, получаю письмо, в котором ячейка того же госпиталя сообщает о его смерти. Содержание такое: «Уважаемая С. В., с прискорбием сообщаем вам о потере нашего дорогого товарища, вашего мужа Н. Д. Балакирева. Болел тифом 2 м-ца, получил осложнение, за время болезни вспоминал о семье,—теперь бы увидеться с женой и детьми и отдохнуть, на фронте дела улучшились,—но к сожалению, мечты его не сбылись, умер 12 февраля 1920 года. Похоронен он, как честный, достойный борец за Советскую власть со всеми почестями, гроб его был украшен весь в венках, в Астраханской губ., Енотаевского у., селении Верхне-Баскунчак». Когда Балакирев пошел на фронт, ему было 46 лет.

С. Балакирева.

БАЛАШОВ ИВАН НИКИТИЧ (он же РАПОН.)

(По воспоминаниям т. Овчинкина).

Ткач Раменской фабрики. По происхождению крестьянин деревни Клешава, Московской губ., Бронницкого уезда, Раменской волости, родился в 1873 году, рос сиротой, без отца и матери, и с 12-летнего возраста поступил работать на фабрику.

Начало его революционной деятельности относится к концу 1905 года.

Человек очень живого, веселого характера, шутник и интересный рассказчик, тов. Балашов пользовался громадным влиянием и любовью молодежи в своей деревне. Клешава не забыла его и до сих пор, а молодежь с благодарностью вспоминает, как он работал над ее развитием.

На фабрике среди товарищей он также неустанно вел агитационную работу.

— Собирались мы во время работы в уборной,—говорит тов. Овчинкин,—он нам и рассказывает, а чуть кто войдет из посторонних или нежелательных элементов, он моментально переводит разговор на какой-нибудь смешной рассказ, и все покатываются со смеху.

В 1906 году он был арестован и отправлен в Москву, где просидел 3 месяца в Бутырках. Когда выпустили, он вернулся на Раменскую фабрику, директор сначала отказался взять его на работу, но потом согласился, взяв с тов. Балашова обе-

щание, что он больше не будет вести пропаганду среди рабочих.

Через некоторое время предстояло устроить «глухую» забастовку *) с требованием обратного приема на фабрику некоего Голубкова, уволенного администрацией (впоследствии оказавшегося провокатором).

— Я пришел к Балашову,—говорит Овчинкин,—и спрашиваю: ну что же ты, как? будешь выступать или нет?

— Я ведь дал директору обещание, ну да чорт с ним, пойдем.

В 1907 году тов. Балашова опять арестовали вместе с тов. Федором Яковлевичем Лавровым и опять, продержав в Бутырках 3 месяца, выпустили на волю. На этот раз директор уже не взял его на фабрику, и он полгода оставался без работы.

Имея на руках семью в пять человек, тов. Балашов жестоко нуждался и мог существовать лишь на те скудные средства, которыми помогали ему товарищи, собирая ежемесячно по 10 руб. Товарищи относились к нему очень сочувственно и старались всячески облегчить его тяжелую участь. Однажды собрали даже 30 рублей для выкупа сена.

Как-то в конце марта 1908 года он пришел к тов. Камерону, пил у него чай, сидел довольно долго и в разговоре не раз жаловался, что тяжело жить, а потом от него пошел на станцию Раменское и там отравился, выпив большую дозу какого-то лекарства, которым лечился.

Тов. Балашов умер в цветущем возрасте, около 35 лет, оставив жену и троих детей.

Хоронили его товарищи с фабрики, и несмотря на царившую тогда реакцию, не понесли в церковь и не позвали попов, а проводили с горячим товарищеским приветом, затаив в сердцах стремление продолжать то дело, за которое тов. Балашов пал жертвой в неравной борьбе.

Е. П.

БАРСОВ-ИВАНОВ („ПЕТР ИВАНОВИЧ“).

I.

Барсов Петр Иванович (нелег. Иванов Иван Семенович), родился 7 декабря 1884 года в г. Смоленске в чиновничьей семье, состоящей кроме него из брата и 4-х сестер. Отец его, надворный советник, служил в Смоленской казенной палате.

Окончив Смоленскую гимназию, П. И. поступил в Московский университет.

*) Глухой забастовкой рабочие назывaли забастовку, во время которой останавливали работу и шли для переговоров к администрации, но не выходили на улицу.

В 1904-м году в гор. Смоленске он состоял под особым надзором полиции по подозрению в принадлежности к Московской группе соц.-дем., но к дознанию не привлекался, так как вскоре же (19/XI—1904 г.) дело было прекращено.

Впервые тов. Барсов был арестован в гор. Ярославле в 1906 г. и выслан администрацией на 3 года в Тобольскую губ., откуда скрылся, перейдя на нелегальное положение.

Вторично его арестовали 30-го сентября 1907 года в Москве в числе 35 человек на собрании в трактире Горяченкова. При обыске у него нашли талонную книжку с печатями Р. С.-Д. Р. П.

Помещенный здесь снимок с него сделан охранкой 1-го марта 1908 года.

До суда 9 месяцев просидел в Якиманском полицейском доме. Суд состоялся только 14 июня 1908 года, по которому он был приговорен по 1 ч. 102 ст. уголовного уложения к 6-ти годам каторги.

Тов. Барсов не успел отбыть каторгу. Он умер, замученный тюрьмой, 27 декабря 1911 года 27-ми лет от роду.

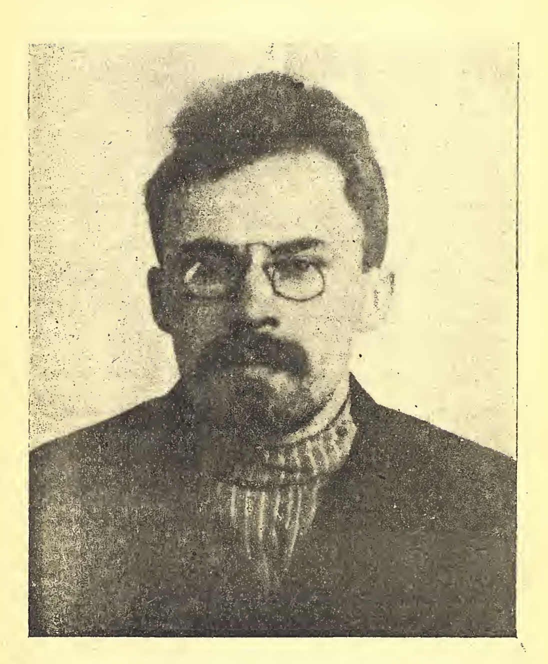
(по матер. Ист.-Рев. Архива, дело № 589—907 г.).

Е. Л.

II.

Под кличкой «Петр Иванович» он был прислан в Рогожский район, как пропагандист от М. К. в начале 1907 г.; блондин, выше среднего роста, бородка типа «Буланже», в мягкой, желтоватого цвета полупанаме,—вот таким он остался у меня в памяти. По происхождению дворянин, студент Московского университета (из данных, полученных на суде), 25—26 лет.

На занятиях в кружках и во время выступления на собраниях он всегда бывал очень спокойным, толковым, как лектор или докладчик. В районе он пробыл с весны до октября, более полугода, но принес пользу очень заметную, и нужно сказать, что за лето этого года, организация сильно разрослась, как количественно, так и по числу предприятий, вовлеченных в связь с партийной организацией. Много способствовало тогда, что во главе районной организации, кроме тов. Барсова были тов.: Радус-Зенькович, Яковлева, Лукин, Шумкин, Яковлев Н. Н. (расстрелян Колчаком) и т. д., затем и лето способствовало укрытию собраний под кустами, в оврагах и на лужайках. С переходом на «зимние квартиры» в чайные, партработа была стеснена тем более, что охранка уже обнюхивала нашу организацию. Благодаря провокатору, было обнаружено районное делегатское собрание в трактире 30 сентября 1907 года. Было арестовано 45—50 человек, из которых суду были преданы по 102 ст. 2-ой части 5 т.т.: Радус-Зенькович, Барсов-Иванов, я, Горелов и Гвоздев.

Барсов Петр Иванович.

До суда мне пришлось с «Петром Ивановичем», Лукиным и Радус-Зеньковичем сидеть в Якиманском арестном доме, где «Петр Иванович» вел себя, как прекрасный, отзывчивый товарищ. Вместе с Петром Ивановичем мы предстали на суд в Московскую Судебную Палату 14 июня 1908 г. Приговор был кошмарный: т.т. Петр Иванович и Радус-Зенькович были приговорены к 6 годам каторжных работ, я—к ссылке, Горелов—к 2 годам крепости и Гвоздев—оправдан. Это был первый приговор в Москве, который карал за принадлежность к социал-демократической партии каторжными работами. Из Якиманки нас перевели в Бутырскую тюрьму, где я был до декабря 1908 г. В последний раз я видел Петра Ивановича в кандалах. В 1911 г. я получил письмо, в котором сообщалось, что Барсов умер в лазарете Смоленской каторжной тюрьмы. Самодержавие, давая каторжные работы нашим вождям и руководителям, знало, с кем имело дело и кто им грозен, как непримиримый враг, об'единенный с массами. Характерен следующий эпизод: когда мы пришли в Бутырки и анархисты с эс-эрами узнали о приговоре к каторжным работам над эс-деками, они искренно негодовали на несправедливость суда, который карает, по их выражению, безвинных овечек, а их, волков с бомбами и браунингами посылает в арестантские роты и в ссылку на поселение. Бедные эс-эры и анархисты! История показала, что Петр Иванович безоружный был страшней для самодержавия, чем вы со своими бомбами. Вы оказались не волками, а овцами в классовой борьбе.

Ф. Мельников.

III.

Я знал тов. Петра Ивановича в работе Рогожского района Московской организации нашей партии в 1907—1908 г.г. Его прошлое? К сожалению, не знаю, так же как об очень многих товарищах; столкнувшись с ними в самой работе и не ощущая необходимости специально проверять их, мы в пору нелегальной работы не старались узнать подробности личные, в отношении же партийном достаточно было того, что работник прошел проверку в МК до посылки его в район.

Итак, о тов. Петре Ивановиче в районной работе я и буду говорить. Лет 26—27, в ту пору уже прихварывавший и по виду расположенный к легочным заболеваниям, тов. Петр Иванович с душой и беззаветно уходил в работу. Чтобы быть ближе к району, он поселился в самом районе, поселился, не имея в своем обиходе самого необходимого. То, чем мы могли снабдить его из скудных средств района, было слишком невелико и нерегулярно, чтобы обеспечить даже скудное пропитание изо дня в день. Тов. П. Ив. работал, как пропаган-

дист, и это было его основным стремлением; но он не мог отойти и от работы организаторской и агитаторской.

Не раз вспоминая его с товарищами-рабочими из Рогожского района, которые теперь являются руководителями районной работы, а тогда были нашими самыми молодыми и лишь только втягиваемыми в работу и в кружки связями,— мы сходились на одинаковом тесном, любовном, если хотите, отношении к памяти тов. П. Ив. Мягкий по природе, общительный, внимательный к другим, т. П. Ив. легко сходился с тов. по работе и обычно помимо обязательных тем политработы и организационных, охотно сводил беседу на материал своих собственных занятий и чтения, которым он отдавал весь свой досуг.

Условия работы в ту пору были нелегки; усиливавшаяся реакция отпугивала от нас наши старые интеллигентные связи, предоставлявшие нам квартиры, ночевки, адреса, оказывавшие материальную поддержку, и проч. Размежовка классовая шла бойко и резко, а слой работников из интеллигентов редел не только от выемок стараниями охранки, но и в силу отходов интеллигенции от рабочего движения.

В районе мы долго удерживали формы работы широкой, не уходя целиком в узкие кружки. Собрания при выходе с предприятий (у Перенуда, Гужона, Каравана, Чепелевецкого, на бойнях и др.), собрания и кружки в чайных района, на р. Яузе в прилегающих садах, по откосам Курской жел. дор., в лесах Измайловского зверинца и друг.,—за все это мы держались усиленно до осени 1907 года, когда часть районного собрания была застигнута в одной из больших чайных. Рядом с этим широко шла литература нелегальная, шла брошюрная легальная книжка, заводились библиотечки, велись узкие кружки, воспитывая кадр работников из среды передовой части рабочих. Наряду с этим велись военные обучения и формировались боевые дружины. На охране собраний они получали частичную практическую школу. Кампания по выборам в 3-ю Думу, агиткампания среди новобранцев осенью и др. захватывали всю активную часть наших связей и кружков.

В общих вопросах работы и положения т. П. Ив. разбирался легко и шатаний не обнаруживал. Когда вспоминаешь погибших товарищей, невольно стараешься перенести их в позднейшую обстановку и решить, как держал бы себя тот или другой в таком-то и таком-то остром для нас вопросе.

Относительно т. П. Ив. у меня была уверенность, что он был бы с нами, и что большевиком без колебаний он прошел бы через годы реакции и смуты к новому под'ему рабочей борьбы и практике революционной социал-демократии.

Тем тяжелее от этой утраты. Петра Ивановича быстро

как-то скрутила чахотка; появились поражения костей (суставов), и тов. П. Ив. умер в больнице каторжной тюрьмы. Каторга с'ела этот хрупкий организм, довершив разрушительное влияние на здоровье П. Ив. тех лишений, с которыми связана была вся тогдашняя работа.

Вспоминая о П. Ив., мне лишний раз больно, что он не может видеть наших общих выучеников и не пережил с нами также и радости победы.

В. А. Зенькович (Егор).

19/II 23 г.

Добавление к вып. № 1. „Бр. Могила", стр. 34.

БАРЫШНИКОВ ВЛАДИМИР АРХИПОВИЧ.

Памяти Владимира Барышникова.

Его краткая биография, помещенная в «Братской Могиле», напомнила мне жизнь в ссылке, побег Володи из Нарымского края. Вспомнилась и первая встреча с ним на одном из рабочих собраний—массовок, как называли тогда —в конце лета 1905 года. Это был тогда живой юноша с буйной прядью волос над высоким лбом, заряженный огнем приближающейся революции.

Узнать его ближе, как хорошего товарища, пришлось во Владимирских арестантских ротах в феврале 1906 г., на этапах далекой Сибири.

После памятного погрома 30-й казармы в Орехове, в ночь на 1-е декабря начались массовые аресты сознательных рабочих. Вскоре выстрелом из револьвера был убит директор Морозовских фабрик—вдохновитель местной черносотенной организации—Назаров. Молодой рабочий Иван Ветров *), стрелявший в него в конторе фабрик, сумел скрыться во время общего переполоха. Это событие вызвало новые аресты: искали Ветрова, ловили сообщников. Был схвачен и тов. Барышников. Швейцар, при котором стрелял Ветров, установил, что стрелял в Назарова другой человек, но Барышников был известен полиции, его направили во Владимир, и вместе с партией человек в 40, в административном порядке выслали в Сибирь. Партия была разбита на две группы: 18 человек высылалось в Нарымский край, и такая же приблизительно по числу группа была направлена в Туруханский край.

О побеге тов. Барышников думал еще по дороге в Сибирь: «Посмотрим, как живут остяки в Нарымии, и зададим тягу», говорил он.

*) Повешен в ноябре 1908 г. во Владимире по приговору военного суда.

— А, может быть. и не доедем до Сибири. скоро соберется Дума, и возможна амнистия,—говорит кто-то из товарищей.

— Ну, это, брат, на воде вилами писано...

Перекочевывая с этапа на этап, поджидая в каждой тюрьме партию, также направляющуюся в Сибирь. мы, наконец, добрались до Томска. В Ново-Николаевске простились с товарищами, которые ехали дальше на восток, в Туруханский край... В Томской тюрьме сидим вторую неделю, по возможности причиняя беспокойство начальству, стремясь сократить срок пребывания здесь.

— Завтра вас отправят в Тымское,—говорит начальник тюрьмы после очередного «недоразумения».

— А далеко это?

— Верст тысяча с лишком, вниз по Оби, к устью Тыма— северная колония края.

— Почему же нас так северно, мы люди средней полосы? —спрашивает тов. Ануфриев.

— О вас, господа, имеется особое предписание: «направить в отдаленные места края»; начудили вы должно в Орехове...

— А бежать оттуда, по крайней мере, можно?—интересуется тов. Барышников. Под щетиной усов змеится улыбка: «Исправника спросите, он край знает. Я по совести скажу, господа, никогда там не был—незачем. Знаю, что там комаров много»...

На другой день рано утром мы были на пристани Томи, и маленький пароходик выбежал на форватер. С нами на пароходе ехало несколько человек, которых пароход должен был высадить вместе с одним из сопровождающих стражников в Парабели, не доезжая Тымского. Вместе с этими товарищами остался и тов. Барышников, несмотря на протесты стражника, рассчитывая, что отсюда ему удастся лучше выбраться, чем из Тымска. Он прожил здесь все короткое нарымское лето и с одним из предпоследних рейсов приехал к нам в Тымское. Выбраться из Парабели ему не удалось. Дело в том, что комитетом ссылки были организованы побеги, но в зависимости от величины колонии определялось число желающих направиться в Европейскую Россию. Володя не попал под «разверстку» в Парабели и приехал в Тымское в надежде заручиться здесь паспортом и местом на пароходе. Но увы,— двое товарищей *) из Тымска уже бежали, и колония могла снабдить Володю только фальшивым паспортом.

Приближалась зима. Пароход скоро сделает последний рейс, привезет почту, сгрузит соль, муку, чай, сахар, табак

*) Один из них Михаил Хохлов умер в 1908 году в г. Москве и похоронен матерью под чужим именем.

в местную лавочку, и ссылка надолго отрезана от Томска, от России...

Комитет ссылки созывал с'езд представителей ссыльных в одной из южных колоний края, в Колпашеве. Обратно можно было вернуться с последним рейсом, но до Нарыма, куда делал предпоследний рейс пароход, нужно было ехать на лодке вверх по Оби. От Тымска до Нарыма 120 верст, дорога и зимой и летом одна—Обь, кругом болота, тайга. За лето мы выучились управлять лодкой в любую погоду не хуже сибиряков, и путешествие казалось нам не невозможным. Поездки верст на 20—30 вверх и вниз по Оби мы уже делали. У нас был опыт.

На повестке организационного бюро с'езда стоял ряд вопросов, в разрешении которых была заинтересована каждая из колоний: организация побегов зимой, распределение полученной литературы и одежды из России, распределение денег среди более нуждающихся ссыльных, и т. д.

Делегат выбран, что-ж, надо ехать! Трое товарищей осматривают лодку одного туземца, который разрешил ею воспользоваться для путешествия. Едет и тов. Барышников, который рассчитывает бежать с последним рейсом: «В Нарыме как нибудь устроюсь на пароходе до Томска, паспорт на имя нарымского мещанина у меня есть»,—говорит он.

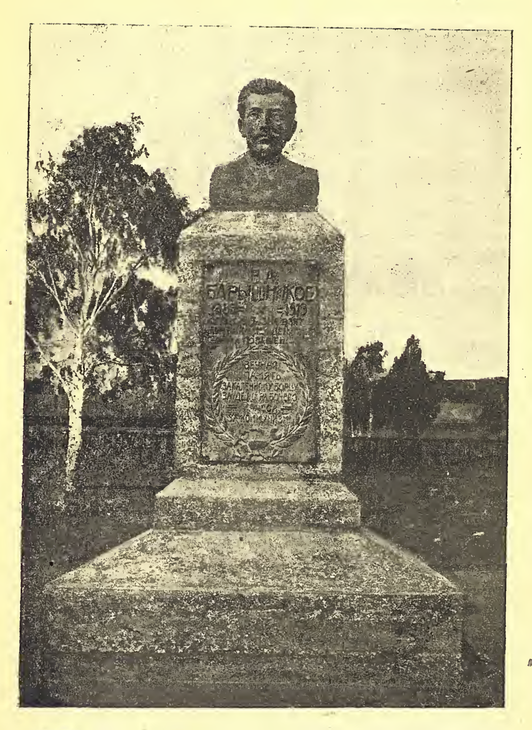
Я хорошо помню это длинное путешествие с Володей по дикой сибирской реке. Захватили хлеба, чаю и рано утром поднимаемся вверх по Оби, налягая на весла. Гребем с товарищем Поспеловым. Ветра нет, парус лежит на дне лодки. Товарищ Рубцов сидит на руле. Володя сидит на парусе и строит планы побега:—«Не устроит меня Нарымский Комитет на пароходе, сговорюсь с матросами, наконец, просто спрячусь на пароходе, а зимовать здесь не останусь, главное добраться до Томска».

— Вот что, Володя, мы все уверены, что ты убежишь... это несомненно тебе удастся, а пока смени-ка одного из товарищей,—шутит Рубцов.

— Я с удовольствием... Володя охотно берется за весло, сильно налегает на него, летят брызги на Рубцова. Оказывается, за время жизни в Парабели Володя не научился грести. В лодке раздается дружный хохот. Володя стремится исправить неловкость, но он не улавливает ритмических движений товарища, из-под весла летят брызги на рулевого, лодка идет зигзагами...

— Как же это ты, брат, плохо? Ты всех нас вымочишь!

— До Нарыма далеко, выучусь,—беспечно говорит Барышников.—Рубцов через плечо оглядывается на Тымское, исчезающее за поворотом: «Помахаешь веслом до Нарыма, пожалуй, и впрямь выучишься».

Памятник Барышникову.

Лодка идет рядом с песчаной косой. Впереди крутой берег—яр. Надо переваливать на другую сторону. Под яром грести трудно. Обь б'ется о крутой берег... лодка борется с волнами, двигаясь на другой берег реки. Тихо у берега, а на средине Обь шумит, и вал бросает лодку, но нам не страшны ее седые волны, мы привыкли к ним во время ловли стерлядей. Перевалили Обь.

«Идем бичевой!» Веревка привязана на средину мачты, лодка под острым углом скользит по воде, мокрый песок хлюпает под ногами. Впереди видны рыбаки. Кричат чайки. Их целые тучи летают над неводом. Берем у рыбаков рыбу и в половине дня делаем привал. Греем чай, варим уху, рассчитывая к вечеру доехать до заимки Фомы-рыбака и здесь ночевать.

Усталые, поздно ночью, сделав около 35-ти верст вверх по Оби, мы заснули, как убитые, на заимке под шум дождя. На другой день поздно вечером мы были в Каргасеке (60 верст от Тымска), едва не утонув при перевале Оби, на устье Вась-Югана. На четвертые сутки мы были в Нарыме, самой большой колонии края. Ссыльных здесь было тогда больше 200 человек. С'езд собирался в Колпашеве, самой южной колонии края, и через день с Барышниковым мы были уже на пароходе. Колпашево—последняя пристань, и дальше ссыльные не пропускались, отвоевав себе право раз'езжать на пароходе от Колпашева до Тымска. В Колпашеве было что-то вроде кордона, у пассажиров стражниками поверялись документы... Сидим с Володей на палубе.

— Вот, что я придумал,—говорит Володя,—рискованно, но думаю удастся. Говорил я с матросом, просил спрятать—боятся. Приглядывался к пассажирам и придумал вот что: в каютке 1-го класса едет жена одного нарымского торговца, ее едва ли заподозрят в укрывательстве ссыльного...

— Так ты что же думаешь, попросить ее об этом?

— Нет, просто думаю в ее отсутствие спрятаться под диваном, и она в кампании со мною доедет до Томска. Едет она почти без вещей, с одним ручным чемоданчиком и под диван ей заглядывать незачем. Диван задрапирован до полу, купчиха, кажется, любит поспать и мы с ней великолепно доедем. Лучше, брат, не придумаешь, ну, а трое суток под диваном пролежать не штука!

Перед Колпашевым, когда купчиха была на палубе, Володя пожал мне руку и исчез.

Через две недели я ожидал на пристани пароход, чтобы вернуться в Тымское и встретил нашего Володю. Под конвоем его возвращали в Тымское, но привезший Володю стражник сдал его в Колпашеве.

— В чем дело?—спрашиваю.

— Не удалось, брат, целая история и... смешная. Залез я тогда под диван и почти двое суток купчиха не подозревала, что едет не одна. Когда она выходила из комнаты, я мог расправлять онемевшие члены, под диваном оказалось тесновато; ночью, когда она укладывалась на диване, засыпал и я. Проснулся под утро на вторые сутки; в каюте жара, пить смерть хочется! Проснулась вскоре и купчиха. Заварила чай, попила, заперла каюту и ушла. Я не стерпел, допил остатки чаю и тут же сообразил, что поступил опрометчиво. Купчиха пришла и решила выпить еще стакан. Каково же было ее удивление, когда в чайнике не оказалось ни капли!.. Ее беспокойство перешло в испуг, когда она заглянула под диван, и подняла тревогу... Вначале меня подозревали в покушении на грабеж, а потом и сама купчиха поняла вздорность предположения. Пока направили обратно, за побег привлекают к суду, придется сидеть, но кажется Нолькен (губернатор Томска) уже дал распоряжение в административном порядке продлить срок ссылки на год, что ли...

Дальше я не поеду и останусь здесь. А как прошел с'езд, будут ли организованы побеги зимой?

На наше счастье пароход, сгружая здесь соль и муку, простоял до вечера, и нам удалось получить согласие Колпашевского Комитета ссыльных на то, что тов. Барышников будет отправлен в Россию с последним рейсом. Вечером Володя проводил меня в Тымское, а встретились мы с ним через много лет, опять в Орехове.

После от товарищей в Колпашеве я узнал, что и второй побег Володи был неудачен. В Томске, уже в вагоне, его узнал сплавщик поплавков для рыбачьих сетей, который его знал в Парабели, как ссыльного, и выдал. Володя просидел около 3-х месяцев в тюрьме и ему пришлось зимой в 40° мороз совершить из Томска вместе со стражниками путешествие до Колпашева (около 600 верст). Этой же зимой ямщик свез его в Томск, тихо об'ехав кордон под Томском, и Володя перешел на нелегальное положение. Через год он был расшифрован полицией и вновь был выслан в Енисейскую губернию, где и отбыл срок ссылки.

Волны пролетарской революции примчали его в 1917 году в Орехово, и он быстро выделился благодаря способностям из революционной массы рабочих.

В борьбе с плеядой авантюристов-разбойников, Врангелем, Колчаком, Юденичем и др., ореховцы много потеряли товарищей. Потеряли и товарища Барышникова... Во время мамонтовского прорыва он был схвачен и задушен петлей царского генерала.

Память о товарище Барышникове жива среди ореховских рабочих, и своему пламенному вождю, вышедшему из их

среды и отдавшему жизнь свою за идеалы рабочего класса, они поставили памятник на площади перед рабочим театром. Здесь раздавались его горячие речи, звучал его голос, звавший на борьбу с одряхлевшим капитализмом...

Ярко вспыхнул в период гражданской войны этот красный цветок, этот огонек пролетарской революции, и померк, задушенный петлей одного из последних палачей кровавого царя. Холодная бронза памятника зовет рабочие массы к борьбе, к победе за конечную цель пролетарской революции— коммунизм...

Нарымец.

Добавление к вып. № 1. „Бр. Могила“, стр. 37.

БАУМАН НИКОЛАЙ ЭРНЕСТОВИЧ („Грач“, „Макар Иванович“, „Сорокин“, „Соровский“).

I.

Из первых дней революционной жизни т. Н. Баумана.

(Отрывок из воспоминаний).

Это было в самом начале девяностых годов, примерно, в 1892 году, в Казани, во времена сильнейшего революционного затишья. Народовольчество выродилось к этим годам в интеллигентский радикализм и культурничество, а социалдемократия у нас еще не народилась, хотя и «носилась уже в воздухе», даже в таких захолустьях, каким всегда была в революционном отношении Казань... Для рабочих кружков, с которыми я имел дело, одного «революционного» настроения было слишком мало, не удовлетворяли нас и студенческие— тоже подпольные, кружки—землячества, занимавшиеся, главным образом, саморазвитием... Марксистской литературы, которая появившись через год оказалась для нас настоящим откровением, и в помине не было... Мы с тов. Бауманом, два желторотых студента (он Ветеринарного института, я ун-та), переживали мучительно отсутствие ответа на стоявшие перед нами «проклятые вопросы», помнится, прежде всего, что считать первоосновой—политику, в частности террор, или путь экономической борьбы... И затем, как относиться к капитализму и общине (кажется в то время появилась известная книга на эту тему Николай-она).

Мы решили потребовать категорически ясного ответа на все эти вопросы от наших казанских лидеров-«стариков»...

Обходили их, приставая «как с ножом к горлу». Живо помню, насколько неиствовал в требовании ответа обычно спокойный и уравновешенный тов. Бауман... Да и стоило неиствовать, ибо кроме полнейшего разочарования ничего наши быстростремительные набеги на наших орадикалившихся «лидеров» нам не дали. Настроение у нас было настолько мучительное, что если бы не марксизм, который вскоре же стал пускать в Казани крепкие корни, вероятно, кончили бы мы оба плохо... Через год я покинул Казань и потерял из виду тов. Баумана, встретившись с ним еще раз, кажется, после 2-го с'езда РСДРП, как с определенным большевиком... Изредка пришлось бывать у тов. Баумана и на дому; происходил он из довольно обеспеченной семьи; отец его был обойно-столярным мастером.

А. Стопани.

II.

Дела давно минувших дней. Почти двадцать один год прошел с тех пор, как я в первый раз встретился с тов. Бауманом. То было на юге, в Киеве, в Лукьяновской тюрьме.

Когда в середине февраля 1902 года меня привезли из Москвы в это узилище, я там застал его вместе с другими товарищами «искровцами» в количестве 9-ти человек. Помимо них, как можно легко догадаться, в этой огромной тюрьме сидело немало еще народа. В нашем одиночном мужском корпусе было до сорока человек. В главном сидела все больше случайная «политика»—рабочие-массовики и студенты, забранные то на демонстрации, то на массовке в лесу, и т. д.; количество политических заключенных главного корпуса постоянно колебалось, но, как помню, никогда не спускалось ниже восьмидесяти. Был еще женский политический корпус, далеко от нас расположенный, равный нашему по помещению, где сидели важные и неважные товарищи женщины-«политики». Сколько было товарищей женщин, не припомню сейчас, но кажется не меньше, если не больше, чем нас, мужчин, на нашем мужском. Было много и уголовных; те сидели в главном корпусе, где помещалось и пересыльное отделение. Уголовщина исчислялась, как помню, сотнями.

Лукьяновка была целым поселком, и жизнь в ней кипела ключом. Вечный неумолчный шум и гам от человеческого муравейника, превращавшегося порой неожиданно в настоящую бурю звуков, когда «политика» не выдерживала и устраивала шумные обструкции протеста против своего заключения с битьем стекол, с таранными стуками по запертым дверям камер.

В этом-то своеобразном поселке я и встретил Николая

Эрнестовича. Члены группы из девяти искровцев, к которой он принадлежал, незадолго до моего прибытия были свезены в Лукьяновку, чуть не со всех концов «Российской империи». Это был всероссийский провал: агенты заграничного центра нашей партии—агенты «Искры». Жандармам предстояло большое дело и награды. Называю их искровцами условно, ибо я сам исповедывал ту же веру, что и они. Но я, как и остальные товарищи, бывшие в то время в Лукьяновской тюрьме, были местными партийными работниками, а они несли общепартийную работу. И если я был привезен из Москвы, то только потому, что туда я пытался скрыться из Киева, где работал в качестве члена Киевского комитета. Наш мужской корпус жил своею обособленной от других корпусов жизнью. У нас, как и во всей тюрьме, двери всех камер от утренней до вечерней поверки были открытыми, и мы жили своей коммуной со своим старостой, общим коммунальным питанием. Целые дни то ходили в гости друг к другу, то коротали время на своем довольно тесном дворе, где порою устраивали общие шумные игры, порой проводили время за общими беседами, устраивали хоровое пение и т. п.

В такой обстановке легко было узнать друг друга. И среди всех товарищей, как с местной, так и с центральной работы, Н. Э. Бауман выделялся одной особой чертой.

В те времена, когда более или менее ответственные партийные работники вели свою партийную родословную с конца или даже с середины 90-х годов, в настроениях, в обликах многих и многих из нас было много черт—только что минувшей поры народовольчества, несмотря на наши самые твердые марксистские основы.

В партийных верхах, вплоть до местных, как теперь мы их называем, комитетов, господствовали с.-д. интеллигенты... Облик партийца-интеллигента со всеми его положительными и слабыми сторонами был господствующим обликом тогдашнего партийца-подпольщика. Н. Э., будучи человеком с высшим образованием и имея все основания носить это интеллигентское обличие—был счастливым исключением из общего правила. В нем не было никаких интеллигентских «настроений». Не было и следа душевной расхлябанности. Он был прирожденным, твердокаменным большевиком, каковым он и стал на другой день после раскола партии. Он был таким не только по своим убеждениям, но и по своему нутру, по своему духовному складу. Верный товарищ, коренной партиец-подпольщик, он нес с собой, помимо горячей веры в дело, за которое он отдал свою жизнь, бодрость, смелость, неутомимость, жизнерадостность. Будучи сыном мастера (немца), Николай Эрнестович, вопреки предуказанию судьбы, по случайному обстоятельству (жена его была из богатой семьи),

никогда не нуждался материально, и, будучи на свободе, использовал это во славу конспирации—мог одеваться не только прилично, но изысканно, что в те времена очень и очень помогало заметать следы. Он не стеснялся своего «богатства», что обязательно бы сделал на его месте чистокровный интеллигент. Он только использовал его во всю, щедро помогая товарищам и партийному делу.

Прозвали в тюрьме мы его «балериной». Ловок, гибок, силен он был и умел в минуты бесшабашного веселья, которое порою налетало на всех нас, ловко подражать танцам балерины.

Товарищи-искровцы вскоре после своего ареста задумали бежать из тюрьмы. В один из самых прекрасных дней всей моей жизни, один из них в качестве дежурного по с'естной кладовой, разрезая вместе со мною, тоже дежурным, колбасу на кусочки по восьмой фунта на брата, на ужин для всех товарищей нашего корпуса (на ужин у нас шли все передачи с воли), шепотом сообщил мне о плане побега и предложил мне присоединиться к ним. Бурно забилось сердце от радости. Согласие дал не колеблясь... Готовились бежать вечером, с вечерней прогулки, прямо через стены двора. Собирались бежать в мае месяце. Но случилось несчастье: один из группы искровцев во время наших игр сломал ногу. Долго ждали, чтобы зажила его нога. И, как теперь помню, назначили побег на вечер 15 июля. Все было готово. Тюремных сторожей в течение месяца мы постоянно угощали то вином, то спиртом, чтобы в нужный день вместе с дозой спирта угостить их дозой снотворного.

Времена были деликатные, нужно было усыпить стражу, но не до смерти. Чтобы знать, как это сделать, в городе был специально для этого врач, свой человек, который снабжал нас снотворным зельем. И мы, чтобы не усыпить навеки стражу, решили испытать это зелье на себе. Подсыпали потихоньку снотворного лекарства участникам будущего побега (меня, вероятно, по причине моей нервозности исключили из числа тех, над которыми производили эти опыты), давали просто пить. Долго ничего не выходило: ничем нас не усыпишь. Наконец—удача. Хорошая доза хлорал-гидрата усыпила одного из нас, и он как по писанному, крепко и скоро заснул ровно на полчаса, как предсказал врач. Нам больше и не нужно было. Во всех приготовлениях Николай Эрнестович принимал самое горячее участие. Из простынь свили веревки для лестницы, на перекладки пошли ножки от венских стульев из камер. Достали с воли якорь «кошку», к которой прикрепили лестницу. Научились строить «пирамиду», двое внизу, один к ним на плечи, а четвертый к нему на плечи, и

руками уже мог лечь на самую стену и забросить «кошку», зацепив ею за наружный карниз стены. Все было готово. Но семь раз пытались, семь вечеров выносили всю музыку на двор, и всегда что-нибудь мешало. Наконец, 18 августа того же 1902 года, в 9 часов темного вечера, все удалось. Напоили двух сторожей внутри коридора: один заснул, другой очумел. Наружному, что был с ружьем, дали стакан со спиртом и с этой гадостью (пробовал я одну каплю выпить, и показалось, что мне кто-то гвоздь в горло воткнул,—так обдирало глотку это питье). Выпил полстакана—больше не мог. Плохо выходит. Напали на него, отняли ружье, связали кое-как, не умели. Заткнули рот платком. Через минуту, как отошли, он уже рот освободил, и кричит не своим голосом: «Ратуйте, ратуйте». И так не унимается, но мы со всеми другими товарищами приучили тюрьму и ни к таким крикам. Никто и внимания на этот крик не обратил. Я шел по списку последним. Видел, как каждый взбирается по лестнице и затем там на верху стены пропадал во мраке ночи неизвестно куда. Всякий шел своей ухваткой. Кто быстро, кто с остановкой. И лучше, красивее всех, взобрался и исчез тов. Бауман. Когда я в эти минуты напряжения всех человеческих нервов наблюдал за всеми мелькавшими перед мною при тусклом свете тюремного фонаря фигурами товарищей, движения Баумана мне показались взмахом крыльев легкой птицы. Последним спустившись по канату наружу во тьму кромешную, я, обладая достаточно длинными и в те годы быстрыми ногами, скоро догнал Баумана, ушедшего одним из первых. Только что сговорились с ним итти дальше вместе (уже в черте города, тюрьма за городом—десять минут моего тогдашнего бега), вдруг послышался стук дрожек по мостовой. Подумали—погоня. А погоня уже была, как только мы все перебрались через стену, в ту же минуту часовой, которого мы связали, добрался до винтовки ползком и выпалил из нее.

Бауман подсел под какой-то мостик, я залег в ров (тут было шоссе, которое являлось границей города). Шум пролетки затих, вылезаю, Баумана и след простыл. Всякими путями спасались мы потом. Все мы благополучно добрались, провалился лишь бежавший с нами славный парень рабочий, по партийности тогда эсер. Уже через пару недель собрались мы все, беглецы, в Цюрихе в Швейцарии, и отпраздновали свое освобождение маленькой дружеской пирушкой в ресторане «Под золотой звездой». Рассказали мы друг другу о своих скитаниях. Кое-кого из нас и меня в том числе товарищи не узнали: из блондинов мы перекрасились в брюнетов. Бауман не красился. Прямо после побега забрался он к своему знакомому адвокату—сочувствующему. Жил адвокат в Киеве

в шикарной квартире. Был одинок, и во всем доме, кроме него, был только лакей его—верный человек. Две недели прожил тов. Бауман у этого адвоката, как говорится, как у Христа за пазухой. Отдыхал, от'едался после тюремного недоедания, и целыми днями читал—была у того адвоката хорошая библиотека, а потом, обрившись, сняв свою большую бороду и одевшись щеголем, нанял лихача и прямо открыто поехал на Киевский вокзал, купил билет первого класса до Вильно, и был таков. Кто посмел бы тронуть барина, да еще немца по виду? Кто мог догадаться, что это не барин и не немец, а всего навсего политик, беглый арестант? В Цюрихе он оставался недолго. Встречался затем я с ним часто в Женеве, уже в конце лета 1903 г. Он все так же сиял здоровьем, молодостью, жизнерадостностью, приветливостью. Молоды мы все были, беглецы киевские, как на подбор: почти все мы были одногодки. И было каждому из нас по 28 лет от роду. Хорошие года...

Вернулись той осенью в Женеву товарищи со второго с'езда нашей партии и узнали мы, киевляне, про раскол и сами раскололись чуть не на второй день после их приезда. Часть пошла за Мартовым, за меньшевиками; другая, наша часть—за Лениным, за большевиками. Тов. Бауман, рожденный быть революционером, сразу оказался, конечно, с большевиками, с Лениным. Скоро уехал я в Россию, на работу на Кавказ и потерял из виду Николая Эрнестовича. Везли меня потом этапом из Бакинской тюрьмы в Архангельскую ссылку осенью 1905 года. В Ростовской тюрьме этапная остановка. Сидим неделю, другую, не везут дальше. Слышим: забастовали железные дороги, ну, а потом и пошла писать губерния. Вышел царский манифест, стали всех выпускать, но меня с одним товарищем не освободили. Сидим и видим—сначала за стеной наша победа. Диву даемся, чего же нас не выпускают. А потом поняли—три дня город был в зареве черносотенного погрома. Вот тут-то, сидя еще в Ростовской-на-Дону тюрьме, в один ужасный день слышим, кричит кто-то с воли: «В Москве Бауман убит».

Через пять дней выпустили нас. Приехал я в Москву и узнал все подробности гнуснейшего убийства: его, тов. Баумана, всю жизнь шедшего впереди других, боровшегося за великое дело освобождения пролетариата в час, когда пролетариат поднялся и рвался вперед к светлому будущему, его, Баумана, сразила рука презренного холопа, рука верного сына полицейского участка. Иногда художники в образах дают нам картину борьбы добра со злом. Но никто из них не превзошел в своем творчестве того, что дала нам жизнь в тот день: верный солдат пролетарской революции, всегда во все дни своей

короткой жизни бывший на своем опасном посту, погибает со знаменем в руках от удара железной дубины подлого охранника.

Бауман умер 17 лет тому назад, действительно же он жив и своей геройской смертью продолжает свою неустанную работу, свой призыв к непримиримой ненависти к эксплоататорам, к миру капиталистического рабства.

Владимир Бобровский.

III.

Памяти Н. Э. БАУМАНА.

Среди наших партийцев в старые годы была особая порода людей, которые с головы до ног были пропитаны духом революционного энтузиазма и самоотвержения.

Таким именно и был, сколько я его знаю, покойный Николай Эрнестович Бауман. Самоотверженный революционер, прекрасный, с большой выдержкой, организатор и жизнерадостный, веселый человек, которому «ничто человеское не было чуждо». Да, этим веяло от всей его прекрасной и крепко сложенной фигуры, от открытого лица, от приветливых его глаз. Впервые я встретился с тов. Бауманом в Таганской тюрьме, летом 1904 года. В один прекрасный день, в часы прогулок, открывается «форточка» в дверь моей камеры и просовывается симпатичнейшая голова с широким лбом, веселыми глазами, русой бородкой—лицо необычайное, сразу останавливающее на себе внимание. Познакомились. Пожали друг другу руки. Поболтали. И здесь же надзиратель, который открыл «форточку» по просьбе этого «арестанта», умевшего, очевидно, влиять на людей, так как редко кому удавалось уговорить тюремных надзирателей нарушать «правила». Этот «политик» был Н. Э. Бауман.

Арестован он был в Москве по делу ЦК нашей партии, агентом коего он был в то время. Кроме того, ему еще предъявили обвинение в побеге из Киевской тюрьмы в 1902 году. Как «беглеца», его держали под строгой охраной (а «форточку» моей камеры все-таки открыл!) в «изоляторе». В силу этого, приходилось редко встречаться с ним: все сидевшие в «изоляторе» выводились на прогулку в одиночном порядке. Хотя тюремный режим в Таганке был в то время «свободный», и мы даже умудрялись читать из окон рефераты и вести дискуссии, но «изолятор», в котором сидел Н. Э., находился вдали от нас, особняком.

Несмотря на это, он все же находился в общении с нами, и ни одно тюремное предприятие не обходилось без него. Так, когда осенью 1904 года Таганская политическая тюрьма об'явила голодовку, он в ней принимал деятельное участие. Как я говорил выше, Н. Э. обладал способностью влиять на людей. В значительной мере это об'ясняется обаятельностью его личности. Он покорил сердца и уголовников. Это был их любимец. «Дядя Коля» был самым популярным и авторитетным человеком среди «отверженных». И, пожалуй, самым трогательным венком на его могилу был венок с красной лентой от таганских уголовников—«дяде Коле»,—как они его называли.

Второй и последний период, к которому относятся мои встречи с Н. Э., это октябрьские дни пятого года. Числа 8—10 октября старого стиля Н. Э. был освобожден из тюрьмы до суда под залог. Это было время, когда страна уже начала сотрясаться от революционного напора российского пролетариата. Как натура революционная, Н. Э., не теряя золотого времени, тотчас отдал себя в распоряжение московской организации партии. Просидев долгое время в тюрьме, он не взял на себя никакой руководящей работы; присматривался к новым условиям нашей работы, аккуратно посещая и принимая участие в заседаниях МК, набирался, так сказать, «нового опыта». Как всегда, он был весел, жизнерадостен и, помню, не раз я видел его потиравшим руки от восторга перед развернувшимися событиями.

Последний раз мне привелось его видеть перед его смертью. Мне пришлось быть очевидцем его убийства *).

Прошло 17 лет, а передо мною ясно встает образ одухотворенного «дяди Коли», с красным знаменем направляющегося к рабочим фабрики Дюфурмантеля присоединять их к демонстрации. А через пять минут бездыханный, изуродованный труп славного революционера, павшего от предательской руки наемного убийцы.

В истории московской организации сыграла громадную роль не только деятельная жизнь Н. Э., но и его славная смерть. Не преувеличивая, можно сказать, что московская организация нашей партии стала массовой со времени смерти Баумана. Его труп послужил как бы цементом, скрепившим московский пролетариат с нашей партией. Имя Баумана для московского рабочего и поныне является синонимом большевизма. И несмотря на то, что прошло 17 лет, едва ли можно

---

*) Мои воспоминания об убийстве Баумана см. № 9 „Пролет. Революции“.

найти в Москве рабочего, которому не было бы известно имя Баумана.

И оно останется вечно в памяти пролетариата, которому он отдал свой ум, сердце и самую жизнь.

С. Черномордик (П. Ларионов).

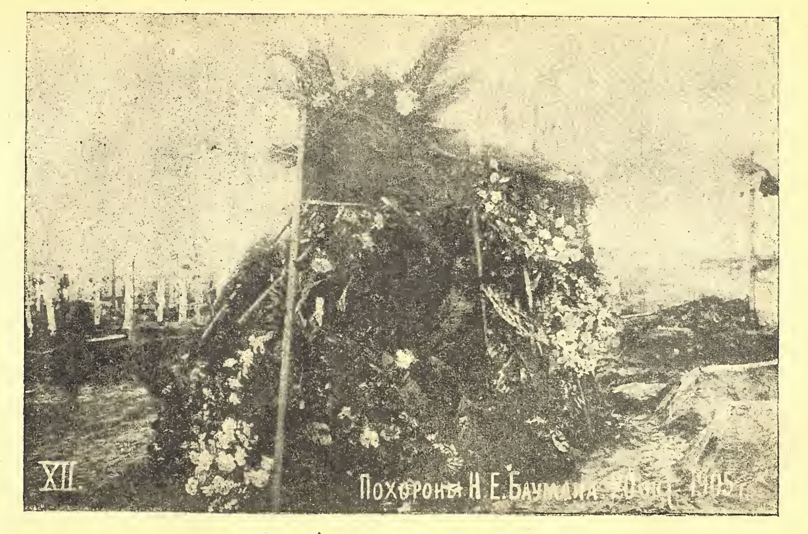
IV.

В это время (окт. 1905 г.) я работал в Москве на Немецкой улице, в булочной Г. Е. Капарулена. Над нашей булочной был трактир с вином и двор для извозчиков. К нам на двор ходили играть в бабки рабочие фабрик Шаповой и Дюфурмантель. На дворе каждый день собирались рабочие кучками, а у нас, булочников, спальня была во дворе. Когда однажды наш хозяин проходил двором, один рабочий ф-ки Шаповой, подойдя к нему, попросил:

— Дай-ка на полбутылку водки, я за твое здоровье выпью, да еще какого-нибудь убью забастовщика.

Наш хозяин достал двугривенный и дал.

18 октября мы, булочники, выйдя на угол своей булочной, наблюдали, как росло здесь движение рабочей массы; вышли также рабочие ф-к Шаповой и Дюфурмантель. Стоя у своих ворот, увидали мы толпу рабочих на углу Вознесенской и Немецкой улиц. В той рабочей массе и был наш вождь, тов. Бауман. Он ехал на легковом извозчике, стоя на пролетке, и держась за спинку сиденья извозчика. В то время как пролетка немного не доехала до фабрики Шаповой, рабочий, который взял у нашего хозяина двугривенный, держа в руках газовую палку (трубу газовую), подбежал к извозчику и ударил трубой по виску тов. Баумана, и еще ударил его местный мясник Буданов ножнеей, куда мясники вкладывают ножи. Вскоре эти два убийца тут же скрылись. Было произведено несколько револьверных выстрелов, но бесполезно, а товарищ наш был убит. Подойдя к нему (он был еще жив), мы его подняли и понесли напротив в бесплатную амбулаторию, где ему обмыли рану и сделали перевязку. Здесь же вскоре он скончался; тело тов. Баумана понесли в Техническое училище и положили в одну из комнат училища. После этого рабочие и работницы стали сходиться в училище, где в это время было назначено собрание. Когда по окончании собрания я пошел еще раз навестить тело дорогого товарища, то к гробу не стали пускать. Были родственники, у изголовья гроба стояло красное знамя с надписью золотыми буквами: «Погибшему борцу за свободу—от рабочих фабрик и заводов».

Могила тов. Баумана.

Было оповещено о похоронах, и сборный пункт был назначен здесь же, около Технического училища. На второй или на третий день сюда стали сходиться рабочие с фабрик и заводов, неся впереди своих организаций знамена, кто траурное, а кто революционное—красное. Венков была масса. При выносе гроба раздалась команда рабочих: шапки долой! Построились стройными рядами и понесли гроб на Ваганьковское кладбище. По улицам из открытых окон домов приветствовали шествие красными платками. Мы отвечали на привет фуражками, пели похоронный марш, а позади нас ехали повозки Красного Креста. Было много провокационных слухов, передавали, что едут казаки, и провокаторы в это время начинали выскакивать из стройных рядов рабочих, но рабочие свое дело крепко знали, совершили похороны товарища, спели ему вечную память и дали мы, рабочие, клятву над его могилой: дело наше довести до конца.

Вечная память товарищу Бауману!

Волков.

БАШАШИН.

(По воспоминаниям т. Тулякова).

Тов. Башашин, сын крестьянина, рабочий Люберецкого завода, вступил в партию РКП с 1917 года, и с первых же дней революции принимает деятельное участие в работе организации. Был представителем от профсоюза, распространял революционную литературу, ездил на митинги, и в июльские дни 1917 года за агитацию чуть не был сброшен черносотенцами из вагона.

Участвуя в московских октябрьских боях, тов. Башашин попал в плен к белогвардейцам, занимавшим гостиницу Метрополь, в которой пришлось 5 дней просидеть в подвале.

В 1919 году ячейка завода посылает тов. Башашина на партийные курсы, откуда его, как особенно энергичного товарища, командируют на фронт. Работая помощником комиссара полка, был в бою зарублен белогвардейцами вместе с командиром полка.

БЕРВАЛЬД МИХАИЛ РЕЙНОВИЧ.

Рабочий-металлист (шлифовщик). Михаил Бервальд родился в г. Риге в 1887 году. Окончил 2-классное городское училище, и с 13 лет начинает работать на фабриках. Первый раз попадает на массовку в 1903 г., а в 1904 г., 17-летним юношей, вступает в рижскую организацию социал-демократов большевиков. Тов. Бервальд принимает активное участие

в революции 1905 г., работает в партийном кружке, являясь его представителем, в 1907 г. избирается членом районного комитета партии и городской конференции.

В 1912 году после забастовки его арестовывает рижская охранка. В тюрьме он подвергается избиению и там заболевает болезнью почек, которая и явилась впоследствии причиной его ранней смерти.

В 1914 году тов. Бервальда мобилизуют на фронт, и с этих пор он к работе на фабрике уже не возвращался, работая до 1920 года то на фронте, то в тылу среди солдат и красноармейцев. На фронте в 1915 году он заболевает, получает шестимесячный отпуск, после которого попадает в 260 запасный полк, в котором служит почти до самой Октябрьской революции.

В 1918 году, когда в Латвии торжествует власть рабочих Советов, тов. Михаил находится в 15 армии 11 дивизии комиссаром одного из полков. Он сражается с Брянским боевым отрядом против Каледина, во время эвакуации Украины с латышским отрядом прибывает в г. Саратов и оттуда снова уезжает на южный фронт. В 1919 году сражается на фронте в Латвии, а в 1920 году—на польском фронте под Варшавой. Здесь получает ранение и приезжает на излечение в г. Смоленск. И только в конце 1920 года, после долгих просьб, его отпускают учиться в Свердловский университет.

Но учиться ему почти не удается. Через месяц его избирают в бюро университетской ячейки, членом которой он состоит в течение трех перевыборов. Кроме того, он состоит и членом партийного суда при университете. Красно-Пресненский район выделяет его для работы в районную контрольную комиссию во время проверки личного состава партии; в течение трех месяцев он работает как секретарь комиссии по чистке. Все эти партийные обязанности он выполняет блестяще, работая очень часто по 15—16 часов в сутки.

Умер тов. Михаил Бервальд в Москве в ноябре 1922 года, 35 лет. В лице тов. Михаила партия потеряла одного из старых, активных, вернейших и преданнейших своих членов.

(Сост. по парт. анкете и некрологу из «Правды», № 264, 22 ноября 1922 г.).

БОДУНОВ ДМИТРИЙ ЕГОРОВИЧ.

Дмитрий Егорович Бодунов, сын рабочего Раменской фабрики, родился в 1883 году 25 октября. Воспитывался и рос в среде рабочих детей, получил образование в фабричной школе,

после чего 16-ти лет поступил на Раменскую фабрику, где и работал до 1905 года. В 1905 году был призван на военную службу. После службы поступил опять на фабрику ткачем и работал все последнее время по этой специальности.

На фабрике, вращаясь в кругу сознательных подпольных работников, очень заинтересовался этой работой, и в 1911 году вступил в ряды партии социал-демократов большевиков и стал принимать активное участие в ее работе. Работал секретарем и казначеем этой организации, занимался выпиской газеты «Правда» из Петербурга, нелегальным путем распространял с.-д. литературу и прокламации, вербовал новых товарищей в ряды с.-д. партии (больш.),—и так работа кипела до 1913 года, когда охранка раскрыла работу организации и арестовала всех товарищей, передовых работников, а Д. Е. Бодунова выгнали с завода и не стали пускать во двор фабрики к своей семье. Пришлось поступить на Московско-Казанскую жел. дор. в качестве провожатого багажных вагонов, но там работать долго тов. Бодунов, как честный человек, не смог, и поступил на Люберецкий завод в слесарские ученики. Здесь снова работа подпольной организации закипела, и тов. Бодунов быстро выдвигается среди рабочих, проводя работу по организации больничной кассы при заводе, но администрация завода зорко за всеми следила, и тов. Бодунов сейчас же был выгнан с завода. Создалось скверное положение: семья его состояла в это время из 8 человек, из которых 6 было детей, а пришлось почти целый год находиться без работы. Империалистическая война. Тов. Бодунов с большим трудом избегает мобилизации и поступает в Московско-Рязанские мастерские работать на оборону в качестве слесаря и здесь среди слесарей стал снова проводить подпольную работу. В Московско-Рязанских мастерских тов. Бодунов проработал до февральской революции, в которой принимал активное участие. С первых дней революции стал членом Красной Гвардии, в Москве выступал на баррикадах и при первой открытой организации Р. К. П. (большевиков) стал ее членом. После Октябрьской революции тов. Бодунов жил уже в селе Раменском и был назначен первое время в волостную комиссию по борьбе с контр-

Бодунов Дмитрий Егорович.

революцией. Потом был назначен Раменским подрайкомом Р. К. П. (большевиков) в Бронницкую уездную чрезвычайную комиссию в качестве председателя. Тов. Бодунов всецело отдался этой работе и строго проводил все директивы Р. К. П. в жизнь. Но недолго Дмитрию Егоровичу пришлось поработать для молодой республики: в виду его слабого здоровья и непосильной работы в мастерских, он получил туберкулез. На советской работе, работая активно, также не жалел себя, и в 1918 году 31 октября, отпраздновав годовщину Октябрьской революции, тов. Бодунов, Дмитрий Егорович, скончался в селе Раменском.

Н. Бодунов.

В.

ВАВИЛОВ А. Н.

А. Н. Вавилов был членом Исполнительного Комитета Московского Совета, выдвинутым железнодорожным подрайоном. Деятельность тов. Вавилова протекала в мастерских Александровской жел. дор., где он работал токарем, и где политическая и другая работа до крайности затруднена была всякими осложнениями. Обладая большим тактом, покойный с успехом разрешал встречавшиеся трудности и трения и пользовался популярностью и большой любовью не только среди близких товарищей, но и в широкой беспартийной массе железнодорожников. Он был выдвинут незадолго до смерти на очень ответственный пост политического комиссара всей Александровской железной дороги. На этом последнем посту тов. Вавилов и погиб от сыпного тифа, осложнившегося воспалением легких. Во время выборов Исполкома покойный находился уже при смерти. Товарищу Вавилову не пришлось выступать на новом поприще, безжалостная смерть скосила его раньше времени.

Умер в апреле 1920 года.

(«Комм. Труд» № 21 от 16/IV—20 г.).

ВАНЮШИН АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ („Сашуха Большой").

I.

В 1920 году в Туркестане на красном фронте погиб от ран, полученных в бою, рабочий текстильной промышленности гор. Серпухова, тов. Ванюшин. Как и при каких обстоятельствах

он умер—ничего неизвестно, только пришло письмо в гор. Серпухов от госпитального врача о его кончине.

Невольно вспоминается далекое прошлое, когда еще бодрый и полный энергии стоял у ткацкого станка «Сашуха Большой», этой кличкой его окрестили рабочие Новой Мызы.

В 1905 году он один из первых примкнул к рабочему движению и неуклонно, не считаясь ни с чем, присутствовал на всех собраниях, кружках и митингах. Осенью в октябрьские дни 1905 года он работает в забастовочном комитете, потом я ушел в ссылку и до 1910 года прерываю с Серпуховым все связи; осенью в 1910 году, я, Сашуха Большой и еще один товарищ, Королев, перетаскиваем спрятанный с 1906 года у студента Триденцова склад оружия в более безопасное убежище в деревню Серпуховского уезда—Верхние Велеми на квартиру старого партийного работника тов. Орлова, известного под кличкой «Коменда». Дальше идет перерыв вплоть до 1917 года; до меня доходят слухи, что Сашуху Большого арестовали за то, что будто он с женой нарочно отравляли рабочих с целью возбудить их против фабричной администрации. В 1917 году я его встречаю в Москве на фабрике Михельсона, в Замоскворечье, где он состоял членом завкома и во времена Керенщины принимал деятельное участие в вооружении Красной Гвардии. В 1918 году, когда завод Михельсона стал, он едет с семьей в гор. Серпухов, откуда добровольцем направляется на злополучный для него Туркестанский фронт.

Ванюшин Александр Андреевич.

Как политический работник, тов. Ванюшин отличался стойкостью в своих убеждениях, имел ровный характер, никогда не зарывался вперед, но и не отступал. Гораздо выше массовиков по своему умственному развитию, он никогда не выделялся среди них, но как-то умел, двигаясь вперед, двигать за собой и массы, черта, очень редко наблюдаемая в среде русских рабочих.

В далеком туркестанском крае погиб один из незаметных тружеников рабочего дела, который в решительную минуту,

когда пролетарская власть зашаталась под напором врагов, встал на ее защиту своей широкой грудью и погиб—но не погибнет твое доброе имя среди рабочего класса.

А. Мишин.

II.

В 1905 году в гор. Серпухове тов. Ванюшин раньше меня познакомился с подпольной работой, раньше познакомился с тов. Мишиным, А. Г. Лапшиным, И. Кокушкиным, Глебом Шеваровым, М. Корняковым и другими местными партийными работниками. Когда организовался кружок, мы с Ванюшиным стали членами кружка. Тов. Ванюшин был энергичный работник, выполнял все задания партии, несмотря на то, что у него было большое семейство, состоял в октябрьские и декабрьские дни в боевой дружине и принимал активное участие в работе партии, раздавал очень много нелегальной литературы рабочим.

В 1907 году он был выбран в Москву на выборы членов 2-й Государственной Думы; когда приехал из Москвы, полиция его арестовывает, препровождает в Москву и помещает в Бутырскую тюрьму, где он сидит 2 месяца, после чего освобождают его и отдают под надзор полиции. Бутырки не запугали тов. Ванюшина: не теряя связи, он опять работает. В 1908 году, когда тов. Г. Лапшин бежал со своей квартиры от ареста полиции, пришлось бежать и товарищу Ванюшину, и, таким образом, он спасся от ареста. Ванюшин все время работал в организации, мы с ним были выбраны от рабочих Новой Мызы, Новой Ткацкой и Старого Двора в правление больничной кассы, где он занимал должность секретаря, а я—товарища председателя, работали в правлении кооператива. В 1905 году мне с семейством нигде комнату не сдавали, как только узнавали, что я раздаю прокламации—тов. Ванюшин мне дал комнату и еще одного товарища взял к себе—Н. Фотеева с Новой Ткацкой, который оказался потом провокатором и скрылся. Выделяясь среди всех рабочих своим гигантским ростом, от полиции тов. Ванюшину скрыться было трудно; когда рабочие, собираясь около фабричных ворот во время смены, окружали Ванюшина и задавали ему какие-либо вопросы, среди этой толпы полиция хорошо видела Ванюшина, так что Ванюшин полиции надоел и она делала ему всякие придирки. Когда началась война с Германией, полиции еще больше стало работы—следить за агитацией среди рабочих. В 1915 г. на Новой Мызе появилась какая-то эпидемия *)

*) Массовое отравление рабочих ядовитыми газами (неочищенный бензин и пр.) было на мн. фаб-ах Питера, Москвы, Риги (подробно см. об этом в кн. № 1. Из эпохи „Звезды“ и „Правды“, стр. 126.) Состав. кн. Е. Л.

среди женщин: женщина работает и вдруг падает около своего станка, ее выносят на носилках в больницу, полежит два часа, опять ничего. На другой день полиция и шпики пустили агитацию среди отсталых рабочих, говоря им: это Ванюшин имеет такой порошок, он приносит его на фабрику и сыпет на полу, чтобы рабочие умирали. В это время у ворот фабрики среди рабочих поднялся целый скандал, среди рабочей массы были провокаторы, которые кричали: бей Ванюшина! если кто говорил рабочим, что это неправда, то тут же слышалось из толпы: бей и этого, его помощника. Мы потребовали на фабрику врача, но ничего этим не добились, полиция придралась и приказала конторе расчитать Ванюшина. После этого ему пришлось много времени быть без дела, семейство голодало, в Серпухове его нигде не брали работать, и ему пришлось уехать в Москву и поступить на завод Михельсон в Замоскворецком районе, и мне с Ванюшиным пришлось расстаться. В начале 1916 года я покинул Серпухов, приехал в Москву, нанялся работать на завод Михельсон вместе с Ванюшиным. В 1917 году Ванюшин принимает горячее участие в революции. В 1918 году на заводе Михельсон сокращение штата, меня и Ванюшина расчитали, Ванюшин опять едет в Серпухов, я остаюсь в Москве и теряю Ванюшина на всю жизнь.

В 1919 году Серпуховская организация Р. К. П. мобилизует тов. Ванюшина на фронт, как партийного работника, и он там в Красной Армии покончил с жизнью от ран.

Вечная память тов. Ванюшину.

Ф. Лисенков.

ВАСИЛЬЕВА МАРИЯ МИХАЙЛОВНА.

Васильева, Мария Михайловна, родилась в Орехово-Зуеве в 1900 году. До 1906 года жила без отца, который был арестован и выслан в Нарымский край, как политический. Маруся жила с матерью, которая была нервно-больная, что и отразилось на воспитании девочки. Отец вернулся домой в Орехово из ссылки в 1909 году, мать сочла его беглым и украдкой сообщила полиции, которая его тут же арестовала, но, удостоверившись, что он отбыл срок ссылки, освободила с приказанием выехать из Орехова. Маруся все это видела, как впечатлительный ребенок была потрясена происшедшим между матерью и отцом и заболела падучей болезнью. В 1916 году поступила на работу. Во время работы припадок повторился, и при падении она сильно разбилась.

В 1920 году Маруся вступила в Р. К. П., горячо принялась за изучение партийной литературы, надеясь выработать из себя сознательного коммуниста, но не выдержал неокрепший

организм, болезненные припадки стали повторяться чаще, и 5 августа 1922 года после сильного приступа припадка в больнице умерла.

М. П. Васильев.

ВАСИЛЬЕВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ.

Васильев, Сергей Васильевич—фрезеровщик—происходя из рабочей семьи, поступил с 15-ти лет учеником на фабрику Зингер, в г. Подольске. С 1915 года тов. Васильев стал работать на заводе «Динамо». Революционное движение 1917 года захватило его, и он в 1918 году вступает в ряды Российской Коммунистической партии (большевиков). На работе в партии тов. Васильев выдвигается своими способностями и избирается секретарем ячейки и одновременно секретарем комитета партии Симоновского подрайона. В первое наступление Юденича на Питер в 1919 году тов. Васильев снимается с этой ответственной работы и по призыву партии едет сражаться, как рядовой красноармеец, на Красную Горку.

Васильев Сергей Васильевич.

Наступление Юденича отбито. Тов. Васильев возвращается на завод, и в сентябре 1919 года мобилизуется на фронт. Тов. Васильеву недолго пришлось быть в Красной Армии. Деревня Малое Вороново, Орловской губернии, Елецкого уезда, где расположился отряд, в котором находился тов. Васильев, подверглась внезапному нападению бандитов. Во время нападения, тов. Васильев был зверски убит.

(Сб. «Динамо», стр. 97).

ВАСИЛЬЕВСКИЙ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ.

Васильевский Алексей Павлович—электромонтер (на зав. «Динамо»)—работал в пробной мастерской в качестве техника. Тов. Васильевский—молодой коммунист—поражал ясностью своих мыслей. Будучи секретарем завкома и секретарем ячейки Р. К. П. в 1921 году, тов. Васильевский болел душой за производство завода. Начало 1921 года было голодным, и рабочие работали плохо. Чутко отзываясь на нужды рабочих, тов. Васильевский особенно обращал внимание на рабочих, возвратившихся с фронта, которые своей дисциплинирован-

ностью и трудом поднимали дух отчаявшихся. Сам тов. Васильевский являлся примером для рабочих и входил в повседневные работы завода. В апреле 1921 года на завод пришли вагоны с дровами для рабочих. Тов. Васильевский бежит по цехам и призывает всех организовать субботник по выгрузке дров. Многие откликнулись на его призыв и дружно закипела работа, руководимая тов. Васильевским. Вагоны выгружались, подталкивались, перегонялись руками десятков рабочих. Остался один неразгруженный вагон. Так как сзади вагона скопилось много народа, который толкал его к месту разгрузки, где уже стояли неразгруженные вагоны, то тов. Васильевский и некоторые рабочие стали тащить вагон спереди за буфера. Вагон разогнали быстро и раздались тревожные предупреждения, обращенные к товарищам, тащившим вагон впереди. Тов. Васильевский с усмешкой крикнул: «ничего, еще далеко». Но вагон с уклона покатился еще быстрее. впереди бежавшие рабочие стали отскакивать в сторону. Вагон с разбегу наскочил на другой. Тов. Васильевский не успел ни отскочить, ни лечь. Когда рабочие откатили вагон назад, то увидели тов. Васильевского, лежавшего на пути с разбитым черепом. Смерть была моментальная.

(Сб. «Динамо», стр. 98).

ВЕРЗАМНЕК ОТТО КАРЛОВИЧ.

Октябрьский переворот вырвал из рядов рабочих не мало жертв. Много самых способных энергичных рабочих погибло. Одним из таких был тов. Отто Карлович Верзамнек, молодой, лет 23-х, рабочий трубочного завода Михельсон, но уже старый член Р. К. П.

Высокий, стройный, с свободными движениями, он как бы олицетворял собою силу и мощь рабочего класса.

Рано утром, когда еще спят гиганты заводы, он уже на велосипеде спешит на завод к самым темным и неорганиз. массам.

Помогает организовываться, инструктирует, воодушевляет. Где самая грозная опасность—Верзамнек всегда первый.

Июльские дни 1917 г. Кругом шипят меньшевики, эсеры, удерживающие рабочих от выступления; выходит Верзамнек, хладнокровно произносит несколько слов, и жалкими становятся враги.

Даже противники чувствовали в нем воплощение чистоты, беззаветной революционной преданности и героизма.

Неудивительно, что он является одним из главных организаторов Красной Гвардии в Алексеево-Ростокинском подрайоне и низовым руководителем масс. В Алексеево-Ростокинской думе во фракции большевиков он отстаивал решительность действия с меньшевиками и Керенщиной, на меньковом складе

Виндавской жел. дор. он спозаранку до работы успевал раз'яснять рабочим заводского комитета обязанности по борьбе с саботажем Николаевской жел. дор. администрации.

Власть в районе захвачена. Верзамнек спешит с отрядом на помощь к городскому району, где назначается начальником красногвардейцев.

Здесь хаос, суета; он вносить ясность, организованность.

Льющийся поток рабочих с окраин быстро распределяется, каждый находит свое место и дело.

Налажена разведка, проникающая в самый стан противника; на нужные места своевременно бросаются силы.

Борьба разгорается.

Нужно во что бы то ни стало выбить белых с почтамта. Верзамнек—начальник отряда, оперирующего против почтамта. Аттака с нашей стороны была открыта со Сретенского бульвара. Сначало шли колонной, но как только вышли в открытое место, со стороны почтамта защелкали пули и пришлось рассыпаться в цепь. Некоторые залегли, и почувствовалась какая-то нерешительность. Тут Верзамнек с отрядом бросается в аттаку к под'езду почтамта. Разрывная пуля поражает его в живот... Раненый, шатаясь, движется вперед, ободряя товарищей.

Станция в наших руках. Мы победили. Победа досталась дорогой ценой...

Верзамнек похоронен с почетом михельсоновцами.

Кровью лучших товарищей мы завоевали позиции, открывающие пути к окончательной победе.

Самарин и Крюков.

ВИЛЛЕР САМУИЛ ЕФРЕМОВИЧ.

Старый член партии большевиков с 1909 или 1910 года, был заграницей, в Париже окончил школу права, владел многими языками. Работал нелегально в России в партийных организациях. С начала войны был мобилизован, находился на фронте, за агитацию против империалистической войны был арестован с преданием военному суду, но февральская революция его освободила от кар самодержавного правительства. С февральской революции он—активный работник и неутомимый оратор на фронте.

В Москву в Рогожско-Симоновский район он попадает в самом начале 1918 года и быстро обращает на себя внимание парторганизации. Небольшого роста с суровым и энергичным смуглым лицом он своей фигурой производил впечатление натянутой пружины. Энергия и настойчивость характера сразу бросались в глаза, при первой же встрече с ним.

Тов. Виллер был человеком дела, способным свои слова и убеждения всегда лично применять на деле. В районе он принимал деятельное участие в партработе и был членом райкома в 1918 году. Основная работа, где он развернулся, была в районном Рогожско-Симоновском военном комиссариате (член коллегии совместно с Лидаком и Моисеевым Ильей).

На районных военных комиссариатах лежала сложная ответственная партийная работа сформировать, обучить и послать на фронт против Краснова, Колчака и т. д. крепкие боеспособные пролетарские полки. Задачу эту районный Военкомат выполнил с честью, послав на фронт 3 пехотных полка (1 Совет., 38 и 35 Рогож.-Сим.), кроме того, ряд различных технических частей, а также кавалерийские и артиллерийские части.

В деле подготовки формирования этих частей была также большая заслуга тов. Виллера.

Из Рогожско-Симоновского района он выбыл в середине 1918 года (кажется, в августе месяце) на Украину вместе с подпольным украинским правительством. На Украине он был председателем Трибунала армии, затем членом украинского Ц. И. К. и работал на партработе среди шахтеров Донецкого бассейна.

В марте и апреле 1919 года он был в распоряжении Реввоенсовета фронта (в политической инспекции).

В начале мая он, согласно собственному желанию, отправился для переговоров к восставшему атаману Григорьеву и был им расстрелен 12 или 13 мая 1919 года.

П. Карпухин.

ВИЛОНОВ НИКИФОР ЕФРЕМОВИЧ („Михаил Заводский").

1 мая (н. с.) 1910 г. в Давосе (Швейцарии) скончался на 27-м году жизни от туберкулеза легких один из самых выдающихся партийных работников—рабочий «Михаил Заводский» (Н. Е. Вилонов).

Н. Е. Вилонов—сын столяра Калужских жел.-дор. мастерских—родился в 1883 году *). Кончив техническое жел.-дор. училище, Вилонов поступает на работу в Киевские жел.-дор. мастерские. Там он попадает под влияние с.-д. и в 1902 году, 19-летним юношей, вступает в местную с.-д. организацию. Его вступление в партию совпадает как раз с тем ее периодом, когда она из небольших зародышевых ячеек начинает превращаться в организованную партию российского пролетариата. Партии нужны были энергичные работники, люди большой

*) Кр-н деревни Кутли, Печаевской вол., Моршанского у., Тамбовской губ. (Арх. б. М. о. о.). Сост. кн. Е. Л.

Вилонов Николай Ефремович.

инициативы и широкого политического размаха. Одним из таких работников был молодой Вилонов.

С несокрушимой энергией, с пламенным энтузиазмом полного сил борца отдается он пролетарскому делу. И на первых же шагах своей революционной деятельности обнаруживает колоссальные способности и недюжинный политический талант. Будучи сам рабочим, работая в жел.-дор. мастерских, он успевает бывать в рабочих кружках, занимается организаторскими делами и много работает над своим собственным образованием. Правда, для этого часто приходится потихоньку оставлять мастерские и незамеченным перелезать через забор.

Его популярность и влияние беспрерывно растет среди рабочих. Выдающийся по своим способностям, влиянию и мощности своей фигуры,—Вилонов не может долго оставаться незамеченным для охранников; он вскоре вынужден бежать в Екатеринослав *).

В Екатеринославе поле революционной деятельности для тов. Вилонова значительно расширяется. Здесь его застает первый грандиозный под'ем рабочего движения, охватившего весь юг России. Вилонов с большим успехом выступает на рабочих собраниях, участвует в демонстрации, во время которой его жестоко избивают нагайками. В конце 1903 года он арестован и после семимесячного тюремного заключения выслан административно в Енисейскую губ. на 2 года.

Летом 1904 года Михаил бежит из ссылки, переодевшись челдоном, и вплавь переплывает Енисей. С этих пор для него начинается жизнь нелегального со всеми связанными с ней скитаниями и лишениями **).

Из ссылки Вилонов прибывает в Казань. Он опять принимается за прерванную революционную деятельность. «Весна» Святополк-Мирского дает некоторую возможность проникнуть социал-демократическому голосу из революционного подполья на открытые либеральные банкеты, земские собрания и пр. И Вилонов выступает на этих банкетах с беспощадной критикой либерального пустословия, бичует с необычайной силой будущих кадетов и призывает к революционной борьбе под знаменем соц.-дем.

К этому времени Вилонов обнаруживает изумительную работоспособность во всех областях партийной деятельности. Он часто говорил: «каждый революционер должен быть энциклопедистом». И он был таким «энциклопедистом»-революционером: он выступает на дискуссиях с профессорами в университете перед огромной студенческой аудиторией, ведет дискуссии

*) Был привлечен киевской жанд. по делу „о противозаконной сходке представителей рабочих кружков в г. Киеве“. (Арх. б. М. о. о.).

**) Бежал из д. Бушуйской, Енисейского у. 15 июля 1904 г. (Арх. б. М. охр. отд.). Состав. кн. Е. Л.

с социалистами-революционерами, устраивает вечеринки, на которых читает рефераты, ведет работу среди Алафузовских рабочих, организует кружки, составляет прокламации и листки, и сам по ночам печатает их в устроенной им же типографии.

В декабре 1904 года ему приходится бежать в Самару.

Из Самары Восточное Бюро ЦК отправляет Михаила на Урал. Здесь застает его кровавое воскресенье *) и наступившее после него нарастание революции. Необходимо широко развернуть партийную работу, поставить ее в массовых размерах. Но для этого нет достаточных сил на Урале. Вилонов находит счастливый выход из этого положения: трудно найти пропагандистов и агитаторов, но гораздо легче найти техников. И Вилонов организует из Екатеринбурга несколько типографий, чтобы, поставив их в разных местах Урала, распространять в широких размерах литературу среди мало затронутых с.-д. пропагандой уральских рабочих. В то же время он энергично принимается за подготовку партийных работников из местных рабочих. Его изумительная энергия в эту пору не знает предела и действует на всех самым заражающим образом.

Но уже 31 января 1905 года Вилонов арестован—он попадает в полицейскую засаду. Обладая большой физической силой, он бросает задержавшего его стражника на земь и вырывается, оставив у стражника рукав своей поддевки; однако, погоня его настигает и задерживает на пруду в то время, когда он поскользнулся и упал. Попав вторично в тюрьму, Вилонов усиленно занимается, главным образом, аграрным вопросом; он ведет в то же время деятельную переписку с волей, стараясь быть в курсе дела революционной борьбы, от которой его оторвала тюрьма. Он пользуется большим влиянием и среди тюремного населения: он умеет подчинять своей сильной воле и тюремных надзирателей, которые зачастую совершенно безвозмездно доставляют ему письма и даже ключи, пилки и другие инструменты, необходимые для побега, мысль о котором никогда Вилонова не оставляет. Он энергично и решительно боролся все время за улучшение условий тюремного режима, причиняя массу хлопот тюремной администрации и заставляя ее часто буквально трепетать. Предпринятые шаги к побегу из Екатеринбургской тюрьмы были обнаружены внезапным обыском в его камере. В мае Вилонова, совместно с другими товарищами переводят «за беспокойный нрав» в Николаевские арестантские роты. Отголоски революционной борьбы, происходящей на воле, доходят до нас и в этой, заброшенной в лесу, тюрьме. В такой момент тяжело сидеть в тюрьме. Вилонов

*) 9 января 1905 г. Ред.

энергично принимается за подготовку к побегу; он ведет подкоп, через который, совместно с четырьмя товарищами (в том числе и с пишущим эти строки), бежит 10 июля 1905 г. Побег был очень скоро обнаружен и снаряжена погоня, которой удается всех задержать. Начинается кровавая, зверская расправа над беглецами. Задержанных волокут обратно в тюрьму за волосы. Толпы надзирателей и солдат набрасываются на них, сшибают с ног и бьют своими тяжелыми подкованными сапогами по голове, по спине, по бокам, по чему попало, бьют прикладами, револьверами по груди, проламывают головы, бьют до потери сознания, бьют и издеваются...

Истерзанных и окровавленных Вилонова с товарищами бросают в темный, грязный карцер, где они плавают в собственной крови...

Освобожденный по манифесту Вилонов едет в Самару. Дни свободы. Перед Вилоновым открывается широкая возможность приложения своих сил, своего таланта. Он выступает с громадным успехом на больших митингах и собраниях; энергично борется с влиянием черной сотни, организует боевую дружину; он отправляется с пропагандой социал-демократических идей к волжским крючникам, неся яркий светоч социалистического сознания в эту самую темную, самую отсталую среду рабочего класса; ему удалось их сорганизовать и приобщить к великому движению и к великой борьбе за свободу и социализм.

В декабре, когда реакция начинает одерживать свои первые победы. Вилонову приходится бежать от ареста в Уфу. Здесь его скоро арестовывают, но через короткое время освобождают. Он переносит свою деятельность в Екатеринбург. Удачной «конфискацией» 12 пудов типографского шрифта он обеспечивает местную организацию хорошей техникой.

Но и на этот раз ему не приходится долго оставаться на воле. В марте 1906 года его арестовывают в лесу на партийном собрании во время выборов на об'единительный с'езд. Его опять переводят в Николаевские арестантские роты. Здесь он начинает энергичную борьбу за улучшение каторжного тюремного режима. Обструкция, многодневная голодовка—все пускается им в ход во время этой борьбы. Когда издевательства тюремной администрации становятся невыносимыми, он решается на самосожжение. Он обливает керосином матрац, на котором лежит, и поджигает его, предпочитая сгореть, или задохнуться в дыму, чем изо дня в день терпеть от того жестокого и кровавого произвола, от тех гнусных и отвратительных глумлений над заключенными, которыми так отличается этот царский застенок и благодаря которым он получил позорную известность на всю Россию... Тюремные надзиратели скоро заметили дым и ворвались к нему в камеру, они накрыли его одеялами и стали

нещадно избивать, пока он не потерял сознание. С этих пор Вилонов начинает харкать кровью. Вскоре после этого, его переводят в Камышловскую тюрьму, откуда он, переодевшись надзирателем, совершает удачный побег*).

Вилонов отправляется в Москву. Он опять за революционной работой. Ему поручается Лефортовский район, в котором он широко развертывает свою многогранную деятельность, ведя, между прочим, кампанию против оппортунистических элементов в нашей партии.

Но напряженная, нервная, революционная работа, скитания, долгие годы тюрьмы, этапы и высылки—сломили этот могучий колосс; его здоровье, подтачиваемое неумолимым туберкулезным процессом, сильно расшаталось. По настоянию товарищей, он едет лечиться в Геленджик. И там он находит для себя социал-демократическую работу—он занимается организацией рабочих на местном цементном заводе. За недостатком средств он вынужден прекратить лечение. В декабре Вилонов снова в Москве и снова на работе в Лефортовском районе. Вскоре он простуживается, и болезнь его**) принимает острую форму. Ему приходится ехать в Ялту. Но и здесь, в санатории, больного Вилонова опять подстерегает тюрьма: по несчастной случайности, его принимают за какого-то экспроприатора, арестовывают и отправляют в Севастопольскую тюрьму. По установлении личности, он получает административную высылку в Туруханский Край, которую, в виду болезни, заменяют ему на три года в Астраханскую губ. Прибыв в Черный Яр, Вилонов через три дня бежит оттуда в Казань. Затем едет лечиться на кумыс в Уфимскую губ., попутно работает в Златоусте. Осенью 1907 года опять должен ехать в Геленджик. В марте 1908 года удачно избегает ареста, едет в Россию и возвращается в Черный Яр.

В октябре 1908 года получает разрешение на выезд заграницу. Заграницей Вилонов принимает самое деятельное и энергичное участие в устройстве партийной школы в NN***). Он сознает огромную важность подготовки партийных работников из самих рабочих, работников, вооруженных знанием. Он совершает самую важную подготовительную организационную работу, отправляется в Москву****). об'езжает Центральный район, собирает слушателей из рабочих и приезжает с ними в NN***). Через короткое время, когда разногласия между большевиками раз'ясняются, он примыкает к политической позиции редакции «Пролетарий». После пленума ЦК

*) Из Камышловской тюрьмы, где содержался по пост. Пермского губ-ра, бежал 12 июля 1906 г. (Арх. б. М. Охр. Отд.).

**) Туберкулез легких.

***) На о. Капри (Италия).

****) В мае 1909 г. (Ист.-Рев. Архив).

большевики намечают Михаила кандидатом для кооптации в Ц. К. нашей партии. Заграницей Михаил работает над философской книгой, которая почти написана и окончить которую ему помешала преждевременная смерть.

Такова короткая, но в высшей степени богатая революционная жизнь этого выдающегося рабочего социал-демократа.

До последнего вздоха, до последнего мгновения своей короткой жизни Вилонов остается верен великому знамени социалистического пролетариата, до последнего вздоха он полон беспредельной веры в торжество пролетарского дела. Живя в момент политического разброда и идейных шатаний, он, благодаря своему здоровому пролетарскому чутью, остается верен революционным принципам Рос. С.-Д. Раб. Партии.

Слугам насилия и беспросветного произвола удалось преждевременно сразить одного из самых выдающихся, самых ярких представителей передовых русских рабочих.

Вилонов умер. Его уже нет больше среди нас. Но память о нем долго будет жить в Р. С.-Д. Р. П.

Пусть же память об этом борце и мученике долго озаряет путь к грядущим победам, путь к величайшему идеалу всех времен—к социализму.

—ъ.

(«Соц. Дем.» от 22/5 июля 1910 г., № 14, и прим. из Ист.-Рев. Архива дела: № 115, № 11—1904 г., № 18, 11—1906 г., № 1358—1909 г.).

II.

Помню тов. Вилонова (Михаила Заводского) в Екатеринбурге. Это было в октябре 1905 года, сейчас после освобождения его из тюрьмы, в тесном кругу товарищей. Мы собрались на прежней явочной квартире отпраздновать нашу первую победу над царизмом. Здесь был покойный Яков Михайлович Свердлов, Н. Н. Батурин, Михаил Заводской и другие. Тов. Вилонов с большой живостью рассказывал нам о побеге его и товарищей из Николаевских арестантских рот летом 1905 г. Неудачу побега он об'яснял досадным замедлением, которое произошло благодаря одному из участников побега, застрявшему на несколько минут в подкопе. Помню, как гневно при этом сверкали его большие черные глаза.

Вспоминается мне энергичная фигура тов. Вилонова на работе в Екатеринбургском комитете, когда в январе 1906 года, после об'явления Урала на военном положении, мы снова перешли в подполье. Тов. Вилонов тогда часто выступал на рабочих собраниях и массовках с пламенными агитационными речами и выделялся как организатор различных революционных предприятий.

Вместе с нами он провел агитационную кампанию за бойкот выборов в 1 Государственную Думу. Тов. Вилонов предлагал тогда не ограничиваться одной агитацией, а помешать производству выборов применением насилия.

Так же страстно он участвовал в дискуссии по вопросам порядка дня об'единительного партийного с'езда.

В марте 1906 года на выборном собрании делегата на об'единительный с'езд тов. Вилонов был арестован вместе с другими товарищами и заключен в те же Николаевские арестантские роты.

Летом 1906 года, после его покушения на самосожжение, его больного перевели на короткое время к нам в Екатеринбургскую тюрьму, где мы уже сидели с мая месяца. Здоровье тов. Вилонова сильно пошатнулось—он тогда жаловался на боли в груди. Возмущенные наглым издевательством над ним царских опричников, мы решили сделать этот факт достоянием широкой гласности. Мы составили корреспонденцию в газету, которая после обсуждения на общем собрании, была передана на волю. Тов. Вилонова вскоре перевели в Камышловскую тюрьму, откуда он совершил удачный побег.

5 мая 1923 г.

С. Залкинд.

ВЛАДЫКИН ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (КОТ).

ВОЖДЬ ВЫСОКОВСКИХ РАБОЧИХ.

I.

Происхождение Кота.

Василий Алексеевич Владыкин был уроженцем деревни Коннова, Троицкой волости, Клинского уезда, Московской губернии. Отец его, фабричный рабочий, в то время, как я с ним познакомился, надорвал уже здоровье, нажил грыжу и страдал профессиональной болезнью ткачей—глухотой, жил в деревне и работал «по крестьянству», насколько позволяли силы. С виду был мрачен и нелюдим, говорить не любил.

Замечательная была у Василия Алексеевича мать. Бесконечно любящая сына, полная сочувствия к делу, которому он служил, живая, несмотря на полноту, разговорчивая, такая же остроумная, как сын. Прекрасный образец матери-пролетарки, которую так неудачно пытался изобразить М. Горький.

В памяти моей запечатлелся рассказ Владыкиной о том, как пришли арестовать ее сына местные власти. Подошли урядник, староста, двое понятых, местных крестьян, среди которых Василий Алексеевич пользовался исключительной любовью и уважением. Шли, еле передвигая ноги, с неохотой.

Василий Алексеевич сидел у окна.

Остановились, поздоровались, переминаются с ноги на ногу.

Наконец, побуждаемый урядником, староста произнес: «Слышь, Василий, требуют тебя. Пойдешь, что-ли?»

Василий Алексеевич крутит цыгарку и спокойно отвечает:

— «Не они мне требуются, а я им. Коли нужно от меня что, пусть ко мне придут».

Урядник обиделся за начальство:

— «Не имеешь полного права так выражаться, коли начальство приказывает».

— «А мой-то Вася,—восторгалась Владыкина,—так вот и режет ему: коли оно тебе начальство, так ты и иди к нему»...

Так отвечал он на все вопросы и уговоры, пока, наконец, староста не спросил вновь со вздохом:

— «Так что сказать-то: придешь али нет?».

— «А ты скажи, милый,—не задумываясь, ответил Василий Алексеевич,—что будет дождь, али ведро?».

Староста не выдержал, плюнул, обругал полицию и решительно зашагал домой вместе с понятыми. За ними поплелся урядник.

Прошло 18 лет, но так художествен был рассказ Владыкиной, что я как сейчас помню ее слова и как она хлопнула себя по коленкам руками и залилась добродушным смехом, повторяя: «ведь удумает же: дождь, али ведро»...

Высоковская Мануфактура.

В 1905 году и до того Василий Алексеевич Владыкин работал на крупной прядильно-ткацкой фабрике Клинского уезда «Высоковской М-ре».

На фабрике работало около 6 тысяч рабочих в две смены по 9 часов в сутки каждая смена. $4^1/_2$ часа работала одна смена, затем $4^1/_2$ часа—другая, потом опять первая свои $4^1/_2$ часа, и последние $4^1/_2$ часа—вторая смена. День каждого был разбит: одни начинали работу в 4 часа утра и кончали в $5^1/_2$ час. вечера; другие в $8^1/_2$ утра и кончали ночью—в 10 часов. Так как смены менялись очередью каждую неделю, то не могло быть правильной жизни, не было определенного времени для сна, для принятия пищи. Заработки, как везде на текстильных фабриках, за редким исключением, были низкие и существовать на них с семейством было невозможно. Кормились тем, что к 9 часам работы на фабрике прикладывали летом еще столько же, пользуясь и $4^1/_2$ часовым перерывом для полевых работ. Можно было наблюдать, как по широким утоптанным тропинкам шли из деревень рабочие и работницы с кув-

Владыкин Василий Алексеевич („Кот“).

шинами молока и караваями хлеба. Эта «связь с землей» тяготила рабочих, и хорошо помню, как на одной из конференций, бывших в квартире отца, рабочий резко ответил на демагогию эсеров, при сочувствии остальных рабочих: «да пропади она пропадом эта ваша земля». И когда эсер хотел смутить его словами: «так отдайте вашу землю», рабочий ответил: «сейчас бы отдал, только бы заработок был».

Бунт и забастовка.

После 80-х годов, несмотря на невыносимые условия, на фабрике царила тишь да гладь, да божья благодать, приносившая хозяевам солидные доходы.

В 80-х годах, при начале работы, не было кадров обученных рабочих среди местного населения. Пришлось брать для обучения пришлых. На Высоковской М-ре работали «калуцкие» и «серпуховские». Предание говорило, что это были дружные и буйные ребята. Волна забастовок, которая во 2-й половине 80-х годов прошла по промышленному району, захватила, как я выяснил путем расспросов, и Клинский уезд. На Высоковской М-ре начали забастовку «калуцкие» и «серпуховские». Но среди них не нашлось своего Мосеенки, и забастовка носила совсем несознательный характер. Старый рабочий Никифор, у которого мы ночевали, рассказывал мне про нее так: «Было и у нас, в 188... году,—он точно указал дату,—была у нас забастовка. Но только не забастовка, а прямо скажу,—бунт. Потому понятия не имели. Сейчас это паровую остановили, закричали, зашумели,—на двор. Никто ничего не понимает, стоим и орем. Директор вышел: «Что, говорит, нужно, братцы?» Тоже—«братцы» мы стали ему. Стал пытать насчет требований, а требований—нет. Тут мы все ему: «ура!» Он говорит: «Со всеми я не могу разговаривать, пришлите, которые мне могут об'яснить ваши требования в контору». А мы опять: «ура!» Стоим—кричим. Контору разгромили, стекла каменьями побили. И кого не увидим, сейчас: «ура!»

Исправник приехал: «Шапки долой, мерзавцы, так вас и так». А мы и ему: «ура, ваше превосходительство». Одно безобразие... казаки приехали...

Боль незабытой обиды тенью прошла по лицу Никифора, и мрачно, глухим голосом он добавил: «Много народу перепороли тогда казаки»...

Калуцких и серпуховских расчитали и заменили достаточно к тому времени подучившимися местными клинскими крестьянами. И после этого около 20 лет покоя.

Понятно, что администрация растерялась, а у рабочих закружилась от успеха голова, когда в июне 1905 года, под руководством Владыкина началась забастовка. Забастовка

продолжалась день или два, и застигнутая врасплох администрация поспешила удовлетворить главное требование рабочих: увеличила расценку на 10%. Таков был характер большинства стачек в Московской губернии того времени. В № 16 «Пролетария» «Окружной Организатор» повествовал так: «Мытищинский вагонный завод бастовал всего 40 минут. Фабрика Чернышева—$^1/_2$ дня—прибавили 20 к. на кусок. В Коломне затыкали рты 5-копеечными прибавками» и т. д.

Ведь надо помнить, что требования, которые пред'являлись рабочими в первых таких забастовках, носили мелкий характер, касались надбавок к заработной плате, фабричных распорядков, устранения мелких обид со стороны мастеров, и не были настолько опасными для классового положения буржуазии, чтобы дать ей повод привести в действие весь имеющийся в ее распоряжении аппарат для защиты своих интересов.

Но легкая победа опьяняла, и у пролетариев создавалось впечатление, что для успеха забастовки требуется одно: солидарность рабочих фабрики, дружное выступление, отсутствие «изменников общего дела». Поэтому забастовка следовала за забастовкой. Скоро, конечно, приходилось убеждаться, что дело обстоит не так просто. Повторные крупные забастовки, протекавшие под руководством социал-демократии, расширившей требования и кругозор стачечников, были жестоко разгромлены. Так было в Иваново-Вознесенске. Так повторилось на Высоковской М-ре. Вождь ее, Владыкин, был, как и все, полон светлой веры в «святую забастовку».

Облик Кота.

Василий Алексеевич Владыкин менее всего был похож на героя. Небольшого роста, щуплый, с маленькими женственными руками ткача-профессионала, по которым администрация легко отличала специалистов, закрывая перед ними двери фабричных контор и предпочитая крестьян с заскорузлыми руками, портящих материал, но покорных крепостному режиму,—он был очень невзрачен на вид. На узких, худеньких плечах бросалась в глаза несоразмерно большая, как будто вспухшая голова. Лицо,—бескровное лицо ткача,—нездоровое, припухшее,—не было выразительно. Широкое, мясистое, обрамленное окладистой недлинной бородой с жесткими белокурыми волосами. Глаза терялись в толстых веках и не обращали на себя внимания. Но если к ним присмотреться, их нельзя было забыть, эти серые, умные, внимательные и властные глаза. Он привык повелевать тысячами и что-то неуловимое в нем давало это понять. Этот исключительно одаренный человек был малограмотным и читал с трудом. Чтобы познакомиться с какой-нибудь брошюрой, он заставлял ее чи-

тать вслух молодого парня, своего брата Ваньку. «Кто я?— говорил он мне,—так серый (он употреблял более вульгарное слово) мужик. Только память у меня, брат, такая память, что скажи ты мне слово, я тебе его через десять лет повторю». Так он определял себя сам.

Но кроме памяти, было в нем нечто другое, чем щедро одарила его природа. Это был удивительно тонкий и наблюдательный психолог. Когда он говорил своим образным метким языком простолюдина, казалось, что он читает мысли каждого из тысяч слушающих его и льет любовный бальзам на исстрадавшиеся души.

В этой толпе изуродованной, измученной непосильной работой, окруженной грубой, оскорбляющей пробудившуюся чуткость, мужицкой средой с ее пьянством, побоями, циничным жаргоном, так ценились сочувствие, деликатность, ласка.

Проникновенным сочувствием чужому горю было полно все существо Василия Алексеевича, и оно-то породило к нему исключительную любовь сотен рабочих. Я знавал только еще двух таких самородков рабочих: Иваново-Вознесенского вождя Е. А. Дунаева и И. П. Маркина.

Прошлое Кота.

К сожалению, я немного знаю об его прошлом. Кот не любил праздных разговоров. К откровенности не приучала окружающая среда. О прошлом приходилось молчать. Фабричная администрация, будь то выбившиеся в люди местные мужички, или выходцы из «благородной Англии», те, что стояли во главе управления Высоковской Мануфактурой, одинаково не любили шатущих людей и не принимали их на работу, отдавая предпочтение женской половине местного крестьянского населения.

Люди, побывавшие в других местах, могли набаловаться, принести с собою из городов частицу протеста, а тут на громадной мануфактуре, обрамленной на десятки верст тянущимся лесом, все были покорны долгих два десятилетия.

Рабочие основательно хоронили прошлое. Молчал о нем и Кот. Как все деревенские, он был замкнутым, недоверчивым человеком. Беседы наши продолжались часами. Он хотел знать все. Но он только расспрашивал, я отвечал. Он слушал внимательно, засыпал меня вопросами и вдруг среди речи, решительно рассекал воздух рукой и произносил: «Довольно»! Это значило, что он овладел вопросом, и тогда переходил к следующему.

Прошло два месяца совместной жизни в лесу, бесконечных переходов, от которых гнулся мой железный организм, захватывающей работы, бессонных ночей, тяжелых дум, прежде

чем он обмолвился фразой, которая приоткрыла передо мной завесу, скрывавшую от меня его прошлую жизнь. Рассказывая мне подробно о порядках на какой-то фабрике, он обнаружил такое знакомство с нею, что я невольно спросил:

— А вы там были?

Он усмехнулся и ответил:

— А ты спроси меня, где я не был? Но тотчас же спохватившись, прибавил:—Люди сказывали, а самому не довелось быть.

Можно было только догадываться, что он много скитался с фабрики на фабрику по безбрежной российской равнине. Об этом говорили громадный запас наблюдений и его прозвище «Кот», которым награждали таких шатунов рабочих, обивавших пороги фабричных контор, и его дружба с рабочими других фабрик.

Еще раз, в минуту откровенности, сказал мне Кот: «Читал Ванька в книжках, что поднимутся все. Только не скоро это будет. Тут, брат, тонко надо разрабатывать, чтобы человек не заметил, а завлекся. Скажу про себя. Тоже хорошего человека встретил. Давно это было и не здесь. Он мне глаза и открыл»... Наверное от этого «хорошего человека» Василий Алексеевич получил книжку, которую чрезвычайно ценил и которая стала его евангелием: «Что надо знать и помнить каждому рабочему». Вот и все, что известно мне о прошлом Кота.

Начало забастовки.

Я встретился с Котом у врача Петровской лечебницы Александры Михайловны Юшковой в тот самый момент, когда успех первой забастовки вызвал стремление среди рабочих повторить ее вновь. В успехе выступления не сомневались. Видавший виды и на опыте убедившийся, как не легко даются победы и как непрочен успех, я решительно стал отговаривать Кота от преждевременного выступления. Необходимо, полагал я, воспользовавшись начавшимся под'емом и пробудившимся интересом к общественной жизни, об'единить наиболее передовых рабочих, организовать из них ядро, подготовить их к руководству массой, через них устроить ряд массовых собраний, выработать и обсудить требования, популяризировать их среди рабочих, и уже тогда выбрать момент для выступления.

Сначала Кот недоверчиво смотрел на меня. Но потом мысль ему понравилась, и мы расстались, сговорившись встретиться вновь в ближайшие дни на собрании отборной части рабочих. «Так ты говоришь, самых надежных?»—говорил, прощаясь со мной Кот,—«так и будет. Есть у меня такие товарищи»... Это—«самых надежных»,—он повторил несколько раз.

Я написал целую тетрадку, чтобы выступить на первом собрании во всеоружии цифр и фактов. Но она размокла под проливным дождем, а говорить мне пришлось ночью, в лесу, в кромешной мгле. Кто слушал меня, сколько их было,—я не видел. Только иногда вспыхивала спичка и на секунду освещала суровый профиль, окладистую бороду или теплый шарф молодого щеголя. Из темноты меня прерывали меткие замечания. Меня подхлестывала эта романическая обстановка, и я говорил с громадным под'емом и заметным успехом. Потом, для второй смены поздно ночью говорила моя сестра, и сам, дрожа от холода, я чувствовал, как падает ее голос, и как она устала и дрожит в намокнувшем платье.

Так, казалось, мы начали осуществлять свою программу. Но провели мы только два собрания.

Не даром говорилось: человек предполагает, а охранное отделение располагает. Владыкина арестовали ночью и увезли в город.

И как только весть о том, что «Кота украли», облетела мастерские и спальни утром следующего дня, не осталось в них ни работницы, ни одного ткача и прядильщика; старики, старухи, дети—все высыпали на двор и единодушный крик вырвался из тысяч грудей: «Отдайте нам Кота».

Создалось такое настроение, демонстрация получилась столь импозантная, что сам управляющий, местный крестьянин Иван Никитич Кашаев отправился за Котом в город и привез его обратно. Ни драгун, ни сменивших их казаков не было тогда, чтобы охранять администрацию на фабрике.

Сойдя с тарантаса, в котором он следовал за коляской Кашаева, среди восторга толпы, приветствовавшей его, Кот начал речь с призывом к спокойствию, приглашая встать на работу, чтобы готовиться к борьбе. Но толпа и слышать не хотела, и когда Кот, помня наш уговор, стал настаивать, начался ропот: «А, с'ездил в город на барском тарантасе, видно продался буржуям»...

Так началась 52-дневная забастовка, которая выдвинула Кота на одно из первых мест в тогдашнем стачечном движении. Ею он жил, ей отдал все свои недюжинные силы, и сгорел вместе с нею.

Вожди и стихия.

Судьба этого замечательного человека показательна для того переходного времени. То время родило героев. С железной необходимостью выдвигало их начавшееся движение. Рушились старые устои, свергались кумиры, тысячи и миллионы пробуждались к общественной жизни. И вот появлялся некто, улавливал биение жизни, схватывал минутные порывы тол-

пы, ярко и образно выражал ее стремления, говорил то, что думали другие,—и становился вождем. Ненасытная толпа быстро брала от таких вождей все, что они могли дать, и требовала еще. Но часто они больше дать не могли. Тогда начинался разлад. Выдвигались новые люди.

Владыкин держался дольше других. В щуплом теле таилась непреклонная сила, за холодной маской скрыта была большая, чуткая душа, недостаток образования возмещался громадным жизненным опытом.

Но когда была пробита первая брешь в твердыне самодержавия и настали «дни свободы», потребовались новые, с другим кругозором, вожди. И целая плеяда вождей стихийных забастовок сошла со сцены.

Как и рядовые рабочие, Владыкин молился на «святую забастовку», верил, как и толпа, что она неизбежно приведет к победе, если не будет «изменников общего дела», и когда я на первом же собрании стал приводить сухие, безжалостные цифры количества выигранных, проигранных и окончившихся компромиссом стачек, не скрывая от слушателей возможности поражения, Владыкин хмурился и потом досадливо укорял: «Не дело ты говоришь. Эх, опадет народ духом. Дух поднимать надо».

Поражение сбило с толку Владыкина. Он стал беспокойно метаться к эсерам, крестьянскому союзу, кадетам, ища исхода своим сомнениям, и часто говорил мне: «Поучиться бы мне, а то что?—так я—малограмотный»...

Поучившись, такие люди вновь занимали командные места в рабочем движении. Шатания Кота только укрепляли его, и перед самою смертью он заявил мне, что бесповоротно решил вступить членом в с.-д. партию, и отдаться партийной работе.

Но ему пришлось пережить тяжелую ломку.

Однажды мы ночевали в сарае, мокрые, уставшие, с разбитыми ногами. Легли поздно, но от холода я проснулся на заре. Чуть брезжил серый рассвет. Кто-то разговаривал. Я сел на сене и увидел, что в открытых воротах в одном белье стоит щуплая фигура Кота. Он говорил сам с собой. Я окликнул его. Он обернулся и возбужденно заговорил: «Как темен наш народ. Если бы знал ты, что про меня говорят? И чорт я, и бог—я. А кто я? Так, серый мужиченка». Помолчал, и потом глухо произнес безразличным тоном: «Знаю я, убьют они меня».—«Кто?»—спросил я, не понимая, на яву это или сон. Занятый своими мыслями, Кот заговорил быстро и горячо:

— «Ты думаешь они понимают. Дай мужику красненькую, он отца родного убьет. Говорят: что ему, мордастому чорту? —ему студенты из Москвы по сотельной в день возят, вот он

и старается. А мы с тобой в лесу живем, хуже кобелей. Да разве они понимают? Но так я, брат ты мой, завлекся, так завлекся, что режь меня живым, не отстану», и прибавил, подумав: «Бойся деревни»...

Кот—организатор.

Когда Владыкин, после начала забастовки, спросил меня, как быть, я ответил, что было бы безумием пытаться остановить стихию. Но ее надо использовать для организации сил, для широкого воздействия на массу, для политической агитации. Старый конспиратор, я сообщил ему о паролях, о патрулях, о формах организации. Кот все выслушал внимательно, порасспросил, подумал и все переделал на собственный лад, ловко применив к местным условиям все полученные указания.

Условия руководства забастовкой оказались невероятно сложными. Начать с того, что администрация выселила рабочих из фабричных помещений и они разбрелись по окрестным деревням. Надо было уметь собирать их на митинг два раза в неделю из деревень, расположенных за 10—12 верст, следить за тем, чтобы они не поддавались разлагающему влиянию деревни и проискам хозяйских агентов.

Для этой цели Владыкин создал свой «Центров Кружок». В него входило десятка два с половиною рабочих: солидных бородачей, как рабочий с странным прозвищем «Улей», или Иван из Негодяевой, способных юношей, как Г. А. Сугробов, интеллигентных пролетариев, как И. В. Елизаров, или Семен из Питера, и рядом с бесцветными исполнителями, несколько сомнительных элементов, как хитровцы Кутюнов и Серега.

Но все были преданными исполнителями выработанных совместно директив, и ночью, среди кромешной мглы, под проливным дождем, безропотно бежали за 15 верст парализовать агитацию какой-нибудь «вредной бабы», сумевшей длинным языком посеять смуту в отдаленной деревне.

Вся округа, по которой рассеялись с фабрики рабочие, была разделена на районы с группою деревень, каждый район обслуживался членом «Центрова Кружка». Он обязан был обходить деревни района, извещать рабочих о предстоящих собраниях, указывая место, где будет стоять первый патруль, который направит дальше, распространять литературу, следить за агентами хозяев, рассказывать Коту о всех незначительных мелочах деревенской жизни, выступать против хулителей забастовки в трактирах и чайных лавках, а в меру способностей и самостоятельно устраивать собрания в деревнях, рассказывая о том, чему сам научился в «Центровом Кружке». Каждый член кружка был мною снабжен «Эрфурт-

ской Программой», словарем иностранных слов, книжками Ленина «К деревенской бедноте» и «Две тактики», книжкой Баха «Царь Голод», «Рабочим делом» Мартова и другими пособиями.

Члены «Центрова Кружка» собирались часто,—обязательно после митингов, которые происходили два раза в неделю: по воскресеньям, и чаще всего, по четвергам, в промежутке между митингами, и подвергались суровому допросу и самым мелочным наставлениям Кота. Иной раз он с десяток раз повторял одно и то же наставление, пока не убеждался, что все его усвоили и исполнят в точности. Надо было обладать неистощимым терпением и преданностью делу, чтобы проводить такие собрания, продолжавшиеся долгие часы и затягивавшиеся до поздней ночи. Пятьдесят дней продолжалась забастовка, и ни на минуту не прекращалась живая связь между рабочими, рассеянными между лесов и непролазных болот Клинского уезда. Все это было сделано энергией и организаторским талантом В. А. Владыкина.

Кот—агитатор.

Митинги, на которые сходилось чуть не поголовно все население фабрики, крестьяне окрестных деревень и иногда учительский персонал нескольких школ, как я сказал, собирались по воскресеньям и среди недели на открытых полянах в лесу. Место выбирал Кот, и чтобы добраться до него, нужно было пройти через сеть патрулей. Митинги охранялись этими патрулями из членов «Центрова Кружка», мальчуганами, которые залезали на верхушки деревьев, и оттуда наблюдали за подступами к поляне, велосипедистом-учителем, местным крестьянином, которого Кот привлек к патрульной службе. Благодаря этому митинги протекали спокойно. Только раз кто-то испуганно крикнул: «казаки»!..—«казаки, казаки»,—подхватили голоса. И вдруг вся тысячная толпа бросилась врассыпную, сбивая с ног и давя друг друга, оставляя вокруг трибуны, на которой мы стояли, картузы, платки и калоши. Сначала мы опешили. Кот сошел со пня и с побелевшим лицом в нерешительности остановился в двух шагах. Мне стало досадно. Широко расставя руки, я зашагал туда, откуда, судя по движению толпы, должны были появиться казаки. Кот пошел за мной. Стараясь казаться спокойным и смеясь, я закричал во всю силу своего голоса: «Казаки? Чего же бояться. Я с ними поговорю». Толпа остановилась, и люди потянулись назад. Я увидел, что вместо казаков навстречу мне шел шлихтовальщик Василий Иванович Тихомиров с убитой им векшей. Тревога оказалась ложной.

Оратор становился на кочку или пень. Хорошо помню фигуру Кота. Мерно поворачиваясь,—рабочие обижались, если оратор не поворачивался к ним лицом,—помахивая в такт речи клюшкой над головой, Василий Алексеевич то отпускал шутки, то бичевал уставших, то корил, то убеждал, то приказывал. Был он оратором божьей милостью. У ног его сидели дети, девушки и женщины, среди которых затесовывались молодые парни, дальше, замыкая широкий пестрый круг, темным венком стояли стеной неподвижные фигуры мужчин.

К сожалению, теперь уже не восстановить приводивших в восторг толпу многочисленных речей Владыкина. На каждом митинге он выступал два-три раза. Но один отрывок из записей случайно сохранился у меня, и дает некоторое представление и о характере его агитации, и об удивительной находчивости, позволявшей ему с честью выйти из самого запутанного положения.

Дело было в начале забастовки, на митинге, куда пришло известие, что фабрика закрыта хозяевами, рабочих выселяют из казарм и приказывают взять расчет.

... Молодой рабочий двинулся вперед и молча встал перед Котом. Среди ликующей, по праздничному одетой толпы, опьяневшей от неслыханных бодрящих слов, слившейся в дружной решимости не поддаться «толстопузому буржую» и без колебаний сделать рискованный шаг, он стоял мрачный, суровый, полный тяжелых сомнений. Его фигура бросалась в глаза.

Высокий, худой, с умным интеллигентным лицом, испитым и нервным, плохо одетый. Непокрытая голова, синяя, выцветшая на плечах рубашка, заплатанные широкие портки на тонких ногах, опорки и фартук из грубой мешковой материи, заткнутый на левую сторону. Худые руки сложены на груди. Типичный ткач нашей местности, сын, может быть, внук фабричного, порвавшего с землей, руки которого уже отвыкли от крестьянской работы и стали маленькими и нежными, как у женщины.

Глаза умные и полные вопроса молча впились в лицо Кота.

— «Так как же, товарищи, брать али не брать?».

— «Брать! всем в деревню»,—отвечал хор голосов.

— «Все ли согласны?».

— «Согласны! Все!».

— «Может кто не сказывает? Сказывайте!».

— «Все, все согласны!».

— «Ну, вот и славно»,—сказал Кот, и заметив устремленные на него глаза, спросил: «Тебе что, Николай?»

— «А нам-то как же, Василий Алексеевич?».

И целый хор поддержал Николая с разных сторон:

— «Мы куда денемся?».

Выделился чей-то мрачный и резкий голос:

— «В лес, что-ли с ребятами, чтобы прибрал скорее господь».

Чей-то голос поддержал со стороны:

— «Верно говорит. Их дело, которые без крестьянства, особое».

Я начал понимать, и не зная, что можно ответить, посмотрел на Кота.

Стоял на ящике, как всегда, серьезный и задумчивый и потупившись вертел в руках палочку. Из толпы, все усиливаясь, неслись крики.

Вот высоко поднял руку и спокойно выждал, пока затихнут. Заходила клюшка над головой:

— «Товарищи! Неужели же в самом деле— в лес. Пожалуй, холодно покажется, насморк, простуду, лихой час, схватишь. Про себя вот скажу: мы с Московским (так иногда он звал меня) все в лесу живем, от волков бегаем... не тепло... Неровен час,—разом попадешь под ножик, под порошки к господину доктору,—сразу на тот свет представит. Знаете, небось, как он об нас заботится. Неужели же мы к этому дело ведем...

Теперь каждый мужик гостю рад. Покос, жнитво, работы на всех хватит. Любой в избу пустит, только помогай. Так ли я говорю? Эй, которые деревенские»...

— «Верно»,—дружно и радостно отозвалась в ответ толпа.

Какая-то женщина не могла скрыть своего восторга:

— «Наш Кот... Ну, что скажет»...

А бездомных пролетариев уже окружили, уже разбирали по домам:

— «Николай, ко мне ступай, у меня изба просторная, с работой самим не управиться».

— «Ребята, ко мне кто?».

Опытный оратор Василий Алексеевич на слух определял настроение толпы, и сделав какое-нибудь предложение, спрашивал, вместо голосования: «Согласны ли?»

— «Согласны»,—отвечал хор голосов.

— «А ну, еще раз»...

— «Согласны»,—далеко разносился кругом крик тысячи людей.

— «А ну, дружно, а ну, разом»...

— «Согласны»...

Это у него называлось «поднимать дух», и по тому, как отвечали, он безошибочно определял настроение толпы: «шатается» ли она, или держится крепко.

Если, несмотря на голод, вопреки деревенских родных, угрозы и побои, которыми угощали крестьяне дочерей-забастовщиц, скоро начавшееся колебание и разложение среди

наиболее неустойчивых элементов, забастовка протянулась 52 дня, и рабочие встали на работу, придя всей массой к воротам, переродившиеся, затаившие в груди огонь возмущения, а не разбитые и в одиночку, как хотели хозяева, то заслуга в этом, в большей мере, принадлежит Василию Алексеевичу Владыкину.

„Политика".

Свои повседневные требования,—таких требований рабочие Высоковской М-ры пред'являли 27,—в начале 900 годов не только рабочие, но и «образованные классы» с трудом связывали с необходимыми для их осуществления изменениями в общественном строе, что определялось тогда одним словом: «политика». Слово «политика» приводило в трепет. И естественно, что этой стороне агитации мы уделяли особое внимание. Мой достаточно богатый опыт говорит мне определенно, что рабочие в деле усвоения азбучных истин тогдашней «политики» были податливее студентов.

Но требовалось большое уменье и такт, чтобы подойти к рабочим со страшным словом, наводившим на них панику. Особенно в деревне, где это слово связывалось с личностью царя. А на царя еще продолжали молиться. «Мужик в бога верует лишь когда перед полбутылкой крестится,—говорил мне В. И. Бирюлин,—ну, а в царя верует, как в бога».

Я по опыту знал, что можно было спокойно об'яснять все политические требования нашей программы минимум, лишь бы избегать самого слова «политика», лишь бы оставлять до поры до времени в стороне «царя».

Осторожно говоря на митингах, я не стеснялся на заседаниях «Центрова Кружка», где трудно было ожидать паники, хотя не раз наблюдал и прежде, как мужественные, бородатые рабочие тряслись, как в лихорадке, когда шаталась под напором фактов, сообщаемых в наших речах, старая вера, как молодые парни слушали мои богохульственные речи с остановившимися от ужаса глазами.

Кот, конечно, не питал мистического ужаса ни перед царем, ни перед политикой. Но сам, недостаточно подготовленный, чтобы от частных требований перейти к общим, он не верил, чтобы я или кто другой из партийных сумел сделать это с достаточной осмотрительностью.

Что в своей среде сам Кот не стеснялся, можно было догадаться по следующему факту.

Как многие ткачи, отец Кота был глуховат. И вот, идя по улице родной деревни, он услышал у колодца разговор стариков о том, как вреден Микадо, и что надо бы его уничтожить. Разговор был патриотический, но, не разобрав в чем

дело, старик Алексей проворчал: «Давно его, Николая-то, нашего душегубца, пора на осину»...

— Мой-то старик,—рассказывала мне мать Кота, всплескивая руками,—революционер, право революционер. Ишь ты, ведь что сказал, и не подумаешь. Все молчит и молчит, а на, поди»...

Но меня В. А. Владыкин постоянно останавливал и досадливо говорил: «Эх, опадет народ духом; смотри, испортишь ты его у меня».

— «Дух ты мне подними, чтобы чувствовали рабочие. Не пужай народ. Про политику дело у нас после пойдет. Я все понимаю, да народ-то темен. Тонко выводить надо».

В своих записках работавшая тогда вместе со мной С. А. Доброва приводит такие же свои столкновения с Котом:

— «Товарищи, вы знаете, без политической агитации не обойдешься, и нельзя обходить политику»,—говорила она членам «Центрова Кружка».

— «Так-то так, товарищ,—отвечал В. А. Владыкин,—да я говорю—полегче только, потише, не надо так сразу: «долой», «да здравствует». Спервоначалу об'яснять надо, а там и сами поймут».

Насколько опасно было игнорировать указания Кота, содержащиеся в последних словах, видно из того, что когда приехавший из Москвы комитетчик «Петр Васильевич» (Гайдаров), вместо того, чтобы об'яснять, просто брякнул это «долой» и «да здравствует», несмотря на то, что была сделана уже большая подготовительная работа, тысячная аудитория разбежалась.

Вызванный поправлять дело, вместо обычных тысяч я нашел всего 300 человек, встретивших меня крайне недружелюбно. Были среди них пьяные, чего прежде никогда не было. Один из последних, Комар, подойдя и схватив меня за грудь, резко сказал мне: «Про политику ни ни. Прямо тебе говорю: за политику я тебя своими руками разорву»...

Конечно, я говорил про политику с тем же успехом, как после произнес речь против царя, после которой 30 человек голосовало «за царя», 2.000 за... «Василия Иванова»...

После того Кот неоднократно сам выступал с речами против правительства, и когда разбитая армия шла сдаваться капиталу, она сама единодушно восклицала: «Долой правительство». Слишком наглядны были уроки жизни, и политика пробивалась через все препоны.

После забастовки.

Забастовку разбили в конце августа. В холодный, ненастный день мы: Кот, Е. А. Дунаев и я, привели сдавшуюся на капитуляцию армию к воротам фабричной крепости. Е. А. Ду-

нас в произнес последнюю талантливую речь, призывая встать на работу в полном сознании, что борьба не кончилась, что предстоят новые битвы. В ответ тысячи сжатых рук поднялись кверху, и единодушный крик потряс воздух. Дунаев схватил меня за рукав и сказал: «Ну, теперь пойдем». Молча расступилась толпа и замкнулась за нами. Густая сетка дождя отделила нас. А казаки и полиция уже шмыгали в толпе, удивляясь нашему исчезновению.

После того наступили страшные дни. 360 рабочих было выкинуто с фабрики и лишилось работы. Голодали отцы, матери, голодали дети. Вместо тысяч, слушавших нас только что, мы с трудом собирали десяток-другой преданных товарищей. Но и самые мужественные из них не выдерживали вида голодных детей и с тоскою спрашивали меня: «Что же будет?» Было тяжело говорить.

Кот жил в деревне и отошел от работы. Скрывался от разыскивающей его полиции. Знакомые передавали нам, что за наши головы обещана сумма денег. Цифра все росла и росла, и перед убийством Владыкина, превысила 1.000 руб.

10 октября меня вместе с С. Гардениным задержал стражник и, обманув его, я скрылся в Москву, где прямо с поезда попал в университет, на баррикаду. После того события захватили меня и вернулся домой я только в ноябре.

Мое открытое появление на Высоковской М-ре вызвало сенсацию и долгое время после того тов. Данила *), сопровождавший меня, дразнил меня при встрече: «Он, он, он!»— так гудел фабричный двор при виде меня. На фабрике шло ликование; уволенные рабочие были приняты обратно, собирались сменами в фабричной школе и в помещении старой кухни. Во главе движения стоял Антон Захарович Ольховиков, учитель из смоленских крестьян, умный, осторожный, начитанный и хороший оратор. Кот на фабрике не появлялся.

Я поехал к нему в деревню, вызвал его на конференцию; через него привлек к работе старого рабочего Я. М. Митрофанова. Вернувшись с крестьянского с'езда, где он был делегатом от Троицкой волости, Кот определенно высказал желание вновь приняться за работу. Мы сговорились с ним встретиться на очередном митинге на Высоковской М-ре. Он не явился. Я поехал в Петровское и возвращаясь оттуда на вокзале в Клину услыхал от подошедшего ко мне стрелочника, что Кот убит. Но весть о том, что убили меня или Кота, так часто распространялась и прежде, что я не поверил. Идя с вокзала в Подсолнечной домой, я встретил ехавшего на паре гусем станового Н. И. Добролюбова, выбившегося из слесарей и оказывавшего нам большие услуги. Меня поразило

*) Модестов, Сергей Васильевич. Е. Л

его расстроенное лицо. Остановив ямщика, он крикнул мне: «Убили Кота»... «Пустяки, наверно врут»,—ответил я.

— «Чего там врут,—возразил Н. И.,—я сам оттуда»...

— «Ранен,—спросил я растеренно,—не желая верить».

— «Осталась одна кровавая каша, ни головы, ни тела... Подлецы... Звери, а не люди... 17 кольев... В Никола-Сверчках».

Становой не договорил, грузно опустился на сиденье. Лицо его исказилось, зубы застучали. Видно, ужасная картина опять встала перед глазами. Лошади тронулись. Я остался стоять посреди дороги, не понимая, как это могло случиться.

Убийство.

Вот что я узнал.

У Василия Алексеевича Владыкина, высоко одаренного, с громадными запросами пролетария, была жена, забитая, ограниченная женщина, полная предрассудков, мало сочувствовавшая деятельности мужа. Когда я познакомился с ней, она была в последнем градусе чахотки. От этого неравного брака родился мальчик, хилый, болезненный ребенок. Мать умерла в конце 1905 года, когда ребенку было всего 5 месяцев. «Надо пристроить мальчонку,—говорил мне несколько раз Василий Алексеевич,—хочу работать в партии, а он связывает меня по рукам и ногам».

В тот день, когда мы сговорились встретиться с ним на Высоковской М-ре, он отвозил сына к родственникам, в село Никола-Сверчки. Оставив ребенка на попечении родственниц и узнав, что в селе сход, он отправился на него, и стал говорить. Его встретили недружелюбно, и староста велел ему замолчать. Кот послушался и ушел в избу. Прошло немного времени, и к избе подошла возбужденная толпа. Среди местных крестьян давно уже велась черносотенная пропаганда, во главе которой стоял учитель деревни Елизаровой, ростовщик и спекулянт. В тот же день среди местных крестьян оказались двое приезжих, никому неизвестных «московских мещанина». Они особенно возбуждали толпу и скрылись потом бесследно.

За нами давно охотились, мы знали, что за наши головы обещана крупная награда; не раз мы говорили, что при случае нам не сдобровать. Наверное, Кот понял грозившую ему опасность, но или не мог, или не хотел бежать. По его просьбе, я подарил ему хороший шестизарядный револьвер, он носил его за голенищем, но не воспользовался им для самозащиты.

В избу вошло несколько человек, и один из них задал Коту провокационный вопрос о царе. Кот благоразмуно уклонился от разговора на эту тему и отделался каким-то остро-

умным каламбуром. Тогда спрашивавший схватил его за волосы и ударил. Кот, щуплый на вид, но ловкий пролетарий, сбил с ног неуклюжего крестьянина. Произошло замешательство. Что было потом, вытащили ли Кота, или он сам вышел на улицу, я не знаю. Знаю только, что на улице его били кольями, зверски, методично, пока не устали, а человек не обратился в кровавую бесформенную массу.

Из голенища Кота вывалился подаренный мной револьвер. Из него произвели два выстрела в избу, чтобы потом сказать, что Кот стрелял в убийц. Если бы он владел оружием и стрелял, они наверное разбежались бы.

Так погиб тридцати с небольшим лет от роду один из выдающихся вождей рабочего движения—самородок—Василий Алексеевич Владыкин.

Рабочие, собрав свои гроши, поставили ему памятник, а крестьяне, может быть, те, кто участвовал в убийстве, говорили, когда пришло время выборов: «Вот, убили Кота, теперь и в Думу выбрать некого»...

Я, как мог, постарался сохранить для незнавших Владыкина его светлый образ.

19 марта 1923 г. **В. И. Орлов.**

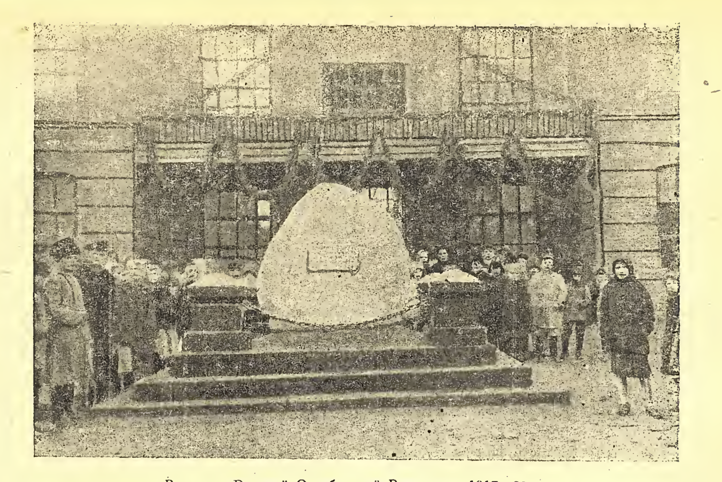
II.

В дополнение к воспоминаниям В. И. Орлова, так совершенно обрисовавшего образ В. А. Владыкина, приводим те сведения, которые удалось собрать о нем у клинских рабочих.

Родился В. А. Владыкин (Кот) в деревне Коннове, Троицкой волости, Клинского уезда, Московской губернии (приблиз. в 1870 г.). Окончив 4-х классную сельскую школу, до совершеннолетия жил и работал по крестьянскому хозяйству на родине вместе с родителями. Когда ему исполнилось 21 год, он покидает деревню и едет в Москву, где поступает работать на фабрику Измайлова. На ф-ке он впервые сталкивается с революционной пропагандой и сам начинает принимать в ней активное участие. Его работу разоблачают и увольняют с ф-ки. В. А. Владыкин, не покидая Москвы и не порывая с революционной работой, переходит на фабрику «Прохоровская М-ра» ткачем, где еще более углубляется в революционную деятельность. Его и там разоблачают и заставляют уволиться. В. А. уезжает из Москвы и поступает на фабрику «Высоковской М-ры» в Клинском уезде.

Мать, отец, брат, жена и сын В. А. Владыкина умерли. Из родственников его остались две родные сестры, живущие в настоящее время в дер. Коннове, о третьей его сестре уже 8 лет нет вестей—неизвестно жива ли она.

В Московском Историко-Революционном Архиве дело, значащееся по каталогу № 20—1905 г., стр. 42 о В. А. Владыкине,

В память Великой Октябрьской Революции 1917—22 г.

От рабочих фабрики Высоковской М-ры погибшему от рук наемных палачей капитала, борцу за дело пролетарской революции

Василию Алексеевичу Владыкину (Коту).

исчезло, а из краткой заметки в деле № 238 1905 г. (там же) узнаем о сходке рабочих 3-го июля 1905 г. в лесу близь деревни Маланьиной, Клинского уезда, «на каковой сходке произносились революционные речи».

После сходки был обыск у Ивана Толмачева и Василия Владыкина и арест Толмачева. Расследование этого дела велось при ф-ке Тов-ва «Высоковской М-ры», Клинского уезда. Нашли две прокламации: одна под заглавием: «Старая погудка на новый лад»—ко всем московским рабочим и вторая начинается словами: «Братья—крестьяне»...

Благодаря пропаже из архива дела В. А.—не удается точно установить при каких обстоятельствах произошло убийство его. Установлено только, что В. А. Владыкин был убит в селе Николо-Сверчки, Троицкой волости,Клинского уезда, 20 ноября 1905 года двумя крестьянами того же села.

Тов. Зорин, знавший лично Кота, передает о смерти его несколько иначе, чем В. И. Орлов. По его рассказам, придя с митинга в дом своей сестры, он пил чай за столом; в это время вошли двое крестьян (впоследствии выяснилось, говорит Зорин, что это были местные кулаки, подкупленные фабричной администрацией).

Начав свой разговор с Котом о политике, один из них неожиданно набросился на него, и ударил долотом в голову; Кот имел еще силы отскочить к стене, где висело его пальто с револьвером в кармане, но в это время другой убийца схватил его и тут же они докончили свое подлое дело. Уже мертвого В. А. Владыкина вытащили на улицу, и долго били кольями.

Хоронили Вас. Алекс. высоковские рабочие в селе Николо-Сверчках на погосте без попа—по наказу Владыкина.

Снимок с памятника, поставленного Коту рабочими на «Высоковской М-ре» против рабочего театра, с надписью на нем, помещен ниже.

Е. Л.

III.

Стихотворение, написанное в память Василия Кота рабочими „Высоковской М-ры."

За нас, угнетенных фабричных рабов,
Ты с сильными мира сражался,
Рубил их, как витязь старинных годов,
Пока твой булат изломался.
За наше ты счастье свое потерял,
Жены и работы лишился.

Тебя полицейский в темницу сажал
И каторгой вечной грозился.
Но твердо стоял за рабочих—горой,
Поддерживал в трудную пору;
Пять тысяч рабочих гордились тобой,
Водил нас и в лес, и в контору.
И что же? За правду стальным долотом
Зарезан крестьянином-зверем.
Спи мирно, товарищ, под нашим крестом,
Мы в правду победную верим.

Г.

ГАВРИЛОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ (кличка „Валентин").

Николай Андреевич, сын бедного крестьянина с. Дальне-Константинова, Тепелевской волости, Нижегородского уезда и губернии. Родился 6 декабря 1886 года. Начальное образование получил в двухклассной школе того же села. Бойкий, живой, смышленый мальчик выделялся среди общей массы учеников. До 11—12 лет он был очень религиозен, посещал церковное богослужение, пел на клиросе, на зубок знал евангелие и запоем читал книги духовного содержания, которыми его снабжал священник. Но пытливый детский ум, который, как губка, впитывает в себя все окружающее, не может долго останавливаться на мертвой доктрине, тем более, что так много противоречий между тем, чему учит религия, и окружающей жизнью. Но новое не сразу приходит на смену старого. Начинается искание, он жадно набрасывается на книги, достает какие только может, читает по ночам в углу своей небольшой деревенской хатенки, при лучине (ночью керосин жечь не дает отец), возникают все новые и новые вопросы.

В книгах на все вопросы не находит ответов, кто на них ответит? Конечно, учителя. Идет к ним. Ответа нет, а только совет почитать «житие святых», чтобы лукавый не смущал. Но он уже не верит в лукавого, а вопросы все настойчивее и настойчивее требуют ответов. «Почему перед богом все равны, а на земле нет равенства, и церковь поддерживает это неравенство? Почему церковь накапливает богатства, когда Христос был против такого накопления и проповедывал против богатых?» Не получая ответов в школе, он сам себе находит руководителя в лице административно высланного студента в их село. На незамысловатые вопросы ответы найдены, книг сколько хочешь, мальчик ожил и торжественно заявляет в классе, что ни бога, ни чорта нет, а есть только богатые и бедные, ре-

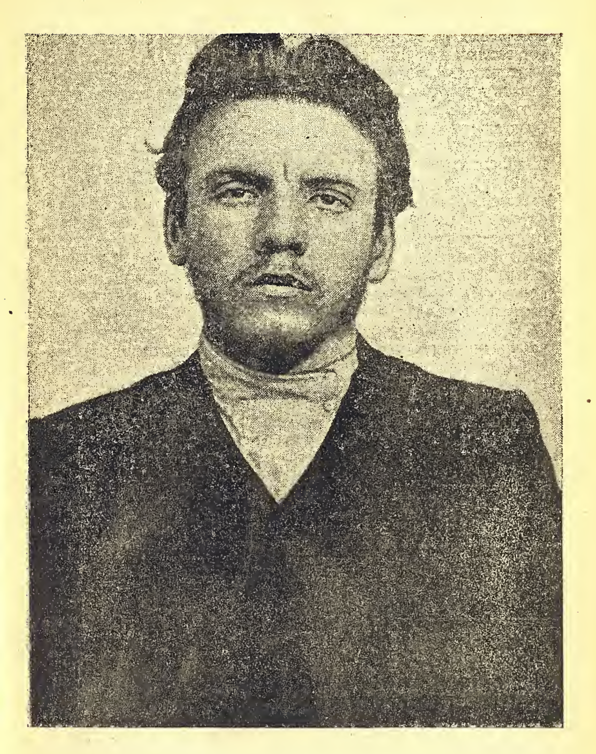
лигия же помогает царю держать народ в рабстве—«власть мол от бога» и т. д. Педагоги об'являют его атеистом, и начинается скрытая борьба. С большим трудом удалось ему окончить 2-классную школу. Итак, уже 14-летний крестьянский мальчик сознает классовое противоречие. Он хочет отдать всю свою жизнь, только бы пробудить классовое сознание у трудящихся, но для этого надо учиться и учиться. Но где же учиться, куда броситься, средств нет, да и отец не пускает: «на Николку, мол, вся только и надежда; старший сын ленив, а этот на все руки мастер: и книжку всякую прочтет, и письмо кому только хочешь напишет толково, и посоветует, как взрослый, и в поле за плугом не плох, так работа и кипит в руках». Но Николке жизнь в деревне невмоготу—знаний хочется. Каждую свободную минуту от работы сидит за книжкой—к экзамену готовится. Решил осенью уйти из дома, и для начала поступить в Поливановскую учительскую семинарию, другого выхода нет, а там видно будет. Окончил семинарию в 1905 году. В этом же году получил место учителя в Подольском уезде, Московской губ., в земской школе села Сертякина. Не столько в школе работает, сколько ведет союзную и партийную работу. В 1906 году на одной из станций Московской жел. дор. был арестован с партийной литературой и до суда выслан на родину *) (в 1909 г. состоялся суд, привлекали по 132 ст. и получил 6 месяцев крепости). Недолго он засиделся у родных. Через месяц скрывается, переходит на нелегальное положение и уже работает в качестве профессионала при Московской Окружной организации. Работает в Иваново-Вознесенске, Коломне. В 1907 году в декабре снова был арестован под фамилией Самсонова и заключен в Бутырский полицейский дом **). В феврале 1908 года из него бежало 8 человек—политические заключенные, в том числе и тов. Гаврилов. И сейчас же он снова отправляется на работу в Орехово-Зуево. Весной того же года едет работать в Баку, а осенью возвращается в Москву и работает в Московской организации в качестве члена Московского Комитета и в районах, сначала в Лефортовском, а потом в Сокольническом. 23-го мая 1909 года в квартире Лидии Шашек арестовывается весь М. К.

---

*) 17-го декабря 1906 г. был задержан на ст. Московско-Кур. ж. д. „Царицыно-Дачное", откуда пытался бежать, но при помощи 2-х уличных сторожей был настигнут жандармом и арестован. Просидел в Лефортовском полицейском доме 3 месяца, после чего 19-го марта 1907 г. выслан этапным порядком в Нижний-Новгород (Дело № 592—909 г. Ист.-Рев. Архив).

**) 2-го ноября 1907 г. в Москве Гаврилов был обыскан и арестован, как лицо, прикосновенное к делу М. О. К-та Р. С. Д. Р. П., под именем Павла Афанасьевича Самсонова (Дело 592—909 г. Ист.-Рев. Архив).

Составит. книги Е. Л.

Гаврилов Николай Андреевич.

Дальше идет два с половиной года предварительного заключения в одиночке в Таганке, пока не был создан большой процесс 35, по которому тов. Гаврилов получил 4 года каторжных работ. Каторгу отбыл в Бутырской тюрьме. Шесть лет заключения были использованы для занятий, своего рода университет (на воле не было времени читать, приходилось читать в вагонах жел. дор., трамваях; а сам обратился в ходячую библиотеку, во всех карманах были набиты книги). Всеми правдами и неправдами передавались ему в тюрьму книги по экономическим и политическим наукам, изучил 4 иностранных языка (английский, немецкий, итальянский и французский), прошел высшую математику (любимый предмет его, колоссальные способности были по математике, занимаясь ею, он отдыхал). В 1915 году был сослан на вечное поселение в Иркутскую губ., где и застала его революция. С первых же дней февральской революции работает в Сов. Раб., Казацких и Кр. Деп., является членом Иркутского Комитета, членом Городской Управы и по Иркутскому району по списку большевиков проходит в Учредилку.

С восстановлением Советской власти в Иркутске он назначается наркомом и в то же время избирается членом Центро-Сибири. Во время выступления чехо-словаков и ликвидации губернской власти, когда центральная Сибирь была отрезана от Советской России, когда пришлось вести самостоятельную финансовую политику, он назначается комиссаром финансов при Центро-Сибири, фактически же приходилось нести обязанности и председателя Ц. С., так как председатель Ц. С. т. Яковлев все время находился в командировках. Когда Ц. С. эвакуировалась из Иркутска, сначала в Верхнеудинск, а потом в Читу, вся тяжесть работы при самых неблагоприятных условиях лежала на тов. Гаврилове. В Чите, в августе 1918 г. Советская власть очутилась в кольце: со стороны Иркутска чехо-словаки с белогвардейскими бандами, со стороны Владивостока—японцы с калмыками, со стороны Манчжурии—Семенов—положение создалось безвыходное. В Чите, чтобы организованнее ликвидировать Советскую власть, местная власть и Центро-Сибирь были распущены и выбран Сибсовнарком из пяти человек: т.т. Гаврилова, Кларка, Бутина, Лозо и Матвеева. Тов. Гаврилов был выбран председателем Сиб. Сов. Нар. Комиссаров. Эта пятерка несла всю тяжесть работы и до последней минуты стояла на своих местах, давая возможность всем остальным товарищам заранее законспирироваться. До города Свободного они продолжали свою работу. В Благовещенск, который не подчинялся Ц. С. и тем более Сиб. Сов. Нар. Ком., тов. Гаврилов уже прибыл простым гражданином, устроился в деревне учителем и пережил в ней переворот. По политическим соображениям долго засиживать-

ся в районе Благовещенска нельзя было, да и семью, которой в том городе не оказалось, необходимо было разыскать. Пришлось двинуться по Амуру в Хабаровск, где и удалось с большим трудом и риском для жизни разыскать свою семью в Амурском поселке в 6-ти верстах от Хабаровска. В этом поселке удалось ему и жене под чужими фамилиями устроиться учителями. Но долго тов. Гаврилов без работы сидеть не может, не в характере останавливаться перед опасностью, наконец, тяжела оторванность, связей никаких, все разбито, терроризировано разгулявшейся реакцией. Надо собираться воедино, надо подать свой голос. И вот тов. Гаврилов связывается с Восточным Бюро профессионального союза гор. Хабаровска, который издает свою «Рабочую Газету», и помещает в ней «Письмо к тетушке», в котором зло высмеивает адмиралов (Колчака) и атаманов (Семенова и Калмыкова). Газету прихлопнули, но распространить ее успели, это был брошен первый вызов реакции.

Реакция гуляла, но ждать чего-то и сидеть сложа руки не было никаких возможностей, необходимо соединять разбитые, разрозненные силы. Тов. Гаврилов с тов. Славиным начинают об'единять оставшиеся в Хабаровске силы, шлют гонца для восстановления связей во Владивосток, Благовещенск, Верхнеудинск, в Иркутск. Начинается партизанская борьба, нельзя партизан оставить без идейного руководства, спешно организовывается типография, пишутся листовки, воззвания. В разгар организационной работы провокатор Розенблат выслеживает их и предает.

28 мая 1919 года Колчаковская охранка арестовывает тов. Гаврилова и Славина и препровождает в тюрьму. Хабаровские товарищи делают попытку устроить им побег, но в самый последний момент все проваливается, выдает один из организаторов побега, в результате—новые жертвы. Семенов присылает за ними своих молодчиков и 1 июня уводят их в Макавеевские застенки Семенова около Читы.

Что было дальше покрыто мраком неизвестности. Попавший в эти застенки живым не возвращался, и что там делалось никто рассказать не мог. Говорят, они были преданы военно-полевому суду, и была видимость суда, и приговорены к расстрелу. Но расстреляны или замучены, никто не знает. Знаем только одно, что когда партизаны заняли ст. Макавеево, то нашли там страшные орудия пытки, а жители станции говорили, что здесь редко кого расстреливали, обычно же рубили людей на части и бросали в воду, сдирали кожу, поджаривали, сжигали на кострах живьем, прокалывали раскаленными прутьями и т. д.

Есть сведения, что только в одном Макавеевском застенке погибло 15 тысяч человек.

Г. К.

II.

В Московском историко-революционном архиве (б. охранное отделение) в делах № 1087—1906 г. и 592—1909 года имеются, кроме приведенных в примечаниях к биографии тов. Гаврилова, еще следующие материалы, могущие послужить дополнением к его биографии.

Николай Андреевич Гаврилов, под именем «Валентин», вошел в Московскую организацию с конца 1908 года, с ноября 1908 года состоял членом Бутырского района и посещал собрания К-та этого района; входил в состав редакционной комиссии газеты «Рабочее Знамя», и намечался в декабре делегатом в обще-партийную конференцию. С января 1908 года считался организатором Лефортовского района и был избран от этого района в члены Московского К-та, представителем от которого участвовал 19 марта на собрании областного окружного и Московского Комитетов для выборов членов областного бюро. Позднее состоял ответственным организатором Сокольнического района.

«Валентин» проживал под именем крестьянина Василия Степановича Борисова. Его квартира в селе Богородском, под Москвой, куда он переехал на дачу, служила местом деловых свиданий видных партийных работников, как местных, так и приезжавших из-за границы. Раньше жил на Кавказе. Имел сношение с анархо-коммунистами, бывш. социал-демократами, которым он оказывал различные услуги (ночевки, давал связи для приобретения ими оружия и проч.). К группе этой принадлежал известный анархист Лавр Андреев Ремизов, убитый полицией на станции Лосиноостровская при оказании им вооруженного сопротивления.

23 мая 1909 года на кв. Шашек, в числе 10 чел., Гаврилов был арестован по распоряжению Московского градоначальника на 3 месяца (затем срок был продлен) за нарушение обязательного постановления о незаконном собрании, привлечен был к предварительному следствию при Московском окружном суде, по обвинению за проживание по чужому виду—Павла Афанасьевича Самсонова.

В разработке дела № 10—1912 г. помещена резолюция Московской судебной палаты (рассмотрение дела происходило под председательством тайного советника Ранга и тов. прокурора судебной палаты Галиновского) по делу о Московских социал-демократических организациях 1909—10 г.г.

Из 35 лиц, преданных суду, трое—Макаревич, Игнатьев и Тройнов умерли, а суждение о М. Н. Давыдове и Н. И. Бухарине выделены в особое производство за болезнью первого и нерозыском второго (Бухарин скрылся из места административной ссылки—Архангельской губернии).

Из остальных подсудимых признаны виновными по I ч. 102 ст. уголовного уложения и приговорены к каторжным работам 14 человек: 3—на 7 лет, 1—на 6 лет, 3—на 5 лет и 7 человек—на 4 года. В числе этих последних был и тов. Гаврилов.

Е. Л.

Добавление к вып. № 1
„Бр. Могила," стр. 67.

ГАЛГАНОВ.

Тов. Галганов—член Рогожско-Симоновской организации г. Москвы. С 13 до 15 лет он работал в типографии Сытина, за свою строптивость был уволен и поступил в 1912 году на завод «Динамо»—помощником слесаря. Здесь он получил первое знакомство с партией, особенно через тов. Алешина, и стал усиленно читать и уяснять себе положение рабочего при капиталистическом строе, после забастовки (кажется, в 1915 году) был уволен и поступил в Сокольниках на какое-то предприятие. В начале 1916 года он был арестован по подозрению в хранении типографского шрифта и распространении прокламаций. У него нашли несколько прокламаций, и он просидел в Таганской тюрьме около полугода. Затем он попадает в солдаты старой армии. В начале 1917 года он избил ударившего его офицера и за это в конце февраля 1917 года был приговорен к расстрелу, но его спасла февральская революция. Все лето 1917 года он работал где-то в Петрограде, будучи членом Р. К. П., и принимал активное участие в июльских и Октябрьских днях. В Москву прибыл в ноябре и участвовал в боях на Остоженке. После Октябрьских дней он служил делопроизводителем в милиции в Каменьщиках, затем агентом уголовной милиции. В 1919 году он добровольно уходит бороться против Деникина, оставив больную жену тифом и грудного ребенка (который умер от отсутствия питания). В конце 1920 года он прибыл по болезни в трехмесячный отпуск и сразу приступил к работе помощн. заведующего орготделом Рог.-Сим. райкома. Потом при т. Цивцивадзе был заведующим учетным подотделом. По окончании срока он явился в Красную Армию, больной и истощенный с землистым цветом лица. В 13 запасном полку в Астраханских казармах он был членом бюро ячейки Р. К. П. Когда для подавления Кронштадтского мятежа нужно было с района мобилизовать сначала 13 человек, тов. Галганов, находясь случайно в это время в райкоме, добровольно согласился ехать вместо отсутствовавшего, предназначенного к мобилизации Мастерова. Он уехал вместе с Живлюком, Лебедевым, Гаврилиным, Якушевым и другими товарищами.

Первоначально он был ранен, но рана не остановила его, он двинулся с цепью дальше, после второй раны он выбыл из строя и от раны скончался, получив за свою доблесть орден Красного Знамени.

Умер 24 лет от роду. Тело его было доставлено в район.

П. Карпухин.

ГОЛЬДЕНБЕРГ ИОСИФ ПЕТРОВИЧ (Вишневский, Мешковский, Роман).

Иосиф Петрович родился в июне 1873 года в гор. Симферополе в многочисленной зажиточной купеческой семье. Родители его, либерально настроенные, не стесняли детей. Почти все дети получили высшее образование. Старший брат—Михаил, примыкавший одно время к народникам, был знаком с видными революционерами того времени. Ребенком Гольденберг встречал в своем доме Софию Перовскую. Средний брат—Владимир (инженер), примыкал к группе «Единство» Плеханова.

Ум и фантазия не по летам развитого мальчика рано начинают работать над разрешением вопросов общественного порядка. С раннего детства он пристрастился к чтению. Почти ребенком отрывается от семьи, решая уехать для получения среднего образования в Н.-Новгород, где поступает в 1-й класс реального училища. Там, живя вдали от семьи, учится, много читает, выделяясь среди сверстников своими способностями. На 16-м году он основательно штудирует Маркса, а через 2—3 года работает в первых марксистских кружках под руководством М. Г. Григорьева и П. Н. Скворцова.

В это время в Н.-Новгороде существовало 2 кружка: один—(10—12 ч.) из учащейся молодежи гимназистов и реалистов, другой—из рабочих Курбатовского и других заводов. Главной темой, обсуждавшейся и дебатировавшейся в кружках в то время, было новое учение—марксизм, пропагандируемое молодыми марксистами в противовес учению народников. По отзыву тов. Мицкевича, приезжавшего в Н.-Новгород в 1892 году, среди молодых марксистов особенно выделялся И. Гольденберг, реалист 7-го класса, ловко парировавший удары народников и сам переходивший в наступление. Уже тогда он удивлял всех своею начитанностью и теоретическими познаниями. Вместе с ним из этого первого подпольного Нижегородского кружка вышел ряд не безызвестных деятелей социал-демократов: М. А. Сильвин, Н. А. Вигдорчик, А. А. Ванеев (умер в ссылке в Сибири). Наибольшее влияние на развитие И. П. оказывал в этот период П. Н. Скворцов, о котором Гольденберг всю жизнь вспоминал с чувством горячей признательно-

Гольденберг Иосиф Петрович.

сти. В последний год своего учения в реальном училище И. П. сам начинает руководить кружками рабочих.

В 1892 году он кончает реальное училище. В детстве слабый здоровьем, И. П. и во время пребывания в Нижнем-Новгороде переносит брюшной тиф, воспаление легких и в последний год на почве сильного нервного и умственного переутомления—паралич одной стороны лица. В дальнейшей жизни И. П. никогда не мог похвалиться здоровьем, но, обладая большой волей и выдержкой, он иногда, несмотря на сильные физические страдания, способен был работать.

Для основательного изучения западно-европейского рабочего движения Гольденберг в 1893 году едет заграницу. В Льеже (одном из промышленных городов Бельгии), он поступает в политехникум, и вместе с тем связывается с рабочими группами Бельгии, примыкает к марксистам и скоро выдвигается, как выдающийся защитник учения Маркса. Из Льежа он шлет в Россию (в газету «Русские Ведомости») талантливо написанные корреспонденции о международном конгрессе, о бельгийском рабочем движении, которое переживало тогда героический период революционной борьбы за всеобщее избирательное право. Эти корреспонденции широко использовывались партией—вырезались из газет, наклеивались в тетрадки и ходили в таком виде по рукам подпольных работников, служа материалом для агитации среди рабочих масс.

Через год пребывания в Льеже у И. П. начался процесс в легких. Врачи, по рассказам его жены, послали его в Швейцарию, строго запретив всякую работу, даже чтение книг; «ни строчки перед глазами»,—говорили они ему. Для Г. это была мука, но возраст был опасный (шел 21 год), и испытание надо было выдержать. И. П. едет в Швейцарию и почти год лечится. В 1895 году он женится, поселяется в Женеве и здесь знакомится с Г. В. Плехановым. К этому же году относится и его первое знакомство с В. И. Лениным, который тогда приезжал для переговоров с группой Освобождения Труда.

В начале 90 г.г. Группа Освобождения Труда пришла к необходимости расширить свой состав, установить более тесные постоянные связи с рабочим движением в России, перейдя от теоретической к практической работе. При выборе работников Плеханов и его сотрудники, по словам Л. Б. Каменева, требовали основательную теоретическую подготовку, глубокое проникновение учением Маркса, уменье отстоять основные положения Маркса среди мелко-буржуазных народнических и интеллигенско-анархических влияний в русской революционной среде того времени. Одним из первых, кого привлекла к работе группа Освобождения Труда, был И. П. Гольденберг. Выбор Плеханова оказался вполне удачным. С начала 90 г.г. русская интеллигенция переживает целый ряд пре-

вращений. Эпоха повального и поверхностного увлечения марксизмом сменилась эпохой такой же поверхностной «критики». Пошла мода на всякие «поправки» к Марксу, поправки от Бернштейна, от Ницше, от Канта, от Маха. «Марксисты», прикрываясь этими поправками, стаями переходили к либералам. Среди всех этих колебаний и шатаний Иосиф Петрович, по свидетельству тов. Каменева, один из немногих, оставался верен революционному учению Маркса. Его «марксистская закваска» выдержала все интеллигентские «соблазны».

После Женевы Г. живет в Лозанне, а затем в Париже. К этому времени (1899—1901 г.г.) его родители умирают, и И. П. начинает зарабатывать переводами с французского языка, некоторое время совместно с тов. Стекловым. В Париже, а затем в Монпелье он посещает и оканчивает физико-математический факультет, не сдав только государственных экзаменов.

Работая заграницей, И. П., однако, всеми своими помыслами стремится в Россию, но врачи, 2 раза за это время приговаривавшие его к смерти, категорически запрещают жить в суровом климате. В 1903 году, когда забастовочное движение охватывает весь юг России, И. П. не выдерживает, покидает заграницу и едет сначала в Саратов, где работает 2 года—с сентября 1903 года по сентябрь 1905 года—членом Саратовского комитета партии.

Саратов начала 1900 г.г.—город преимущественно мелкой буржуазии и интеллигенции, которые составляли около двух третей городского населения. Фабрично-заводских рабочих насчитывалось только 7—8 тысяч и около 15 тысяч ремесленников из двухсоттысячного населения. В царское время Саратов служил одним из центров политической ссылки. Тем не менее, в конце 1904 г. и в начале 1905 года Саратов переживает дружную всеобщую забастовку, уличную манифестацию, столкновение с войсками и проч. В Саратовский комитет входили тогда интеллигенты: Оболдуев, Серов Василий Матвеевич—бывший член 2-й Государственной Думы от Саратовской губ., Майский И. М., Топуридзе, Обухов Владимир Михайлович и молодой талантливый рабочий Мельситов, Петр Михайлович, просидевший полтора года в тюрьме и там, после ознакомления с марксистской литературой, превратившийся из эсера—в с.-д. Но центральной фигурой, организующей и направляющей рукой, душой комитета был, по отзывам товарищей, И. П. Гольденберг. Его влияние на всех товарищей по комитету было очень велико. Широта взгляда, отсутствие мелочности, умение ориентироваться в любом положении, наконец, известная дипломатичность, столь необходимая в подпольной работе, делали И. П. лидером саратовской организации. Он всегда смотрел вглубь вещей, и потому видел гораздо дальше и намечал теоретическую линию гораздо правильнее,

чем другие товарищи. Помогало ему и хорошее знакомство с опытом западно-европейского рабочего движения.

Не менее было велико влияние И. П. и на массу. И. П. был одним из самых талантливых, блестящих ораторов в России того времени. Он умел захватывать и заставлять себя слушать самую большую разнокалиберную аудиторию. Не раз, после слабых неудачных выступлений товарищей, он один спасал положение своим мастерским последним словом. Импонировала к тому же и его внешность. Высокая фигура, громкий голос, живая южная жестикуляция, красивые обороты речи и сравнения, блестящая и вместе с тем неподдельно-искренняя, горячая речь его производила потрясающее впечатление на аудиторию, которой таких ораторов до него еще не приходилось слышать. Толпа бывала загипнотизирована, зажжена, очарована, и когда пламенная речь его кончалась, раздавались бешеные взрывы аплодисментов. Организуемые в конце 1904 года Саратовским партийным комитетом по инициативе И. П. собрания рабочих и мелких служащих в противовес блестящим банкетам, устраиваемым саратовскими либеральными помещиками и земцами, очень быстро отодвигают эти банкеты на задний план.

Работая в Саратовском комитете, И. П. в то же время работает в редакционной коллегии газеты «Приволжский Край».

На январский расстрел рабочих у Зимнего дворца 1905 г. Саратов ответил дружной всеобщей забастовкой, главным руководителем и вдохновителем которой был И. Петр. К концу забастовки он, вместе с некоторыми другими членами комитета, подвергается недолгому аресту.

Для рабочих И. П. был близким и самым доступным учителем, всегда охотно отдающим свое время для раз'яснения всех возникавших у них вопросов. Его квартира на Константиновской ул. (в Саратове) памятна многим, часто посещавшим его тогда товарищам.

Летом 1905 года большевистский центр собирал силы для удара Романовской монархии. Предстояли решительные бои. «Марксистская» интеллигенция бежала к меньшевикам и либералам. Штаб большевиков требовал пополнения, и тогда решено было вызвать из Саратова Иосифа Петровича. И в сентябре 1905 года И. П. работает уже в Питере. В его лице партия нашла в те революционные боевые дни умного политика, неутомимого работника, внушающего всеобщее уважение представителя. И. П. неизменно входил в состав редакций всех большевистских изданий. В то же время он был постоянным участником «Военного Совета Большевиков». «Наш идеал, нашу тактику он умел блестяще обосновать и защитить и на рабочем собрании, и на международном совещании, в яркой

прокламации, и в спокойной газетной или журнальной статье», говорит Л. Б. Каменев. После первых выступлений И. П. в защиту большевиков, Плеханов прислал ему письмо с выражением удивления и попытками привлечь на сторону своей оппортунистической тактики. И. П. не только ценил Плеханова, но и любил его, как учителя, но на письмо ответил резко, указав на то, что большевизм есть только применение к условиям русской революции 1905—1906 г.г. революционного учения самого Плеханова.

В период 1907—1908 г.г. И. П. 2 раза сидел в тюрьме. В первый раз в 1907 году 21 января за речь, призывавшую к вооруженному восстанию, произнесенную им в Петербурге в зале Тенишевского училища. Дело после дознания вскоре было прекращено. Второй раз в мае 1908 года он был арестован вместе с т.т. Каменевым, Линдовым и др., как члены Ц. К. большевиков, что, однако, не было точно установлено, все арестованные были освобождены и И. П. был выслан из пределов Петербургской губернии под особый надзор полиции. Жил после этого частью нелегально в Питере, частью в Финляндии. В то время в Финляндии жили В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Г. Д. Линдов, В. В. Воровской, А. В. Луначарский, А. А. Богданов, И. Ф. Дубровинский и др. Со всеми ними И. П. был в тесном общении, а с И. Ф. Дубровинским жил на одной квартире.

В течение трех лет с 1906—1909 г.г. И. П., будучи доверенным лицом организации Питера, сносился с заграницей, несколько раз ездил заграницу на совещание партии, держал в своих руках по поручению Ц. К. партии нити легальной партийной работы. В апреле 1906 года ездил на Стокгольмский с'езд, в апреле 1907 г.—на Лондонский с'езд, на котором был выбран в члены Ц. К. партии, в августе 1907 г.—на Международный с'езд социалистических партий в Штутгарте, уже как член Ц. К., в том же 1907 г. присутствовал в Териоках на общероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П., в 1908 году был на о. Капри и в конце 1909 года—на конференции Ц. К. в Париже. В 1909 году он был выбран от большевиков в Ц. К. узкого состава (пятерки) для общего руководства всей партийной работой и в частности работой думской фракции, а после Парижской конференции вошел в состав Русского Бюро Ц. К. (семерки) как представитель большевиков.

По приезде в Россию с Парижской конференции 2 февраля 1910 года И. П. основательно проваливается, и, хотя произведенный обыск у него ничего, по обыкновению, не обнаружил (И. П. отличался всегда чрезвычайной осторожностью и конспиративностью в партийных делах), с ним решили расправиться административным путем, выслав на 5 лет в Якутскую область. Только благодаря его болезненному состоянию он получает вместо Якутской области, которая была бы гибельна

для его здоровья, Астраханскую губернию, на те же пять лет в г. Черный Яр.

В ссылке, оторванный от работы, от партии, от людей И. П. сильно томился. После 4-х лет, проведенных там, был включен в список амнистированных в связи с 300-летием дома Романовых и осенью 1914 года возвращается в Питер. Работает в Союзе городов, где одновременно с ним работали т.т. Подвойский, Стеклов и др.

4 года оторванности от партии сказались. С вопросами, поставленными грянувшей войной, он не справился, поддался общему настроению, охватившему тогда людей 2-го Интернационала и пошел по следам старых своих учителей—Плеханова и Гэда, хотя во многом и расходясь с ними. Таким образом, к февральской революции 1917 г. И. П. уже не с большевиками. Защищая свою позицию на об'единенной с меньшевиками конференции, созванной по его инициативе в Таврическом дворце 4-го апреля 1917 года, выступает с критикой по докладу В. И. Ленина, тогда только что приехавшего из заграницы. С делегацией первого ВЦИК, членом которого состоял, он едет в Стокгольм для организации Стокгольмской конференции.

Пацифистские планы рушились. Начался медленный пересмотр. В России торжествовала пролетарская революция. Старый большевик мучительно переживал свой отрыв от партии, от пролетариата, от революции. В 1919 году наступает окончательный перелом в его взглядах.

Работая в Берлине при русской миссии, он основывает там коммунистическую газету,—«Новый Мир» и работает в ней как главный редактор, а затем, получив от В. И. Ленина ответ на свое письмо, едет в Россию.

«С чувством радости и удовлетворения читали мы письмо И. П. из заграницы, в котором он сообщал свое решение вернуться в Россию и в рядах коммунистической партии бороться за победу нашего дела», говорит Л. Б. Каменев.

Приехав в Москву, И. П. сразу нагрузил на себя большую работу по организации и заведыванию отделом печати и информации в Наркоминделе.

Чрезмерно интенсивная работа, а также частые недосыпания, благодаря затягивавшимся зачастую далеко за полночь заседаниям коллегии НКИД, в которых он постоянно принимал участие, скоро начинают отражаться на здоровье И. П.

Через 6 месяцев работы он серьезно заболевает, и врачи настаивают на его немедленном помещении в санаторию.

Но, чуткий и совестливый по отношению к другим, И. П. не щадит своих сил. До последнего дня жизни, уже совсем больной, он все еще продолжает посещать НКИД, чтобы сдать дела до своего от'езда.

Организм не выдержал, и 1 января 1922 года И. П. умирает от паралича сердца.

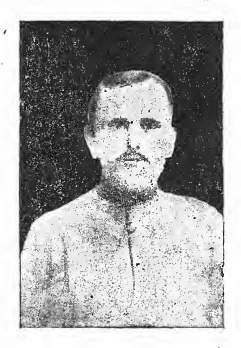
Так внезапно оборвалась жизнь И. П.—ему было всего 48 ½ лет.

«За несколько дней до его смерти,—пишет тов. Каменев,—группа товарищей обсуждала вопрос о товарище, которому можно было бы поручить важное ответственное дело, требующее ума, такта, выдержки, безусловной преданности и дисциплинированности. И все без разногласия сошлись на имени Гольденберга. Он не дождался этого назначения, но оно еще раз подчеркнуло, какой громадной общепризнанной всеми интеллектуальной силы лишился пролетариат в лице старого большевика, одного из первых пропагандистов марксизма среди русских рабочих—И. П. Гольденберга».

(„Правда" № 2, 3/I—22 г.—ст. Каменева, „Пролетарская Революция" № 5—ст. Мицкевича, „Минувшие Годы" № 12 1908 г.—ст. Майского, сообщения, данные женой И. П. Г.—В. И. Г. и „Матер. для биогр. слов. с.-д.", вып. I. В. Невского).

ГОРДЕЕВ ЛАВРЕНТИЙ КИРИЛЛОВИЧ.

Гордеев, Лаврентий Кириллович—слесарь—род. в 1890 г. в Тульской губ., Алексинского уезда, Афанасьевской вол., дер. Голубцы. Отец его—крестьянин—умер рано, когда тов. Гордееву было 3 года. До 15-летнего возраста тов. Гордеев жил в деревне, помогая матери. Условия жизни заставили его поехать в Москву, где он поступил учеником на фабрику Ливардова. Проработав там 8 лет, в 1914 году перешел на завод «Динамо» в аппаратную мастерскую. В подполье тов. Гордеев не работал, но революция втянула его в свое русло, и тов. Гордеев в 1917 году вступает в партию большевиков. Работая, как рядовой член партии, тов. Гордеев в трудный в продовольственном отношении год—1918—посылается общим собранием рабочих и служащих завода в продотряд. Продовольственную работу тов. Гордеев вел в гор. Ельце и гор. Богучаре (Воронежской губ.), где он занимал пост политического комиссара. На этой работе он заболевает сыпняком, с трудом переносит болезнь и откомандировывается в Москву на лечение. По вы-

Гордеев Лаврентий Кириллович.

здоровлении тов. Гордеев едет на заготовку топлива в Тульскую губернию. Но там он заболел возвратным тифом и в тяжелом состоянии был привезен в Москву к семье. Надорванный организм не вынес болезни, и 3 февраля 1920 года тов. Гордеева не стало.

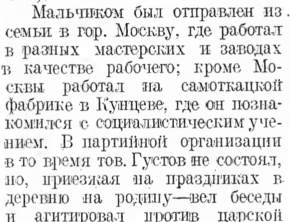
(Сб. «Динамо», стр. 98).

ГУСТОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ.

Родился в 1888 году в семье крестьянина с. Середы, Волоколамского уезда, Московской губернии.

Густов Сергей Васильевич.

Учился в Серединской двухклассной (МНП) школе (не окончил).

Мальчиком был отправлен из семьи в гор. Москву, где работал в разных мастерских и заводах в качестве рабочего; кроме Москвы работал на самоткацкой фабрике в Кунцеве, где он познакомился с социалистическим учением. В партийной организации в то время тов. Густов не состоял, но, приезжая на праздниках в деревню на родину—вел беседы и агитировал против царской власти, раз'яснял о социалистическом учении, распространял привозимую из города нелегальную литературу.

В 1908 году был призван на военную службу, где пробыл 4 года (кавалерия). По возвращении со службы, жил в деревне и частично в гор. Москве на заводах. В 1914 году был мобилизован и отправлен на фронт, где находился до демобилизации армии. По возвращении из армии в 1918 году вступил в члены РКП (большевиков) и принимал активное участие в организации Советской власти в Серединской волости.

Работал в милиции в 1918—1919 г.г. в качестве рядового, а затем начальником милиции Сережинского района.

Мобилизован партией РКП в сентябре 1919 г. и отправлен на Деникинский фронт, служил в дикой Кавказской дивизии во втором полку, где в боях в марте 1920 года на Кавказе попал с обозом в плен и был расстрелян белогвардейцами.

Тов. Густов отличался своей прямотой и суровой решительностью и считался активным работником Серединской волости.

Щербанов.

Д.

ДВОРЕЦКИЙ ПЕТР.

Рабочий завода Гужон, принимал деятельное участие в нелегальной работе партии 1905—1909 г.г. Среднего роста, крепыш, темноволосый, с назад откинутыми волосами, обрамляющими очень широкий лоб—таков его внешний вид. Работал в болтовом отделении.

Товарищ Дворецкий пользовался уважением среди всех товарищей по нелегальной работе благодаря своей начитанности и выдержке характера. Везде, на всех нелегальных районных собраниях, он был постоянным участником и довольно активным. Неоднократно он был также участником от района на общегородских партийных конференциях. На революционном поприще он был выдвинут массовым революционным движением 1905 г., и к декабрьскому восстанию он был членом партии и членом боевой дружины. Политически работать на заводе Гужон было очень трудно, ибо рабочие на заводе были тесно связаны с деревней, кроме этого сильно была развита система доносов. Тов. Дворецкий был ярым противником легальных возможностей и все упование возлагал на вооруженное восстание с сочетанием всеобщей стачки и широкой пропаганды в войсках. С тов. Орловым (Томом), тоже рабочим от Гужона, он особенно деятельное участие принимал в организации бойкота выборов в 1-ю Государственную Думу и широко распространял прокламации. Несмотря на антипатию к Государственным Думам, он тем не менее активно участвует в проведении выборов во 2-ю Государственную Думу. Партийная работа после разгона 2-й Государственной Думы в районе и в Московской организации осложнилась благодаря предательству провокаторов и слежки охранки, и в 1907 году в районной организации происходят два провала, благодаря которым большая часть активных членов районных работников очутилась за решеткой, в том числе и тов. Дворецкий. Бегство из партии интеллигенции, отсталость и забитость рабочей массы и ее равнодушие к облегчению своей участи при помощи профессиональных и партийной организаций производят какой-то надлом в душевном состоянии тов. Дворецкого, но он долго борется с припадком малодушия, ему не хочется, в надежде на грядущую революцию, быть «Фомою неверующим». В 1909 году весною происходит дальнейший упадок настроений у тов. Дворецкого, и он кончает самоубийством (отравился).

Так погиб один из лучших передовых рабочих, сердце которого негодовало против рабской жизни рабочего под господством господина—капитала.

С. Иванов (Максимов).

ДЖЕГО МОГУЧ АРТЕМЬЕВИЧ

Родился в 1894 году в исключительно революционной семье. Его мать была одна из основательниц (85 г.) и активных деятелей партии «Дашнакцутюн» *) и в свое время с 1903 года неоднократно была в ссылке, одна из сестер стояла во главе вооруженной сотни «Дашнакцаканов», выступала в открытом бою с правительственными войсками в 1905 году и была убита, брат со студенческой скамьи был деятельным членом РСДРП большевиков, сидел в Казанской тюрьме и был приговорен к смертной казни, от которой избавился только по манифесту 1905 г.

В такой семейной политической обстановке рос и воспитывался тов. Джего. Под влиянием ее он стал революционером. Еще юношей был исключен из гимназии за революционную пропаганду. В 1914 году 20-ти лет примкнул к студенческой группе С.-Д. большевиков и принимал близкое участие в ее работе.

До 1916 года работает в Москве среди трамвайных служащих, но вследствие преследования полицией принужден скрыться из Москвы, уезжает в Сибирь.

В Сибири работает на постройках железной дороги от Рыдерских рудников до города Уст-Каменгорска, и с помощью находящихся там военнопленных организует дважды с успехом экономические забастовки. После них дольше оставаться в Сибири стало небезопасным, тов. Джего переходит на нелегальное положение и возвращается в Москву. Это был как раз канун февральской революции 1917 г. По дороге узнает уже об отречении Николая.

В Москве принимает участие в разоружении полиции и затем работает в милиции до половины апреля 1917 года. Началась пропаганда большевиков против империалистической бойни, и тов. Джего едет с целью пропаганды в армию на Кавказский фронт. В конце сентября 1917 года он опять в Москве, принимает активное участие в Октябрьской революции—состоит в штабе Красной Гвардии и помогает вооружению рабочих. После Октябрьской революции работает в Московской милиции и позднее, как представитель от нее, участвует на 4-м с'езде Советов.

Неутомимая энергия, работоспособность и любовь к делу выдвигают Могуча, несмотря на молодость, на ряд ответственных постов в различных учреждениях Республики. Он организовал железнодорожную охрану Р. С. Ф. С. Р., организатор комиссии по борьбе с нищенством, детской преступностью, проституцией. Был секретарем управделами С. Р. Д. Моск.

*) Националист.-революц. партия в Армении.

горрайона, юрисконсультом Наркомюстиции, заведывал поездным отделом ВЦИК, был заместителем комиссара Гл. Упр. Воен. Учебн. Зав., комиссаром на Моск.-Каз. ж. д. Московского района и еще занимал много других должностей.

В 1920 году тов. Джего был направлен для работы в Армению, где был арестован Деникинским правительством. Освобожденный вступившей Красной Армией, тов. Джего состоял начальником политотдела Армянской Красной Армии, затем в Москве помощником нач. ПУОКРА и в последнее время главным начальником охраны ценностей Наркомфина.

Пользуясь доверием товарищей, тов. Джего выдвигался ими и на ряд выборных должностей: на Краевое совещание от фронта, членом горрайона С. Р. Д., членом правления секции Московской милиции от профсоюза, членом Грозненского Окружного Совета, участвует на окружной конференции РКП в Грозном, на уездной конференции К. П. А. в Эривани.

Умер Могуч Артемьевич Джего 30 октября 1922 года в Москве на своем боевом посту 28 лет от роду. В лице его РКП понесла тяжелую утрату, потеряв одного из преданнейших, мужественных и испытанных борцов за освобождение трудящихся.

(Сост. по некр. в г. «Раб. Москва» 1922 г. № 22 и крат. автобиогр.).

ДОРОФЕЕВ Ф. И.

Сын крестьянина Владимирской губ., Покровского уезда, Аргунской волости, дер. Цепнино, родился в 1893 году 26 декабря. Остался после смерти матери 7-ми лет. Отец вторично женился. Мачеха не взлюбила пасынка, и отец вынужден был отдать ребенка на воспитание в совершенно чужую семью, в гор. Коломну.

Семья, в которой воспитывался Ф. И. Дорофеев, была чисто буржуазная, с деспотическими взглядами на людей, смотрела на него, как на халуя и, заставляя исполнять всю грязную работу, в знак благодарности награждала пинками и пощечинами. 9-ти лет отец взял сына снова в деревню и отдал в сельскую школу, где он учился всего лишь $2^1/_2$ года, после чего, по настоянию своих воспитателей, был взят из школы и водворен на прежнюю должность с платой «пинками».

14-ти лет он отдан в квасное заведение по мытью посуды, а через год поступил в пивную половым и через полтора года—на Коломенский машино-строительный завод кладовщиком на жалованье 15 руб. в месяц. В это время у него явилось желание учиться, и он, получая 15 руб., платил 3 руб. за койку и 5 руб. репетитору, с которым занимался по вечерам. На Коломенских заводах были разные нелегальные собрания, на которых он

участвовал; узнав про это, заводская администрация стала поглядывать на него косо. Чувствуя все это и имея страстное желание учиться, он ушел с завода и переехал в Москву. Время было безработицы, устроиться было очень трудно, и он принужден был ходить на всевозможные поденные работы, получая 60 коп. в день.

Наконец, ему удалось устроиться по электро-техническим работам, но и тут стали поглядывать на него косо, тогда он уходит и поступает помощником монтера во Всеобщую Компанию Электричества. 20-ти лет он женится, а через 7 месяцев его ВКЭ увольняет со службы. Жена его работала в это время на желатинном заводе, получая 12 руб. в месяц. Жить на эти деньги, имея семью жены, состоящую из 5-ти человек, на своем иждивении, было слишком трудно. Жена заболевает. Ф. И. берет частную работу и работает, не покладая рук, даже не уславливаясь в цене, а довольствуясь тем, что дают. Через полтора месяца работа закончена, и выясняется, что заработанных денег ему не хватает даже расплатиться с долгами, которые он сделал во время безработицы, так что пришлось продать и заложить все пожитки. Но вот судьба улыбнулась ему: он устраивается на Московско-Казанской железной дороге в качестве слесаря. В это время у него умирает ребенок. Проработав на Казанской жел. дор. около года, он переводится помощником машиниста в депо «Сортировочная».

Дорофеев.

Улучшив несколько свое материальное положение, он снова начинает учиться, тем более, что один из друзей И. О. Дорофеев согласился репетировать его бесплатно. На Казанской жел. дор. он работает до 1917 года.

Но вот желанный год—революция.

Ф. И. Дорофеев увлекается идеями коммунизма и отдается целиком работе. Вскоре вступает в партию С.-Д. большевиков. Начинает работать в местном комитете, в ячейке депо «Сортировочная» и в районном комитете, не зная устали.

В Октябрьские дни он в рядах Красной Гвардии. Осенью 1918 года он командируется на Царицынский фронт, где работает комиссаром узла, борется наравне со всеми с белыми, ра-

ботает с броне-поездами, а также следит за работой узла. Возвратившись через несколько месяцев в Москву, он мобилизуется на продработу, откуда направляют его уже в распоряжение тов. Шлихтера для работы по продовольствию в Вятской губ. Последний назначает его уездным комиссаром продовольствия в Уржумский уезд. Получив боевые задания при назначении, Дорофеев работает, не жалея своих сил, и выполняет их полностью. После 9-ти месяцев он перебрасывается в гор. Малмыж.

Возвращенный с продработы на Пермскую дорогу, как железнодорожник, он через 4 месяца вернулся в Москву и поступил на рабфак Хамовнического района, не оставляя партийной работы. От Пречистенского рабфака он проходит членом в Московский Совет, где работает до самой смерти.

Во время эпидемии сыпного тифа он заболевает, и смерть уносит эту молодую жизнь.

Он умер 30 января 1922 года, 28 лет от роду, претерпев столько лишений, горя, так и не достигнув заветного желания— получить образование, чтобы лучше работать для блага народа.

Покойный имел сильную волю, много энергии и чрезвычайно стойкий характер.

После смерти его остались жена и сын 5-ти лет.

Н. Зимин.

Добавление к вып. № 1 „Бр. Могила“, стр. 69.

ДУБРОВИНСКИЙ ИОСИФ ФЕДОРОВИЧ („Илья“, „Иннокентий“, „Иннокентьев“, „Леонид“).

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть....

В лице И. Ф. Дубровинского наша партия потеряла одного из самых выдающихся своих членов, а пролетариат России одного из самых преданных работников его дела.

Неустанная, прерываемая только многократной тюрьмой и ссылкой, революционная деятельность Иннокентия всюду и везде сделала бы его подлинным вождем рабочих масс. В любой стране его похороны превратились бы в наглядную демонстрацию неразрушимой связи пролетарских масс и идей социализма, носителем которых был Иннокентий. За его гробом должны были итти те тысячи рабочих, которых он сам своим словом, пером и примером пробудил к сознательной жизни, те сотни тысяч, которым он служил всей своей деятельностью, представители той партии, организатором и руководителем которой он был.

Но он умер в далекой Енисейской тундре, и месяцы прошли раньше, чем горькая весть дошла до русских рабочих... Умер, как жил—«подпольщиком» и «нелегалом», чистейшим и лучшим образчиком «профессионального революционера», русского интеллигента, который весь, целиком, без остатка ушел в дело революционной организации и революционного просвещения пролетариата. Он был в первых рядах тех, кто своей работой подготовил и провел первое восстание рабочих масс России против царя и капитала, и тот историк, который в будущем изумится тому грандиозному сдвигу, который пережила Россия за последние 20 лет, среди работников этого периода разыщет имя Иннокентия. Он найдет его среди той молодежи, которая в начале 90-х годов с жаром изучала марксизм, чтобы найти «алгебру революции», потом среди организаторов и лекторов первых рабочих кружков центральной России, потом среди организаторов партийных совещаний и с'ездов ее центрального комитета, и в редакциях ее руководящих органов—найдет его имя на площадях Москвы и Кронштадта, в толпе рабочих и матросов в дни восстаний. Ибо Иннокентий всегда был там, где горячее всего бился пульс народной борьбы. А когда этот пульс затих, когда контр-революция тяжелым гнетом легла на страну, когда встал вопрос о самом существовании партии, Иннокентий отдал все свои силы на восстановление сил и организацию разбитой армии.

Тяжела была работа первых организаторов рабочего движения в царской России, огромна была работа в дни революции, но, быть может, труднее и мучительнее всего предшествующего была работа в годы крушения старых надежд, в полосу малодушия и ренегатства. Ближайшим товарищам Иннокентия по работе в эти годы виднее других было, с каким напряжением всех своих сил бился он над решением «проклятых вопросов» тогдашней партийной действительности. Последняя поездка Иннокентия с ближайшей целью восстановления центрального аппарата партии и привела Иннокентия на берега Енисея...

Да, умер, как жил, ни на минуту непоколебленным революционером и социал-демократом, все отдавшим рабочему народу, которому только проклятые условия жизни в России Романовых и Гучковых помешали узнать в умершем товарище одного из своих лучших вождей и руководителей.

Друзья будут оплакивать в нем человека редкой души, партия выдающегося своего руководителя, пролетариат России—своего передового борца.

(«Соц.-Демократ» № 32 от 15/28 декабря 1913 г.).

Е.

ЕВСЕЕВ ПАНФИЛ ФЕДОРОВИЧ.

Тов. Евсеев, старший маляр вагонных мастерских Северных жел. дор., раньше работал на фабрике сельско-хозяйственных машин. Революционная деятельность его начинается с 1905 г. Первая революция застает его на железной дороге в должности старшего маляра.

Деловое и добросовестное отношение к своим обязанностям приобретает ему доверие рабочих. Он был первым организатором ячейки большевиков на 1-м уч. тяги Сев. ж. д. Его можно было видеть одним из первых на всех манифестациях, несущим знамя с самыми боевыми лозунгами того времени. Знамя Северн. ж. д., которое носил тов. Евсеев, и по сие время хранится, как боевое знамя. Он был членом Московского Совета с первых дней февральской революции и до конца своей жизни.

Евсеев Панфил Федорович.

С 1918 года тов. Евсеев, как член Московсокго Совета Р. и К. Д., едет на южный фронт и во время Мамонтовского прорыва в гор. Козлове, был взят в плен и предательски убит тремя пулями без суда и допроса.

После тов. Евсеева остались жена и малолетняя дочь.

Н. Зимин.

ЕЛИЗАРОВ ИВАН МЕРКУЛОВИЧ („Колюда“).

Тов. Елизаров (кличка Колюда) происходил из рабочей семьи. Он родился и вырос тоже в рабочей семье и, мало этого, его окружали рабочие Орехово-Зуева, имевшие не мало боев с

царским правительством еще в 1885-м году. Все это делает его впоследствии революционером. Будучи еще в 1905 году сравнительно молодым, около 20 лет, тов. Елизаров уже был членом организации большевиков, а также и боевой дружины. По профессии он—ткач. Я с ним познакомился только в 1914 году. Он и в это время был одним из преданнейших членов Орехово-Зуевской организации большевиков и одним из самых активных ее работников. Какое бы поручение ему ни давали, он всегда быстро и хорошо его исполнял.

Мне вспоминается следующий случай: нам надо было достать шапирограф для печатания прокламаций, достать его было очень трудно, и вот тов. Елизаров, работавший в это время при фабричной больнице, пользуется случаем и достает целый противень этого «студня», и на нем мы потом печатали прокламации. Во второй половине 1915 года он с Кировым едут в Москву и там живут и держат связь с нами и партийной организацией, но в марте 1916 года их арестовывают по доносу провокатора нашей организации Осипа Чернышова и высылают. Начинается тяжелое скитание: Нижний, Самара и т. д. Но тов. Елизаров нигде не теряется и не делается обывателем. Февральская революция застает его на «электро-передаче», и он тут же вступает в местную организацию. Но его тянет в Орехово-Зуевскую родную организацию, и он вскоре туда приезжает. Однако, не долго ему приходится быть в родном месте; голод и гражданская война его выкидывают опять из Орехова и на этот раз навсегда. Живя в Оренбурге и работая там на железной дороге и имея при себе жену с ребенком, он в 1921 году едет в Ташкент за хлебом (в это время его жена с ребенком в буквальном смысле слова голодали) и там, видимо, погибает. Так мне лично говорила его жена, недавно совсем оттуда вернувшаяся. Вот далеко не полное описание рабочего революционера. Он не был за время революции и до нее на больших ответственных постах, но он был верный сын революции и партии рабочего класса. Местной партийной организации и его бывшим друзьям следует о нем подробнее написать, а также позаботиться о материальной и моральной поддержке его жены, которая также помогала нашей организации в нелегальное время.

С. Зрячкин.

ЕРМАКОВ МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ.

Ермаков Михаил Степанович родился в 1887 году 25 июня в бедной семье крестьянина деревни Ванилово, Аншнковской волости, Бронницкого у., где провел свое детство и юность. С ранних лет отданный родителями в школу, охотно стал учиться. У тов. Ермакова была беспредельная любовь к уче-

нию, но, к несчастью, бедность его родителей оторвала его от науки, и он с трудом смог окончить сельскую школу. После этого, тов. Ермаков поступил на фабрику бывш. А. Г. Гусева работать на станке, где продолжал работу до военной службы. На военной службе при царизме отбыл 3 года и шесть месяцев. Придя с военной службы, он опять поступил на указанную фабрику в качестве подмастерья и работал там до революции. В Октябрьской революции тов. Ермаков принимал горячее участие, открыто выступая перед рабочими за власть Советов.

В 1918 году тов. Ермаков был откомандирован выборами рабочих фабрики в районное отделение профтекстильщиков, но по слабости своего здоровья работал в профсоюзе текстильщиков всего 6 месяцев, после чего был откомандирован обратно на Ваниловскую фабрику. Спустя 2 месяца, тов. Ермаков, оправившись здоровьем, был откомандирован Ваниловской ячейкой РКП в Москву в военное продбюро, откуда был в скором времени направлен в Сорочинский совхоз, Самарской губ., Бузулукского уезда на должность политкомиссара.

В 1919 году вблизи совхоза стали появляться банды белогвардейцев, которые наводили ужас на население. Банды по приезде своем в селения производили грабежи, насилия, аресты и расстрелы, не щадя женщин и детей.

В 1920 году, 2 июня в 10 час. утра в Сорочинский совхоз приехали банды белогвардейцев в составе 12-ти человек с ружьями и пулеметами под командой неизвестного. День был пасмурный, точно природа предсказывала совхозу о печальном событии. По приезде банды стали производить аресты мужчин, в это время тов. Ермаков, ничего не подозревая, шел по двору совхоза с револьвером, который был в кобуре. Банды, увидав тов. Ермакова, набросились на него, схватили и повели к амбару совхоза, без всяких допросов поставили тов. Ермакова к амбару, произвели ружейный залп, и тов. Ермакова не стало. После этого банды, ограбив совхоз, скрылись.

Тов. Ермаков погребен на военном кладбище вблизи совхоза.

Володин.

ЕФИМОВ ВАСИЛИЙ ФРОЛОВИЧ. („Самсон", „Саратовец", „Борис Смирнов").

I.

В Москве, в Бутырской каторжной тюрьме, умер рабочий Василий Фролович Ефимов, известный многим под кличкой «Самсон», «Саратовец» и «Борис Смирнов». Он умер 27 лет от роду, и вся его короткая, но полная кипучей деятельности жизнь была посвящена на служение тому классу, одним из лучших представителей которого он был. Он работал в целом

ряде городов: в Саратове, Киеве, Москве и Баку, пока не был арестован, и осужден на каторгу в Москве по делу 33 с.-д. Особенно много труда и энергии отдал он на работу в Бакинском профессиональном союзе нефтепромышленных рабочих, среди которых пользовался большой популярностью.

Позднее, в 1909 году, тов. Ефимов выступал одним из лучших докладчиков на с'езде фабричных врачей.

По своим убеждениям Василий Фролович был вполне последовательным социал-демократом большевиком, каким он остался до конца своей жизни.

Но покойный товарищ вызывал чувство глубокого уважения даже в своих противниках.

Мне пришлось встречаться со многими лучшими представителями рабочих с.-д. Были среди них и самородки и таланты, но, перебирая их всех в своей памяти, я не вижу таких, которые походили бы на покойного Самсона.

В нем, в его поступках, жестах и речах было какое-то особенное проявление достоинства, благородства.

Ни одной крикливой, эффектной фразы, ни одного лишнего жеста не видел я у него за долгое время, в течение которого пришлось встречаться с ним. Он был природным вождем, в котором запечатлелось величие исторической роли класса.

Много раз я представлял себе Саратовца в роли парламентского представителя рабочего класса и мне казалось, что лучшего депутата нельзя и желать. Товарищи, слышавшие покойного на с'езде фабрично-заводских врачей под именем Б. Смирнова, только подтвердили мое мнение.

Выступления его отмечались всей печатью. Именно ему поручили рабочие делегаты выступить с декларацией от рабочей группы. И они чутьем нашли действительно лучшего представителя. Говоря от имени горсточки рабочих, затерявшихся на с'езде среди либеральной интеллигенции и промышленников, Б. Смирнов каждым словом давал почувствовать, что рабочий класс знает свои силы, свое место и свои задачи и требует от буржуазии только ясности в отношениях и как можно меньше тумана.

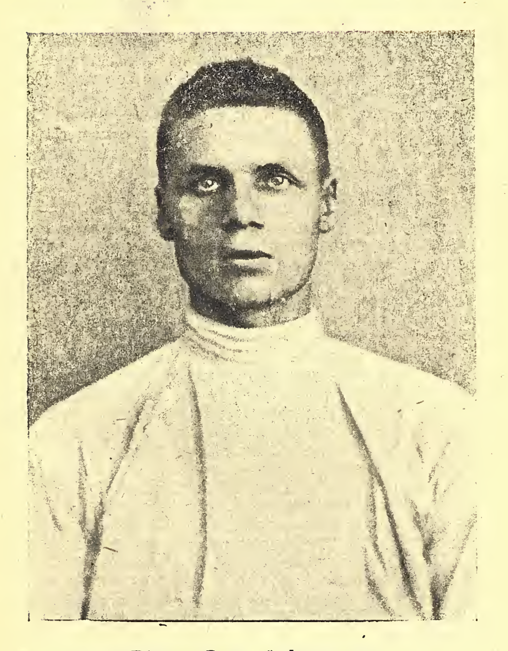
Какая страшная обида для рабочего класса в том, что такой выдающийся представитель его в самом расцвете сил кончил свою жизнь в кандалах и от кандалов (смерть произошла от заражения крови в ноге, растертой кандальными кольцами)...

Сколько неиспользованных сил погибло в молодом, только начавшем развертываться политическом деятеле, нашедшем себе смерть в тюремных стенах.

Аскетом он жил, страдальцем умер. Ушел В. Ф. Ефимов, но тот класс, которого лучшим и благороднейшим сыном был покойный товарищ, не забудет его.

Лев С.

(«Правда» № 179, 28/XI 1913 г.).

Ефимов Василий Фролович.

II.

В. Ф. Ефимов—сын крестьянина. родился 1-го января 1885 года, в деревне Карамышивке. Кологриво-Слепцовской вол., Аткарского уезда. Саратовской губернии. Семья состояла, кроме него, из старшего брата и двух сестер. 11-ти лет. Окончив на родине сельскую школу. Ефимов вместе с родителями переезжает на жительство в г. Саратов.

В 1904 году, 19-ти лет, В. Ф. состоит уже членом Саратовского «Рабочего Соц.-Демократ. К-та». 27-го апреля 1904 года подвергается обыску и аресту по делу о распространении в г. Саратове членами группы РСДРП воззваний о праздновании 1-го мая. Просидев 6 месяцев, 24-го октября 1904 года был освобожден под надзор полиции. Дальнейшее производство дела и надзор были отменены 21 октября 1905 года.

С 1906 года тов. Ефимов переходит на нелегальное положение. В г. Баку служит и работает в союзе нефтепромышленных рабочих, проживая под именем Бориса Александровича Смирнова. В апреле 1909 года приезжает из Баку в Москву на с'езд фабричных врачей в качестве делегата от бакинских рабочих.

9-го октября 1909 года в Москве на кв. кр-на А. Ф. Помелова в д. Варонова, по Коломенско-Ямской ул.. было арестовано собрание Замоскворецкого Комитета РСДРП, в количестве 14-ти человек, и в числе их был арестован и т. Ефимов под именем Анисимова Ивана Никитича. мещанина г. Тифлиса. В это время он состоял ответственным организатором Замоскворецкого района. После ареста, при обыске на его квартире найдены были 4 номера журнала «Рабочее Дело» 1909 года, статья в рукописи «Наша работа в профсоюзах и цель профдвижения» и др. заметки по профдвижению.

5 месяцев тов. Ефимов просидел в Басманном полицейском доме, затем был переведен в губернскую тюрьму, в которой сидел 2 года 3 месяца (с 24-го марта 1910 года до 28 июня 1912 года). Дело тянулось до суда над 33 с.-д. (5-го января 1911 года); тов. Ефимов был приговорен по 102 ст. на 5 лет каторжных работ.

28-го июня 1912 года он был переведен в пересыльную тюрьму для ссылки на каторжные работы. а 11-го сентября 1912 года скончался там же от чахотки, как «совершенно секретно. по тщательно проверенным сведениям», извещает Моск. охранка Бакинское охранное отделение на его запрос о смерти тов. Ефимова.

Весьма возможно, что после 3-летнего тюремного заключения у тов. Ефимова развился туберкулез, но это не исключает и ту ближайшую причину его смерти (рана от кандалов), о

которой сообщается выше в газ. «Правда» и которая ускорила смерть тов. Ефимова.

Е. Л.

(По матер. Ист.-Рев. Архива, д. № 1334—1909 г.).

Ж.

ЖИЛИН ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ.

I.

Иван Яковлевич Жилин родился в гор. Воронеже 30-го октября (н. с.) 1871 года, в типичной, по его словам, мещанской семье. Детство он провел безотрадно. Отец его был купцом, мать—из дворянской семьи, была выдана замуж насильно и не любила сына, который был похож на отца. Это обстоятельство особенно сильно отразилось на детских годах Жилина, оставшегося на руках матери после смерти отца 4-х месяцев, вместе с сестрой, старше его на 2 года.

В первые годы по смерти отца семья существовала еще на остатки от старой привольной купеческой жизни—для девочки были и бонны и гувернантки; позднее, через 6—7 лет, от старой жизни остались только воспоминания, и матери пришлось научиться шитью белья, чтобы содержать семью, но, несмотря на скудные средства, дочери было дано среднее, а затем и специальное образование, в то время, как маленький Жилин рос исключительно на попечении своей кормилицы, жившей в их семье со дня его рождения и ставшей потом его няней.

Няня—Варвара Ивановна Хибина, воронежская крестьянка, знававшая еще крепостное право, была умной, доброй женщиной; она сильно любила своего молочного сына и оказала большое влияние на его духовное развитие. Это она, по рассказам сестры Жилина, заложила в душе мальчика те прекрасные черты, которые отмечали потом все, близко его знавшие. Няня до конца жизни жила в семье Жилиных, умерла она внезапно от разрыва сердца 60-ти лет (в 1908 году), когда Жилину пришлось эмигрировать за границу.

Ребенком Иван Яковлевич оказывал большие способности как к грамоте, так и к музыке и живописи. Пяти лет он самоучкой знал уже азбуку. Так как никакого музыкального инструмента дома не было, он натягивал голландскую бичеву на венские бамбуковые стулья и, ударяя по ней, извлекал гармонические звуки. Позднее Жилин прекрасно играл на рояли и фисгармонии, научившись этому также самоучкой. Когда Жилину было семь лет, мать часто на целые дни усаживала

его с сестрой помогать себе в работе (вышиванье белья крестиками), и детям редко удавалось улизнуть из-под ее надзора, чтобы побегать с ребятишками.

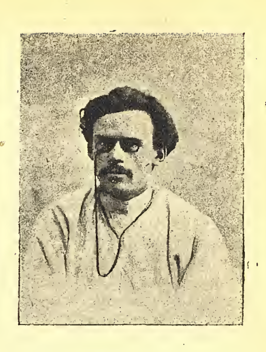
Восьми лет, еле ознакомившись с начатками грамоты, Жилин поступает в городскую ремесленную школу, в которой оказывает большие способности к столярному ремеслу. Через 3 года, блестяще сдав экзамен, выходит на целый год раньше своих однoшкольников, подмастерьем столяром-краснодеревцем.

Маленький Жилин любит свое дело. Немедленно по окончании школы он нанимается в мастерскую к одному хозяину. Но мать берет его из мастерской и отдает в 1881 году в уездное городское училище. С этого времени надолго жизнь поворачивается к мальчику своей теневой стороной.

Развившаяся с раннего детства от мелкого вышивания сильная близорукость, на которую никто из старших во время не обратил внимания, мешает ему одолеть грамоту, и он в 1884 году кончает школу, оставаясь почти таким же малограмотным, как и до поступления в нее. Дальше—жизнь «мальчика на побегушках» в Воронежском уездном казначействе, затем там же корпенье и днем и ночью $13^1/_2$-летнего «чиновника» над перепиской вороха бумаг, которыми заваливает его начальство, при этом понукания, пинки, издевательства и постоянный страх перед матерью потерять и это место. Выручает тов. Жилина головоломная работа по податному делу, которая поручается ему начальством, в надежде поскорее и наверняка разделаться с «негодным» служащим. Эта трудная даже и для взрослых работа выявляет действительные незаурядные умственные способности Жилина, и через несколько лет работы в этой области он становится известным, отбиваемым друг у друга городскими учреждениями, спецом по налогово-податному делу и в частности по выкупным платежам с крестьян. Эта работа, кроме того, выводит его из мертвящей чиновничьей обстановки, заставляя по необходимости соприкасаться с живыми людьми—с крестьянами, узнавать их темную, голодную, беспросветную жизнь. Знакомство с бытом крестьян пробуждает в тов. Жилине революционера, но недостаток свободного времени не позволяет ему найти ответа на встающие теперь перед ним вопросы. Только в начале 90-х годов, уже 20-летним юношей, перейдя на службу в контрольную Воронежскую палату, тов. Жилин получает впервые досуг заняться самообразованием, однако, чтение книг, на которое он с жадностью набрасывается, ведется без надлежащего руководства и системы. Это чтение (сочинения Златовратского, Глеба Успенского, и пр.) вместе с продолжавшимся личным знакомством с крестьянами—делают из него народолюбца. Он отдает весь свой досуг сбору в пользу голодающих, культурно-

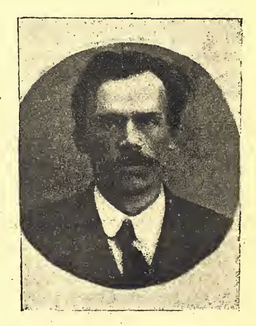
1889 г.
18-ти лет.

1898—1900 г.г.
28-ми лет,
в ссылке в г. Нолинске, Вятск. г

1908—1910 г.г.
38-х лет,
в Бельгии эмигрантом.

1910 г.
39-ти лет,
в Москов. тюрьме.

Жилин Иван Яковлевич.

просветительной работе, хотя уже и тогда она не удовлетворяет его, как революционера. В 1895 году он привлекается в кружок народовольцев, но и работая с ними, он также мало выясняет себе сущность того, что надо делать, и никто из кружка не удосуживается посвятить его в теоретическое обоснование их работы. Таким же политически незрелым застает его провал кружка и арест вместе с 20-ю другими народовольцами в конце 1896 года.

В тюрьме, где обычно революционеры подготовлялись теоретически, тов. Жилин был изолирован от других арестованных с ним, которые затем были приговорены к ссылке и вскоре же высланы. Однако, не дав теоретических познаний, тюрьма сыграла все же значительную роль в прояснении его политических воззрений. Наблюдая в тюрьме крестьян, ссылавшихся благодаря мироедам-кулакам крестьянскими обществами, он навсегда отделывается от преклонения перед общиной и, таким образом, внутренняя связь его с народниками порывается.

Из тюрьмы тов. Жилин освобождается до решения своего дела и только в 1898 году последовал приговор о ссылке его на 2 года в Вятскую губернию.

Эта ссылка делается университетом для Ивана Яковлевича—там он знакомится с учением Маркса, там в дискуссиях между ссыльными «экономистами» и сторонниками молодых ленинцев, к которым сам скоро примыкает, выясняет себе тактику тех и других. «Аграрный вопрос» Каутского окончательно выясняет ему неправильность точки зрения Чернова в крестьянском вопросе. Ссылка вырабатывает из тов. Жилина того твердо-каменного с.-д. большевика, которым знали его товарищи всю последующую жизнь. Все 2 года ссылки протекают в городе Нолинске, где Жилин женится, где у него родится сын. Эти годы были лучшими годами его личной жизни. он был счастлив, но, к сожалению,—не долго. Скоро там же он хоронит свою жену, тоже бывшую ссыльную, а затем, недолго спустя, помирает и его 3-хлетний горячо любимый сын. Эти личные переживания надолго оставляют оттенок грусти в характере тов. Жилина.

В 1900 году, после возвращения из ссылки, Жилин недолго живет в Екатеринбурге, где работает в местной газете «Уральская Жизнь» и затем едет в родной Воронеж. Здесь, чувствуя себя теперь теоретически сильным, с громадной жаждой политической деятельности, он долгое время не может найти применения своим силам—старые связи потеряны, оставшиеся товарищи сторонятся от него. С трудом разыскивает одного из старых знакомых—рабочего бундовца, связывается с ним и через него оказывает содействие рабочей организации Западного края. Позднее на этой работе сталкивается с группой с.-д., высланных из Москвы в Воронеж, т.т. Невским, Розенбер-

гом, Мандельштамом. С этого времени (1902 года) он вплотную подходит к работе с.-д. (большевиков), и его организаторские, агитаторские, пропагандистские и технические способности находят, наконец, себе широкое применение в работе в Воронежском Комитете. После 2-го партийного съезда (1903 года), он работает в Воронежском Комитете секретарем, а также одновременно несет обязанности пропагандиста, агитатора и заведующего техникой.

В 1905 году из-за усилившейся за ним слежки полиции и боязни провалить Воронежский Комитет, он переводится в Москву в Областной Комитет партии, куда приезжает уже в разгар железнодорожной Октябрьской забастовки, здесь он используется в работе Московским Комитетом, затем после манифеста 17 октября, вызванный снова Воронежской организацией, работает там в комитете вплоть до его провала, т.-е. до 17-го декабря 1905 г., после чего содержится под стражей в Орловском исправительном арестантском отделении до января 1906 года, когда по обвинению в сочувствии с.-д., его присуждают к высылке на 4 года в Нарым. Правительство этот приговор охотно заменяет высылкой заграницу, но тов. Жилин не желает ею воспользоваться и переходит с этих пор на нелегальное положение. Таковым он работает сначала недолго в Твери, затем снова в Москве—теперь отдавая все свои силы профессиональной работе в разных союзах и затем секретарем Ц. К. профсоюзов. Иван Яковлевич уходит в работу весь, без остатка, по своему обыкновению, а работать в Москве становится все труднее, группа работников все редеет, репрессии правительства все усиливаются, и параллельно с этим улетучивается обывательское сочувствие революционерам, иссякают и без того никогда не богатые денежные ресурсы партии. Профессионалы-подпольщики начинают форменно голодать.

В продолжении почти 2-х лет с 1906 года до конца 1908 года Иван Яковлевич, не имея заработка, доходит до такого истощения, что еле таскает ноги. И только тогда товарищам удается уговорить его эмигрировать заграницу с тем, чтобы легализироваться и снова вернуться в Россию, как это удавалось сделать уже некоторым товарищам.

Осенью 1908 года тов. Жилин в Бельгии—в Льеже, и там он не без дела: удачно сражается с меньшевиками и скоро, совместно с рабочими, организует первую большевистскую группу в Льеже, секретарем которой избирается он же.

Однако, легализироваться Ивану Яковлевичу не удается, благодаря провокации работавшего среди заграничной с.-д. группы—некоего Гудина. В сентябре 1910 года тов. Жилин опять с чужим паспортом едет в Россию, как агент заграничного бюро Ц. К. партии, для установления связи с южными с.-д. организациями. Он об'езжает весь юг, но организации

везде разрушены, застает только остатки от Елисаветградской организации, с которой устанавливает связь и некоторое время остается в городе, выступая на собраниях профсоюзов. Всей его работе сильно мешает доставшийся ему неудачный паспорт, по которому значится 23 года, а на самом деле ему было 40. Это досадное обстоятельство усугубляет и без того бесконечные мытарства подпольщика-профессионала.

В октябре 1910 года тов. Жилин опять в Москве—работает, входя в активную группу по восстановлению московской организации вместе с т.т. Н. Н. Яковлевым, В. Н. Яковлевой, Невзоровым, Алексинским и Романовым (провокатором). Благодаря этому последнему вся группа скоро проваливается. И. Я. Жилина арестовывают 19 дек. 10 г. под именем Ф. Я. Руденко вместе с А. В. Мандельштамом, на квартире которого он жил. Когда раскрывается его настоящее имя, он приговаривается по старому делу к ссылке в Нарым на 4 года.

И там он не перестает работать, и в 1912 году привлекается полицией за празднование 1-го мая. Его попытка бежать из Нарыма кончается неудачей.

В начале 1915 года, отбыв ссылку—опять на родине—в Воронеже. Опять начинается крестный путь подпольщика-революционера, но теперь уже с сильно расшатанным здоровьем, измученного тюремными этапами, ссылками, но все с тем же пламенным сердцем, с той же неугасимой верой в рабочее дело, с той же жаждой работы на победу его.

В Воронеже, слишком знакомый жандармам, тов. Жилин повести работу не смог, найти заработок тоже, уезжает в Питер, Москву—опять голод, холод, бесприютность...

Наконец, в Москве ему удается найти работу в Земгоре, в свободное время от занятий он разыскивает своих старых знакомых рабочих в Замоскв. районе, составляет из них кружок, и ведет с ними дискуссии о «войне—против войны».

В конце 1916 года совместно с т.т. Сольц, Яковлевой, А. М. Смирновым, Степановым-Скворцовым и Ногиным проектируют создать печатный партийный орган, но подоспевший февральский переворот этот план отодвигает.

После февральской революции М. К. отзывает тов. Жилина в редакцию газеты «Социал-Демократ», и с этого времени Иван Яковлевич уже до конца своей жизни работает не отрываясь, как солдат на страже революции, работает и в тылу, и на фронте, всегда спокойный, никогда не жалуясь, несмотря на все тягости жизни, а, наоборот, еще подбодряя других.

Работая в редакции газеты «Социал-Демократ» и «Спартак», тов. Жилин одновременно деятельно участвовал в выборной кампании в районные думы, в Бюро фракции большевиков городского и районных дум и в Областном Комитете партии, как спец по самоуправлению, затем подготовляет

с'езд большевиков-работников самоуправления. не оставляя в то же время и пропагандистскую работу в М. К.

И так до Октябрьской революции 1917 года. Все Октябрьские дни он в Московском Совете, исполняет различные поручения Военно-Революционного Комитета.

С первых же дней перехода власти в рабочие руки, Иван Яковлевич назначается комиссаром казначейства и казенной палаты, и на этом поприще, благодаря своей опытности, знанию этого дела и самоотверженности, оказывает колоссальную услугу рабочему правительству.

Одновременно он состоит членом Финансового Совета, затем помощником комиссара Госбанка, работает по ликвидации частных банков в Москве, входя в состав Временного Рабочего Правительства. В марте 1918 года, как комиссар финансов входит в Совнарком Московской области, после ликвидации же последнего, при переходе центральной власти в Москву. тов. Жилин входит в Моск. Обл. СНХ, заведует финансово-экономическим отделом в нем, а затем избирается пленумом Советов заместителем председателя президиума М. О. С. Н. Х., входя членом финотдела в В. С. Н. Х.

Неся такую колоссальную работу, тов. Жилин не оставляет и чисто партийной работы, входя членом в Замоскворецкий райком и в обще-городскую конференцию.

По болезни военная комиссия освобождает тов. Жилина от военного обучения. Но вот в январе 1919 года разгорается борьба на фронтах, и тов. Жилин добровольцем идет в 8-ю армию.

Там, назначенный заведующим особым отделом, организует его вновь взамен развалившегося старого, выступает агитатором на митингах, пишет листовки для красноармейцев. И так работает 2 года без перерыва до 1921 года, неутомимо вместе с армией, не взирая ни на годы, ни на болезнь, делает иногда громадные переходы пешком.

До 1920 года заведует политотделом армии и затем получает назначение начальником политотдела Кавказской трудовой армии, составлявшейся тогда из частей бывшей 8-й армии. Однако, вскоре обострившаяся болезнь заставляет И. Я. лечиться в Кисловодске, после чего, около 3-х месяцев, проработав на новом посту, он снова попадает в госпиталь, но и больной не знает покоя—выезжает для исполнения обязанностей помощника командующего по политчасти армии.

Наконец, по личной просьбе И. Я. откомандировывают в Москву, где вскоре же Ц. К. партии посылает его в Свердловский университет для лекторской и организаторской работы. В университете тов. Жилин работает 5 месяцев и затем по своему желанию откомандировывается Ц. К. во Всеобуч, где назначается помглавнач по политической части, одновременно

состоя и членом контрольной комиссии. Эта работа была последней. В 1922 году 9-го декабря Ивана Яковлевича не стало. Он умер, когда ему было всего 51 год.

Так жил и сгорел на работе этот незаметный труженик, подвижник-революционер. Прерывалась его работа, которую, не скупясь, взваливали всю жизнь на его плечи и обстоятельства, и люди, и он сам, только тюрьмами, этапами, ссылками.

Но работать можно по разному—тов. Жилин всегда отдавался работе весь, выполняя безукоризненно и добросовестно всякую, за которую ему приходилось браться. А брался он за работу, какую партия ему давала, никогда не отказываясь, как бы мала, велика или трудна она ни была. И вместе с тем оставался всегда в тени, отличаясь необычайной даже среди партийцев скромностью. Жил и умер аскетом, всегда нуждаясь в самом необходимом. Ни болезни, ни усталость, ни лишения, ни тюрьмы не гасили духа его и не только не лишали его бодрости, но Иван Яковлевич всегда был готов в трудные минуты развлечь и поддержать товарищей веселой шуткой, интересными остроумными рассказами, на которые был большой мастер. Эта общительность и, вместе с тем, особая внимательность и чуткость по отношению к людям делали его всеобщим любимцем. Он хорошо знал психологию людей, умел к ним правильно подходить; лучшей школой в этом была его трудовая жизнь. Отличаясь почти женственной мягкостью характера, тов. Жилин умел быть твердым и беспощадным в отношении к тем, кто сознательно поддавался растлевающему влиянию времени. Строгость, нравственная чистота и сила, выносливость, бодрость, добродушие и юмор—вот отличительные черты его характера.

В лице Ивана Яковлевича Жилина партия потеряла не только прекрасного работника, но и редкой душевной красоты человека.

Из родственников И. Я. жива только сестра его—Елена Яковлевна Жилина, 53-х лет, бывшая учительница, проживает в Москве.

Е. Л.

(Сост. по автобиогр., по данным Архива б. М. Охр. Отд., дело № 153—1901 г. и № 2154—1910 г. и по рассказам сестры И. Я.—Е. Я. Ж.).

II.

Иван Яковлевич Жилин был одним из самых старых членов нашей партии. Он принадлежал к тому редкому типу революционеров, которые теперь почти уже не встречаются. Страшно скромный, тихий, хотя и с цепким, все примечающим умом, Иван Яковлевич был человеком поистине святым.

Я познакомился с тов. Жилиным в Сущевском полицейском доме, если не ошибаюсь, в 1910 году. Он был арестован в одну из ночей, когда Московская охранка разгромила всю организацию нашей партии. Помню, что, когда меня под конвоем привели в грязно-серое, одним своим видом внушающее глубокое отвращение, здание охранки, я чуть не ахнул: несколько десятков «наших» сидело уже в зале, с узелками, «одеялом и подушкой», перевязанными веревкой, и тому подобными, всем нам знакомыми атрибутами переезда на «казенную квартиру». Здесь был Одиссей (Мандельштам), Варвара Николаевна Яковлева, ее брат Николай, расстрелянный впоследствии Колчаком, «Фома» (А. Смирнов из Наркомпрода) и десятки других товарищей, почти весь наличный руководящий состав Московской организации. В числе арестованных был и тов. Жилин. Его высокая, изможденная фигура резко бросалась в глаза. Было что-то обреченное в этом человеке. Иссохшая грудь, испитое лицо, глубоко ввалившиеся глаза, глухой кашель и странная улыбка: то насмешливо-скептическая, то больная и точно извиняющаяся за что-то.

В тюрьме Иван Яковлевич, самый старый из нас (мы с Валерьяном Оболенским были еще совсем мальчишками), расположил к себе положительно всех. Он принимал участие даже во всех шалостях на прогулке. Но в его жизни поражала какая-то удивительная чистота: я отлично помню, как Иван Яковлевич делил свой последний кусок сахару на ровненькие, тщательно отколотые кусочки, чтобы каждый из «сосидельцев» получил ровно столько, сколько и другой. Их камеру (с ним сидел Николай Яковлевич, один товарищ по прозвищу «Дядька с барки» и А. Романов, впоследствии оказавшийся провокатором) все мы звали «монастырем». Там господствовал суровый режим и полное спартанское братство. Иван Яковлевич был действительно каким-то большевистским подвижником, хотя в молодости он как-будто был чем-то в роде опереточного актера: по крайней мере, он знал неисчислимое количество арий, которые пел голосом и с мимикой, составляющими полный контраст с их содержанием. Иван Яковлевич был крайне твердокаменным большевиком: он с презрением относился к другим группировкам, сторонился их, с меньшевиками не здоровался даже в те времена, даже сидя в тюрьме. Всю свою революционную жизнь он был подпольщиком, работал, несмотря ни на какие условия, вечно скитался по тюрьмам, ссылкам, этапам и всегда сохранял неизменное спокойствие. Это он передал нам, тогдашним молокососам большевизма, лозунг, который так нравился молодежи: «Ребята, всегда держите хвост трубой». Этот больной, измученный жизнью человек, с удивительным упорством преодолевал все препятствия, и не раз, вероятно, его презрительно-насмешливая улыбка ставила втупик царских жандармов.

После Октябрьской революции тов. Жилин работал и в Москве и на фронтах. Жил он все время в ужасных условиях, ходил буквально без сапог, голодал. И никогда ни на что не жаловался. Только насмешливо улыбался. И продолжал работать. Партия потеряла еще одного старика, который отдал для нее все, что имел. Прекрасный товарищ. Прекрасный образец для тех, кто жив.

Н. Бухарин.

III.

Немного раз встречались мы с тов. Жилиным. Другие товарищи, лучше меня знающие его, скажут о нем больше. Я хотел бы, главным образом, для молодых работников коммунистического движения вспомнить то, что я о нем знаю.

До революции я слышал о тов. Жилине первый раз во время тяжелой реакции в 1910 году от тов. Николая Николаевича Яковлева, сидевшего тогда с ним и с тов. Бухариным в тюрьме, в одном из полицейских домов в Москве. Тов. Жилин в тюрьме не унывал и все меры принимал к тому, чтобы другие не унывали. Помня, что когда-то он был артистом, он старался утешить даже самых унылых при помощи своего неистощимого остроумия, изобретательного на всякие вещи.

Мы встретились с тов. Жилиным в газете «Социал-Демократ», где оба работали весной 1917 года. Уже тогда, при первой встрече, он показался мне сильно постаревшим, его некоторая глухота усиливала это впечатление.

Согнувшись сидел он над столом и копался в материалах; но он не забывал, по всегдашнему своему обычаю, извлекать из всех этих материалов что-нибудь смешное и веселое. И, благодаря этому, впечатление упорного, усидчивого работника, неунывающего ни при каких обстоятельствах, несмотря ни на что—оставалось от него у всех.

Произошел Октябрьский переворот, и я помню т. Жилина в первых рядах, когда нам были нужны деловые работники, строители новых советских органов на местах. Во время работы Московского Областного Исполнительного Комитета, строившего советскую организацию во всей Московской области, тов. Жилин был нашим областным комиссаром финансов, и в самых трудных условиях вел эту работу.

Самым сложным вопросом был тогда вопрос о выдаче денег из банков для финансирования промышленности, переходившей в руки рабочих. Знание и добросовестность тов. Жилина много помогли в этом деле.

Наступает время гражданской войны и тов. Жилин, несмотря на плохое здоровье, несмотря на возраст, идет на фронт.

Когда в 8-й армии собираются некоторые из бывших работников Московской области, тов. Жилин работает среди них в качестве заведующего особым отделом,—попрежнему неутомимый, неунывающий, попрежнему чрезвычайно отзывчивый, прекрасный товарищ.

Кончилась гражданская война, и тов. Жилин вернулся в Москву. Я встретил его в университете имени тов. Свердлова, где он сейчас же, не имея ни квартиры, ни даже сносной одежды, взвалил на себя большую организационную работу. Несмотря на всю тяжесть военной работы, тов. Жилин мало изменился, во всем оставаясь верен себе.

Среди других товарищей, которым пришлось вынести на своих плечах всю тяжесть по первоначальному устройству Советского государства, по обороне Советской Республики от белогвардейских нашествий, Жилин выдается своей непреклонностью, выдается тем, что все эти тяжести, измучив его физически и сведя в могилу, не коснулись совсем того, что называется его духом.

Его характер, его настроение остались непоколебимыми. Я не видал его перед смертью, но я думаю, что также не изменили его и последние предсмертные тягости его жизни.

Было еще многое, что отличало тов. Жилина: безупречно искренний человек, удивительно скромный, никогда не делавший никакой карьеры, всегда бравший на себя самую тяжелую и незаметную работу, он умел соединить с этим настойчивость в работе и уменье обращаться с людьми. Я знаю мало людей, которые были бы так глубоко деликатны в отношениях к людям и так хорошо понимали бы характер окружающих людей. Это сближало с тов. Жилиным даже самых сдержанных и необщительных, и я не раз видел, с какой искренней радостью встречали такие люди тов. Жилина.

Тов. Жилин не был каким-нибудь великим деятелем, вождем или крупным государственным человеком; он был рядовым работником, и все эти его личные свойства тем важнее отметить, что у него хватило бы их на несколько человек, и, может быть, делающих дело большего масштаба, чем он.

В памяти всех, кто его встречал за долгие годы его работы в нашем большевистском движении, пусть надолго сохранится образ этого неутомимого работника, всеми силами стремившегося облегчить окружающим его людям всю тяжесть их труда, которую сам он легко и весело переносил.

Пусть все товарищи помнят его таким, каким он оставался всегда, и пусть эта память сохранится, как только можно дольше.

Вл. Максимовский.

IV.

Памяти друга.

Еще один. Один из самых стойких, честных, несгибающихся, одинаково строгий в вопросах партийной этики и личной жизни как к другим, так и к себе. Первый раз встретился я с ним двадцать лет тому назад в Воронеже. Только что складывался большевизм, в колонии «политиков» шла усиленная перегруппировка, и Иван Яковлевич, определившись как большевик, с тех пор до самой смерти нес с честью наше партийное знамя. Потом жизнь раскидала «воронежцев» в разные стороны.

Аресты, высылки, долголетний Нарымский край. После февральского переворота мельком встретились в Москве, и снова в разные стороны. Он работал в Московской организации и в Совете, а потом напряженная работа на фронтах, и только в 1921 году снова встретились на работе в университете имени Свердлова. По внешности уже тогда сильно сдал Иван Яковлевич. Согнулся, высох, трудно было ходить по лестнице. Но вот заговорил, и зазмеились знакомые искорки иронии в глазах, а остроумная тонкая издалека насмешка снова воскресила былой образ.

Надо было послушать рассказы из его богатой опытом партийной и советской работы. Не сгибалась душа старого большевика. Угодничество, комиссародержавие,—все это находило суровый отпор и ядовитую отповедь, и не любили его люди «новой формации» из тех, кто петушком наготове пришел к власти и использует ее, как кормушку с зерном.

Последнее время он работал во Всеобуче и в Московской Контрольной Комиссии, последняя работа как раз и была той, которая наиболее была ему по душе.

Но болезнь не дала возможности работать. Организм, подточенный тюрьмами и ссылками, неустанной нервной работой и вечным горением духа, сломился, наконец, и смерть взяла от нас верного стража партии.

Тяжело сознание, что его уже нет среди нас. Не заискрятся огоньком знакомые глаза, не услышишь знакомого голоса. Что же поддержит нас в этой утрате? Сознание, что его многолетняя партийная работа, пример его личной жизни, не прошли даром.

Сознание, что сотни молодых, сильных Жилиных пришли в ряды партии и понесут далеко наше партийное знамя.

В. Лосев.

V.

Памяти старого друга.

Умер Иван Яковлевич Жилин.

Ушел из жизни еще один из того десятка тысяч членов партии, который является ее цементом, который на протяжении многих лет, действуя в разное время в разных местах, спаивает партию в непобедимое целое единством воли и единством действия.

Еще один...

Иван Яковлевич был одним из тех наших товарищей, которого с полным правом, без всякой натяжки можно назвать ветераном революции. Ему незадолго до смерти исполнилось 51 год, революционную же работу он начал вести с 15-летнего возраста. Его жизнь—типичная жизнь подпольного работника со всеми ее мытарствами и скитаниями. До 1917 года это—обычная для подпольщика эпопея: недолгие месяцы нелегальной работы, тюрьма, ссылка, эмиграция, снова краткая работа в организации и снова тюрьма, ссылка и т. д. Свою революционную деятельность Иван Яковлевич начал в Воронеже в рядах народовольцев, и впервые попал в тюрьму в 1897 году по народовольческому же делу, по которому был сослан в Нолинск, Вятской губ. Уже в ссылке он становится из народника марксистом, а, вернувшись в Воронеж, в 1902 году вступает в Р. С.-Д. Р. П. В рядах этой партии он всегда неизменно был большевиком. Даже в годы войны, живя в ссылке, находясь в состоянии полнейшей оторванности от руководящих центров партии, Иван Яковлевич остается верен революционной линии большевизма: он в рядах тех товарищей, которые выдвигают в ссылке лозунг «война войне». С 1920 года Иван Яковлевич непрерывно работает в партии, не отходя от работы, не разрывая с организацией, чередуя работу с тюрьмой и изгнанием. Эта нелегкая жизнь достаточно рано подтачивает его организм.

Я встретилась с покойным в 1910 году в Москве по возвращении его из Бельгии, где он прожил два года. Мы вместе работали в так называвшейся «активной группе по воссозданию Московской организации», вместе были выданы провокатором и вместе ушли в ссылку в Нарым. И уже тогда я могла убедиться, что большие из'яны сделала жизнь в организме моего друга и товарища: тяжкие приступы ревматизма иногда на недели приковывали его к постели, легкая глухота и многое другое. И тем не менее с Октябрьских дней он развивает такую работу и работает в таких областях, что когда хочешь охарактеризовать эту работу, иного слова, кроме «героизм», не приходит в голову. Да, тот незаметный, тот невидный, будинч-

ный, но упорный героизм негероев, который вынес на своих плечах всю нашу революцию. Старик уже, со многими болезнями, в наиболее трудную минуту гражданской войны Иван Яковлевич уходит в 1918 году на фронт и остается там до 1921 года. Все время на фронте он работает в 8-й армии, ведает особым отделом, затем политотделом. Работает блестяще, неутомимо, вместе с армией проделывает огромные переходы, бывали случаи, что пешком проходили по 60 верст в день.

Когда он рассказывал об этом, я никогда не могла понять, откуда же брал силы этот больной и слабый человек. Иного слова, кроме героизм, не приходило в голову, и иного чувства, кроме чувства какого-то преклонения, не западало в душу.

Последний год перед смертью Иван Яковлевич работал в качестве помощника начальника по политической части во Всевобуче и члена Московской Контрольной Комиссии. На этой работе его захватила болезнь, ныне сведшая его в могилу.

Так работал Иван Яковлевич. И этой его работы одной было бы достаточно, чтобы она являлась памятником ему, ушедшему от нас. Но хочется сказать еще несколько слов о нем, как о партийном товарище и человеке.

Скромность была отличительной чертой Ивана Яковлевича. Никогда не стремился он выделиться, выдвинуться, занять видное место. Он брал работу, какую налагала на него партия и нес ее, отдавая ей все время и все внимание. И в жизни он также старался занять самое маленькое место, был врагом всяких привилегий, неустанно воевал против них. И эта скромность и непритязательность по отношению к себе соединялась с необычайной внимательностью и заботливостью по отношению к товарищам. Все, жившие в ссылке вместе с Иваном Яковлевичем, особенно помнят эту его черту. Но не все умели это разглядывать, ибо эту заботу и внимание он неизменно пересыпал иронией и подтруниванием. Ими он старался завуалировать свое нежное сердце, свои «старушечьи слабости», как он говорил.

Завтра мы хороним Ивана Яковлевича, хороним преданного борца за дело рабочего класса, всю жизнь посвятившего борьбе за его освобождение. Обнажим головы перед его открытой могилой, и склоним перед нею знамена. Он заслужил этот почет.

А мы, его старые соратники, мы вместе с ним опускаем в могилу часть нашей прошлой жизни, часть наших воспоминаний, и больно сжимается сердце, и хочется сказать:

Еще один часовой революции снят с долголетнего поста неумолимой смертью. Замена, есть ли?

Но тут уже просится ответ: замена есть, она идет; новая молодежь, новая интеллигенция растет. Ушедший в могилу товарищ мог бы с облегчением сказать самому себе: легко уми-

1911—1915 г. В Нарымской ссылке, 44 лет.

1919 г.
48 лет на фронте.

1922 г.
50 лет.

И. Я. Жилин.

рать в эту пору, ибо знаешь, что смена готовится, и в своей работе сам содействовал ее подготовке.

11 декабря 1922 года. **В. Яковлева.**

ЖИХАРЕВ ВАЛЕНТИН АНДРИАНОВИЧ.

Тов. Жихарев, бывший прапорщик военного времени, окончил Иркутскую школу прапорщиков в 1916 году. На военную службу был призван из университета. Происходит из семьи трудового интеллигента. Отец его, Андриан Николаевич, был провизором при Раменской больнице, мать—фармацевтка. Тов. Жихарева я знаю с 1915 года, т.-е. с момента приезда из г. Риги в Раменское. Я часто встречал его в парке бывшей княгини Голицыной за книгами (в то время он был учащимся в гимназии), часто также я видел его занимающимся спортом; каковы у него были в то время взгляды на политику, я не знаю.

Жихарев Валентин Андрианович.

Перед призывом меня в армию (в 1916 г.), я однажды встретил тов. Жихарева студентом, а затем в начале 1918 года, когда я прибыл по демобилизации «юным» прапорщиком (без погон) в военкомат Раменского Совета, где он в то время был уже на «работе», и, кажется состоял в партии. Не знаю, какую он исполнял в то время должность (это хорошо знает Е. Е. Климов, который был в то время, если не ошибаюсь, военкомом), но, так как тов. Жихарев регистрировал весь прибывающий по демобилизации из армии комсостав, в том числе и меня—поэтому, можно было судить, что он занимал чисто военную должность.

Когда 6 июня 1918 года прибыл я в Бронницы и здесь застал Жихарева в должности заведующего формированием и обучением при военкомате, затем комендантом города, то тут мне часто приходилось непосредственно видеть его и политическую, и организационную работу.

Нужно сказать, что, как организатор и небольшой военспец, неопытный еще в работе, среди незнакомой ему обстановки и атмосферы, он в первое время особенно сильно себя не проявлял, но стремление все постигнуть, быть максимально полезным партии можно было видеть во всем его поведении, во всем

укладе его личной жизни. У него не было свободной минуты для личной жизни. Всегда приходилось его видеть либо сидящим за протоколами собраний ячейки, либо пишущим что-либо для нами издаваемой в то время уездной газеты, либо за книгами. Часто также, как и всякому из нас, ему приходилось выезжать в волости, то для проведения собраний, то по ликвидации каких-либо недоразумений и даже восстаний.

Во время наступления чехо-словаков, Валентин горит желанием поехать туда, как он выражался, «где я больше нужен и больше полезен», подает заявление в Уком и, получив соответствующее разрешение, едет, но его, как дельного товарища, задерживает губвоенкомат и направляет в Наро-Фоминскую организацию, где мне вскоре и пришлось вновь с ним встретиться и почти год работать совместно.

Прибыв в Наро-Фоминск, тов. Жихарев Укомом был назначен заведующим агитационно-просветительным отделом при увоенкомате и одновременно избран в районный Комитет членом; затем он назначается увоенкомом и избирается членом Исполнительного Комитета; с последних занимаемых должностей он и уехал на фронт.

Работая непосредственно среди красноармейцев, находясь в невероятно тяжелых условиях, он сразу себя и здесь проявляет отдающимся всецело только общественному делу; за внимательное отношение к красноармейцам он приобретает любовь и уважение не только среди последних, но и среди всей организации; это отношение к тов. Жихареву сохранилось в Наро-Фоминске и по сие время,—спросите всякого товарища из этой организации, и он даст вам самый лестный о нем отзыв.

В 1919 году, осенью, когда у нас положение на фронтах было очень неважным, отовсюду наступали белогвардейцы, мы решили с ним ехать на фронт. От нашей партийной организации М. К. потребовал нескольких товарищей, но среди назначенных были многосемейные, решили двоих заменить, но Уком воспротивился из-за отсутствия в организации дельных работников и, в крайнем случае, нам предоставили одно место. Для того, чтобы решить кому же из нас ехать, мы решили прибегнуть к жеребьевке, в результате которой и пришлось поехать Валентину, а мне остаться еще почти год и работать в этой организации. С великой радостью тов. Жихарев вытащил жребий поехать и, не медля ни минуты, как только сдал должность и дела, тотчас же отправился по назначению.

Спустя месяц после того, как тов. Жихарев отправился на фронт, я получил первое и последнее от него письмо из Камышина, в котором он писал, что назначен командиром роты (не помню какой части), которая отправляется под Царицын, между прочим, им была прислана фотографическая карточка

произведенного им снимка сохранившихся в то время виселиц, на которых белогвардейцы вешали рабочих и крестьян.

В 1920 году в феврале, когда я заболел сыпняком, и мне пришлось лежать в Раменской больнице, мне передали, что тов. Жихарев, прибыв еле живым с фронта, лежит больной крупозным воспалением легких в этой же больнице. Не было сил выразить той радости, с которой я принял весть о нахождении вблизи товарища, с которым пришлось продолжительное время работать, решил немедленно его навестить, но был настолько слаб (часто терял сознание), что не в состоянии был сейчас же это сделать, а он вскоре скончался.

Итак, просматривая жизнь тов. Жихарева, мы видим, что он всего себя посвятил интересам трудящихся и партии. Склад характера, весь склад его жизни, с несомненностью показал его честную преданную нам натуру. Несвоевременная смерть вырвала из наших рядов хорошего идейного товарища, порядочно сделавшего для нашей партии и очень многое обещавшего сделать в будущем.

Спи же, дорогой товарищ, Валя, отдавший жизнь свою для блага трудящихся. Мы, ныне живущие, постараемся начатое нами и тобою дело довести до конца.

А. Войцекян.

ЗАКОНОВ.

Октябрь 1918 года. Лишь только отбили натиск чехо-словаков, напирает Деникин с юга. Раздается громовой возглас тов. Троцкого: «Все на Южфронт!». Желающих ехать много... Губкомы выбирают из них лучших. Тов. Законов, член Моссовета, в числе добровольцев направляется на Южфронт. В Козлове я его встретил, познакомился и подружился, чему содействовало наше общее недовольство—почему нас в Козлове Р. В. С. Южфронта держит второй день и не дает назначения. К вечеру мы познакомились с тов. Бош—она приехала за работниками и направляется в Астрахань. На ее вопрос—желаем ли мы ехать в Астрахань и на Кавказ,—Законов и ряд других товарищей ответили: да, едем. На предупреждение, что там работать трудно будет, так как придется ехать на северный Кавказ и будем оторваны от центра России степью в 454 версты, населенной по большей части кочевниками-калмыками,—мы снова ответили—да, едем, если вы считаете, что мы можем принести пользу.

Астрахань. Группа около 30 коммунистов прибыла и через полчаса рассеялась по городу узнать настроение и работу городских учреждений. Тов. Законов поехал со мной в милицию, и к вечеру было доложено о состоянии милиции. Здесь тов. Законов сразу проявил себя. В день провел три собрания, выступая оратором.

Законов.

Вечер. Полутемная комната, мы обсуждаем план дальнейшей работы. Т.т. Бош, Александров остаются в Астрахани с некоторыми другими и организуют из себя политотдел Каспийско-Кавфронта при РВС (во главе которого стоял Шляпников). Законов, узнав, что нужно еще дальше ехать другим товарищам по Северному Кавказу, отказался работать в Астрахани и просил его послать, на Кавказ. 21 человек едет через степь на автомобилях в Святой Крест, оттуда в столицу Сев. Кавказ. Республики—Пятигорск. 7 ноября 1918 г. приехали, и сразу—на митинги. Тов. Законов приветствует от московских рабочих. Его речь слушается внимательно. Страдания московских рабочих от голода заставляют многих проливать слезы сострадания. Приехали, и сразу—в бой; тов. Законов снова отказывается остаться в Пятигорске и просится у тов. Карро, комиссара XI-й армии, о назначении со мной в Таманскую армию. Отказ. Встречаю тов. Законова, он печален. Почему? — Как же, я ехал на позиции, а меня назначают заведующим какого-то отдела, и здесь. Иди, дорогой, попроси, вернее докажи, что я больше принесу пользы с тобой на фронте. Если не с тобой, то все же на фронт-позиции.—Тов. Законов едет со мной помкомиссара Таманской армии.

Работы было много: первое—ликвидация измены командующего вооруженными силами Северного Кавказа Сорокина, расстрелянного за несколько дней до нашего приезда, по постановлению Чрезвычайного С'езда Советов, собравшегося не в столице, ибо она была в руках изменников Сорокина и К°, а в станице Невиномысской. Второе—армия разута, раздета, без оружия и патронов, а на дворе осень. Третье—партизанщина среди командования, и нет надлежащего центра, если есть, низы не верят, ввиду измены Сорокина. Вообще, работы просто по горло. Массы изверились в некоторых «вождях» Кавказа. Нужно всколыхнуть и подтянуть. Подтягивание комсостава я взял на себя, а всколыхнуть массы поручил тов. Законову и не ошибся. Он буквально день и ночь проводил на митингах и собраниях, зажигая массы своей горячностью. Голод в Москве, пребывание на позиции в империалистическую войну надорвали его силы. Он, приходя ко мне в 4—5 часов утра на доклад или со своей работы по газете, был в жару. От врача отказывался—«некогда, вот армию реорганизуем, тогда уж полечусь». Все же врач его освидетельствовал, нашел «испанку» и предложил 2-хнедельный отпуск. Но разве можно т. Законова было заставить подчиниться? Он снова по грязи, промокши под дождем, летел по позициям или около них, проводя собрания. На мое замаскированное предложение поехать на конференцию в Пятигорск—категорический отказ. Увещания и просьбы также не действовали. Тов. Законов был факел агитации, зажигающий массы, таким он и сгорел. Спустя месяц

заразился тифом, не вынес, и умер в вагоне уже в момент отступления. Похороны героя были не по его заслугам. Под звуки пуль наседающего в 10 раз сильнейшего неприятеля, без оркестра, в присутствии местных крестьян мы зарыли т. Законова около станицы Червленная на бугре; один красноармеец-казак 40—45 лет, случайно присутствовавший на похоронах, сказал: «побольше бы Законовых, да пораньше приехали бы вы сюда, тогда не пришлось бы отступать 100 тысячной армии через калмыцкие астраханские степи», где заболело около 60% всей армии.

В 1920 году я снова посетил Червленную, и на мой вопрос одному односельчанину,—как могила тов. Законова,—он ответил: белые его труп вырыли и бросили куда-то в канаву. Крестьяне-иногородцы украдкой закопали его на кладбище. На могилке его росло свеже-посаженное деревцо. Заботливая рука девушки, бывшей около него до смерти, посадила на могилке несколько кустов цветов.

В. Г. Киселев.

ЗДАНЕВИЧ ВЛАДИМИР ПРОХОРОВИЧ (Артем Кубанец).

I.

Владимир Прохорович родился в 1893 году в семье священника на ст. Шапсушской, Кубанской области. С 7-ми лет начал он учиться и затем был определен отцом в духовную семинарию.

Но жизнь и учение в семинарии оттолкнули молодого В. П. от церкви и вместе с тем от религии. Он начинает ненавидеть попов и их басни и, окончив четыре класса семинарии, вопреки воле отца, поступает на юридический факультет Варшавского университета. Пробыв здесь год, он в 1913 году переходит на экономическое отделение Московского коммерческого института.

Здесь в конце последнего учебного года его застает Октябрьская революция.

Зданевич Владимир Прохорович.

Еще со времени февральской революции он начинает работать в общественных организациях: в земсоюзе, в земгоре, в союзе общественных организаций по снабжению бельем армии.

На этот последний союз работало более десятка тысяч московских работников, их эксплоатировали, ими помыкали кадеты и их прислужники эс-эры, направлявшие всеми делами союза.

Рабочие и работницы повели экономическую борьбу с правлением союза, и тут на долю Владимира Прохоровича выпала большая работа, он разоблачает перед работницами позорное паденне эсеров, и работницы избирают Владимира Прохоровича, как большевика (хотя он в партии тогда не состоял) в правление союза.

Здесь Владимир Прохорович повел борьбу с кадетами и эсерами, вел он ее успешно, и дело кончилось тем, что кадетско-эсеровское правление было распущено.

После Октябрьской революции Владимир Прохорович работает помощником комиссара в одном из Московских банков, служащие которого проводили саботаж. Владимир Прохорович организует красный союз банковских служащих и избирается ими в правление Московского отдела союза.

30 января 1918 года Владимир Прохорович вступает в Р. К. П. Вскоре он избирается в Сов. Раб. Деп. городского района Москвы, в Московский Совет профсоюзов, членом президиума Замоскворецкого Комитета РКП и т. д.

Затем он раз'езжает с экспедициями ВЦИК'а по центральным губерниям России, где ведет усиленную и плодотворную работу среди крестьянства.

В это время Деникин напирал на южном фронте. Владимира Прохоровича потянуло на фронт. По его усиленной просьбе его посылают на южфронт. Здесь он сначала работает в особом отделе, затем переходит в 33 Кубанскую дивизию, где редактирует газету. И уже тогда эта дивизионная газета ведется примерно, заполняется красноармейскими письмами, бойцы ее любят, газета популярна.

Поарм 8 отзывает тов. Зданевича в поарм и там он становится членом ред. кол. газеты 8-й армии. Здесь он работает до сформирования 1-й конной армии, и, когда в Воронеже формируется типография поконарма, тов. Зданевич переходит в поконарм и становится сначала помредактором, а затем редактором «Красного Кавалериста».

Здесь развертывается журналистская работа Владимира Прохоровича. Почти из ничего тов. Зданевич создает тот «Красный Кавалерист», о котором бойцы говорили только, как о «любимой, дорогой, милой газете». Бойцы любят газету и любят ее редактора и, когда на станции в прифронтовой полосе они видят поезд «Красного Кавалериста», заходят поговорить с тов. Зданевичем. Говорят о белых, о родной Кубани, делятся наболевшими вопросами, и в конце-концов, по настоянию тов. Зданевича, бойцы пишут «письма в редакцию».

Владимир Прохорович руководит «Красным Кавалеристом» и издательством поконарма на южном, кавказском, польском и врангелевском фронтах. Когда конармия идет в Екатеринославщину, тов. Зданевич, после долгих хлопот, уезжает в Москву. Здесь он работает в «своем» Замоскворецком Комитете РКП агитатором, ежедневно бывает на нескольких рабочих митингах, где пользуется популярностью и ведет непримиримую борьбу с меньшевиками. Он очень занят, но все же находит время на то, чтобы постоянно сотрудничать в отделах рабочей и партийной жизни газеты «Правда» и «Ком. Труд».

Он журналист, пропагандист и агитатор.

Летом 1921 года Владимир Прохорович едет из Москвы в отпуск по болезни на Кубань. Дома он не был несколько лет, однако, приехав на Кубань, он не едет к отцу, ибо его отец поп, и Владимир Прохорович поэтому не хочет встречаться с ним.

Возвращаясь из отпуска, тов. Зданевич в Ростове (пользуясь стоянкой поезда) отправляется в ПУСКВО и Реввоенсовет, чтобы узнать о положении армии и газеты.

Товарища Зданевича просят вернуться снова в родную армию, редактировать «его» газету.

И несмотря на вредность ростовского климата для больного туберкулезом, Владимир Прохорович остается в Ростове.

Здесь он редактирует «За мир и труд», выходящий вместо «Красного Кавалериста», и в короткое время делает ее образцовой красноармейской газетой. Все свои силы он отдает газете, работает с упоением, заражает своей работой и энергией всех сотрудников газеты, одна у него забота—газета. И она совершенствуется и делается любимым другом и товарищем красноармейца. В этом заслуга тов. Зданевича. Он приблизил газету к бойцу, каждую строку красноармейского письма не оставляя без ответа, и бойцы творили газету под руководством Владимира Прохоровича.

Но, работая без отдыха, Владимир Прохорович теряет свои силы. Он давно был болен. Еще будучи студентом. А на газете, на журналистской работе, он еще более ухудшает свое здоровье—такова уже участь журналистов.

В Ростове он часто болеет, но его энергия не слабеет. Нередко, лежа в постели, редактирует газету, и, как только поправляется, так сразу же и погружается в работу.

Но организм не выдержал. В апреле Владимир Прохорович слег и уже больше не вставал.

Туберкулез быстро разрушал легкие.

Владимир Прохорович продолжает руководить газетой, но уже не пишет, не редактирует—нет силы.

Болезнь усиливается. Идет кровь горлом. В последней стадии чахотки, после сильных кровоизлияний, его отправляют в Кисловодск.

Оттуда через некоторое время начинают поступать радостные вести: тов. Зданевич поправляется.

И вдруг 29-го получается телеграмма: Владимир Прохорович скончался.

Его не стало. Туберкулез вырвал его из наших рядов. Как боец, погибающий от пули, так он—журналист, погиб от туберкулеза—постоянного смертельного врага журналистов.

Владимир Прохорович был стойким, неутомимым, настойчивым работником-коммунистом.

Журналистика и другая партийная работа были содержанием его жизни с начала революции.

Работа кипела у него в руках, но он сгорел на работе. И нет Владимира Прохоровича, нет тов. Зданевича, нет Артема Кубанца, который отдал жизнь революции, партии, Красной Армии.

Его нет, но созданная им газета живет. Она—его памятник, его детище, часть его самого.

Б. Н.

II.

Памяти тов. Зданевича.

Узнав о смерти горячо-любимого тов. Зданевича, выражаем свое искреннее сожаление о безвременной кончине неутомимого работника.

Тов. Зданевич научил всех нас ценить и уважать печатное слово. Он связал всю армию через нашу газету.

Вечная память честному борцу с темнотой и невежеством.

Артиллеристы Чонгарцы.

III.

На смерть журналиста-буденовца Вл. Зданевича (Артем Кубанец).

Экспромт, прочитанный на торжественных похоронах 30 июня 1922 г.

Собрат по перу, наш редактор любимый,
Сознательный, честный, идейный боец,
Ты стойко работал, недугом томимый.
И вот от чахотки нашел ты конец.
Буденовец духом, ты создал газету,
Которую все мы любили читать;
Всю жизнь ты боролся за знамя Совета,
За красноармейцев могучую рать.
Худой, изможденный питанием скудным,
В поношенном платье, в плохих сапогах.
Ты кашлял давно... Но постом своим трудным
Ты так дорожил, сам бывая в боях...

Когда с Конной Армией в распре гражданской
Мы были в походах, ты нас ободрял.
В буденовцах дух закалял ты спартанский
И к славным победам настойчиво звал.
Сломили мы всех... Нет барона, где Польша...
Но долг журналиста тобой не забыт...
Для схваток с врагом ты не звал уж нас больше,
Но с чуткостью вникнул в буденовца быт.
«За Мир и за Труд» был призыв твой набатный,
В нем каждый мог отклик на нужды найти,
Нам дорог язык твой простой и понятный
Мы ценим Артема—кубанца статьи.
Мне помнится... ночью и днем в кабинете
Ты кашлял... Но твердо стоял на посту...
Все лучшие силы ты отдал газете,
Картинки и факты ловя на-лету.
Немного у нас журналистов военных,
Подобных тебе мы не скоро найдем,
Но смысл не забыв твоих строк вдохновенных,
Мы вслед за тобой так же стойко пойдем.
Твой труд дал плоды, он удвоил нам силы
И Армии Конной он дорог всегда.
Склонимся же все перед свежей могилой,
У скорбного праха героя труда.
Пусть эти венки, дар соратников скромный,
Безмолвную повесть расскажут живым,
Какой совершен тобой подвиг огромный,
Как сделано много талантом твоим.
Спи с миром, товарищ наш чуткий и честный,
Безвременно рано от нас ты ушел;
Клянусь, как собрат по работе совместной,
Быть верным путям, по которым ты шел.

Сотр. газ. „За Мир и за Труд“ политработник Повтор.-Кавал. курсов Чонгарской дивизии I Конной Армии

Д. Самарский.

ИВАНОВ ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ.

Григория Ивановича я знаю с малолетства, мне пришлось в одной из мастерских по часовому делу работать учеником у него «под рукой». Это было в гор. Звенигороде, Моск. губ.

Имея большую семью, Григорий Иванович жил очень плохо, вечно в одном пиджачишке с плисовым воротником, бывало, бежит, торопится, за что получил прозвище: «Гриша живой». Это был один из примерных товарищей, который «резал» правду-матку прямо в глаза хозяину.

Калнин Оскар Юльевич.

К биографии, помещенной в вып. первом „Бр. Могилы“, стр. 82.

Я не любил этих пауков, выходивших часто из рабочей среды, и был очень доволен, когда Гриша начинал их «чистить». Но вот в наше захолустье проник светлый луч. Хорошо не помню,—в 1912—1913 году, к нам заявился юноша Павлов (ныне секретарь МГСПС), который предложил организовать нам подрайон профсоюза «золото-серебренников». И во главе этой организации, в то время, подпольной, оказался «Гриша живой».

По оврагам и лесам он созывает общие собрания часовщиков, говорит им незатейливые речи, призывает к сплочению.

За два года до революции я потерял из вида Григория Ивановича, он в это время жил в Волоколамском уезде, работая в одной из мастерских в Яропольце. Разразилась революция, и Григорий Иванович появляется в своем родном Звенигороде, где принимает горячее участие в движении.

Избираются комитеты «Бедноты», и Григорий Иванович встает председателем уездного Комитета бедноты.

Слабый здоровьем, но энергичный, он весь отдается этой работе, являясь истинным защитником беднейшего крестьянства. Дальше Григорий Иванович работает в уисполкоме в качестве заведующего У. С. Н. Х., но силы и здоровье его совсем расшатались, и его парторганизация направляет на работу в волость, где он до конца своих дней работает в качестве заведующего волземотделом.

Смерть настигает его почти на посту. Немного поболев, Григорий Иванович умер в октябре 1921 года, после него остались жена и дети.

Панкратов.

К.

КАРМАНОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ.

Карманов, Николай Андреевич—уроженец Ярославской губ., Угличского уезда, Заозерской вол., дер. Федяковой. Окончив церковно-приходскую школу, тов. Карманов поступает учеником-обмотчиком на завод «Динамо». Проработав учеником три года, он в 1915 году остался на заводе в качестве самостоятельного обмотчика. Тов. Карманов, будучи беспартийным, принимал активное участие в Октябрьской революции. После Октября он

Карманов Николай Андреевич.

выдвигается рабочими в члены заводской расценочной комиссии, заведывал рабочей столовой. В 1919 году тов. Карманов вступает в ряды Р. К. П. (б.).

1 сентября 1919 г. тов. Карманов по партийной мобилизации отправляется на южный фронт, где еще не был ликвидирован Мамонтовский прорыв. Во время бандитского восстания—24 сентября 1919 г.—тов. Карманов был убит на 22-м году жизни.

(Сб. «Динамо», стр. 90).

КАРПУЗИ ПЕЛАГЕЯ СЕРГЕЕВНА.

Пелагея Сергеевна Карпузи, урожденная Мокроусова, родилась в гор. Елисаветграде в 1870 году.

Отец ее был украинец, мать происходила из семьи закоренелых раскольников. Рано лишившись отца, она испытала в детстве в своей семье нужду и горести. Семья состояла из больной матери, младшей сестры Марии и двух младших братьев—Павла и Василия. Василий Мокроусов впоследствии принимал участие в революционном движении, был арестован в Саратове в 1906 г. и отбыл 10 лет каторги.

Пелагея Сергеевна поступила в 1879 году в Елисаветградскую гимназию; в старших классах принимала участие в гимназическом кружке, воспитываясь на социалистической литературе того времени. Кончила гимназию в 1889 году. После окончания гимназии учительствовала в сельской школе недалеко от Елисаветграда. Но работа ее не удовлетворяла, хотелось еще поучиться, и вот в 1893 году ей удается перебраться в Москву и поступить на курсы. Здесь она встретилась с первым марксистским кружком, ведущим в Москве систематическую работу среди рабочих. Марксистская организация в Москве, возглавляемая Мицкевичем, Винокуровым. Мандельштамом, Калафати, Давыдовым видела ее работавшей в своих рядах. Рабочие марксистской организации Бойе, Хазецкий, Поляков и многие другие ее близко знали, знали и в частной личной жизни, посещая ее, заставали за книгами, за работой изучения рабочего движения. Она всегда с большим радушием встречала пришедшего рабочего и с глубоким товарищеским чувством относилась к нему. Эти посещения были и отдыхом, и пополнением новыми духовными силами и бодростью для борьбы. Рабочие знали ее жизнь стоика и аскета в своем обиходе. Этот аскетизм, проявляемый, между прочим, в строгом вегетарианстве, стоил ей не мало в ущерб здоровью. Одно время она стремилась поступить на фабрику работницей, но советы товарищей отклонили ее от этого. Она уже тогда была больна сердцем, товарищи это знали и оберегали ее от тяжелой работы на фабрике. Ее знали фабричные работницы Прохоровской мануфактуры, она занималась с ними в воскресной Прохоровской школе.

Карпузи Пелагея Сергеевна.

Двухгодичная работа Пелагеи Сергеевны в Москве состояла в исполнении различных поручений центральной организации. Она переписывала на машинке нелегальную литературу для размножения на гектографе или мимеографе, расклеивала прокламации, была в тесной связи с рабочей организацией, принимала участие на еженедельных собраниях центрального рабочего кружка у Бойс и Хазецкого, принимала участие на более широких собраниях рабочих, как на встрече нового 1895 года в Замоскворечье, на собрании на Воробьевых горах, в Сокольниках, на маевке 1-го мая 1895 года и на других, происходивших часто весною 1895 года. 12 июня 1895 года она вместе с многими другими была арестована. Помещена была в Пугачевскую башню Бутырской тюрьмы, в одиночке она пробыла до февраля 1897 года. В этом периоде она могла быть выпущена на поруки, но решительно отклоняла всякие льготы для себя и не примирялась с мыслью выйти на свободу ранее своих товарищей.

С жандармами держала себя с высоким достоинством и не дала ни одного показания при допросах, что подтверждают оставшиеся материалы по делу. Была выслана со своим мужем и другими товарищами в Архангельск на три года. Отбыв ссылку *), переехала в Саратов, затем в Баку, затем в Красноводск, а в 1906 году в конце концов, с мужем и тремя детьми поселилась на Кубани в гор. Темрюке. Тюрьма, ссылка и мытарства окончательно разрушили ее здоровье, обострив болезнь сердца. В Темрюке по приезде открыла книжную лавку партийной литературы, но политическая реакция отняла эту работу, болезнь окончательно доконала ее, и в 1908 году, 12 февраля, она умерла. Сама смерть ее поразила врача своей стоической твердостью, показавшей, что она была не заурядным человеком. Детям своим она передала свою душу. В социализме она вспеленала их и воспитала до отрочества.

Старший Сергей, студент Московского технического института, 21 года погиб на противо-колчаковском фронте и похоронен в Челябинске 13 ноября 1919 года.

Владимир—студент Московского университета, 19 лет погиб на Кавказском фронте, был командиром броневика № 2, оперировавшего в районе Владикавказа. Оба сына ее погибли, сражаясь за социальную революцию, за то, что было душою их матери.

Третий ее сын, Дмитрий, был в большевистских отрядах на Кубани, ныне член РКП и студент Петровско-Разумовской академии.

---

*) После ссылки, т. е. с 5 февраля 1900 г. ей было воспрещено полицией проживать в обеих столицах и некоторых других больших городах России без срока, а в Московской губ. в течение 2-х лет, т. е. до 5 февраля 1902 г.—в продолжение которого подлежала тайному надзору полиции (Дело № 195-1895 г. М. Ист. Рев. Архив). Е. Л.

Так жила и умерла одна из лучших товарищей-друзей рабочего класса. Тяжело, что ей не пришлось дожить до настоящего времени и увидеть великие достижения своих идей, своих чаяний, счастья—великого дня освобождения пролетариата.

Андрей Карпузи.

КВАШНЕВ А. Я.

В конце июля 1920 года коммунистический универститет имени Свердлова получил через вернувшегося товарища с фронта печальное известие о гибели в бою на западном фронте одного из лучших своих сынов—тов. А. Я. Квашнева.

Многие из товарищей по общежитию и студенческой скамье еще так живо помнят его образ. Сын крестьянина одной из волжских губерний, еще такой молодой, увлекающийся, с вечной жаждой знаний и более широкой кипучей деятельности, он вступил в семью пролетарского университета.

Еще весной когда на Украине со стороны белогвардейцев были первые попытки к срыву налаживавшихся одно время мирных переговоров, Квашнев несколько раз порывался ехать на фронт, но не был отпущен...

И вот, два месяца тому назад, по первому призыву Ц. К. партии он одним из первых становится в ряды ста человек, отправляющихся из университета, и едет на западный фронт.

Его не стало. Он пал геройской смертью, в последние минуты своей жизни ободряя словами и личным примером окружающих.

Он сознательно, с глубокой верой в неизбежную победу трудящихся, которую еще более укрепило в нем пребывание в университете,—отдал свою жизнь за освобождение и лучшее будущее пролетариата всего мира.

И как ни тяжела утрата, особенно для близко знавших его, все же не место и не время сейчас унынию. Пусть воспоминание о нем, его образ возбудят еще большую ненависть в нас к мировому империализму, в последнем безумном напряжении своем вырывающему из наших рядов все новые и новые жертвы.

В такой момент еще теснее и крепче сомкнем мы свои ряды для самоотверженной работы, поддержки и укрепления фронта.

Вот то, чем лучше всего мы можем почтить память погибшего за общее нам дело товарища.

Группа студентов Комм. У-та им. Свердлова.

(«Комм. Труд» 1920 г., 25/VII, № 104).

КИРИЛЛОВ ВАСИЛИЙ КИРИЛЛОВИЧ.

Василий Кириллович Кириллов с первых же дней революции вступил в ряды Р. К. П. ячейки Люберецкого завода при ст. Люберцы, Московского уезда и в дни Октябрьских событий 1917 года, вместе с другими красногвардейцами завода, отправился на баррикады г. Москвы.

Будучи в отряде в боевой линии у городской управы, он вместе с другими участвовал в наступлении в передовой цепи на засевших в Манеже студентов и юнкеров. Выехавший броневик противника отбил наступление, и вместе с тем, сразил своим огнем В. К. Кириллова.

Он умер 12-го ноября от разрывной пули противника на своем посту, как рабочий, отдавший все, что имел, и похоронен в селе Люберцах под памятником «Свобода».

Свою работу В. К. Кириллов начал с 13-ти лет, поступив в гор. Богородске на фабрику Шибаева, где и проработал до 1913 года. С 1913 года он перешел на Люберецкий завод, где и работал токарем до Октябрьских дней 1917 года.

Миритеев.

КОБЗЕВ ДМИТРИЙ КИРИЛЛОВИЧ.

Выходец из мелких крестьян *), тов. Кобзев родился в 1864 г. Бедность выпнала его с 12-летнего возраста на заработки в Москву, где он поступает к хозяйчику по архитектурно-строительным работам и где, проработав всего три года, испробовал все прелести пролетарского ученичества, получая ежедневно шлепки и подзатыльники. Один раз, рассказывал тов. Кобзев, хозяйка заставила меня вынести помои; окоренок был большой, неся его на помойку мимо полисадника, где гуляли хозяйские дети, я споткнулся, упал и облил хозяйских детишек, один из них, старший, пожаловался. Мать его отодрала меня за уши и дала несколько подзатыльников, по уходе матери я не вытерпел такой обиды и избил барчука до синяков и красных носовых течений, за что еще

Кобзев Дмитрий Кириллович.

*) Тульской губернии, Веневскаго уезда. (Дело № 2389-907 г. Ист.-Рев. Архив).

Е. Л.

сам получил большую порцию подзатыльников и был вышвырнут на улицу. 15-ти лет поступил в строительный отдел Мюр-Мерилиза, в 1902 году вступил членом в профсоюз, активно участвуя в нем. В 1905 году вступил в партию большевиков, активно принимал участие в политической и профессиональной работах, как массовик *).

В 1912 году, в момент приезда царя в Москву, тов. Кобзев с'агитировал рабочих и мастеровых, сделали экономическую забастовку, за что тов. Кобзев был арестован, но за неимением должных улик, отпущен был под надзор полиции. Тов. Кобзева я встречал на маевках и массовках с 1909 года.

В 1913 году тов. Кобзев принимает активное участие в кооперативной работе в Черкизове в Преображенском обществе как член правления. Полиция делала несколько раз у него обыски, и арестовывала. В февральскую революцию т. Кобзев был членом Моссовета и гласным 8-й Преображенской районной Думы, а также членом Исполкома Благуше-Лефортовского Совета, заведывал продовольственным отделом. В Октябрьскую революцию был назначен М. К. РКП 1-м комиссаром Черкизова, был членом райкома, и все время работал на ответственных должностях.

Во время подступов белых к Красной Горке тов. Кобзев тогда уже 54-х лет, весь седой, ездил с тов. Троцким, ободряя и воодушевляя молодых товарищей личным примером самоотверженности. С возвращением в Москву, тов. Кобзев работает членом коллегии в Благуше-Лефортовском Исполбюро, а по расформировании таковых М. К. РКП, был послан для кооперативной работы в Мосгубсоюз, был помощником заведующего пищевого отдела, членом правления кооператива сотрудников, членом бюро ячейки, прикреплен был к гужпарку, откуда был выбран в Моссовет. Тов. Кобзев всю жизнь был верен, стоек, честен в своей работе. Здоровье тов. Кобзева было исполинское, но тиф свалил его в три дня. Он умер 5 мая 1922 года. Пусть молодые товарищи прочтут о нем, задумаются, заменят выбывшего из нашего строя неоцененного борца.

П. Климанов.

---

*) 13 июня 1907 г. у него в кв. и у конторщика М. Мюр. Курочкина были обыски по подозр. в хранении оружия, но ничего найдено не было. (Дело № 2389-07. Ист. Р. Архив).

Сост. кн. Е. Л.

КОЛОНЦОВ.

I.

В конце мая 1919 года, по постановлению ячейки вагонно-строительного завода в Мытищах, я с тов. Колонцовым были мобилизованы на фронт и, по распоряжению политотдела Южного фронта, находившегося тогда в гор. Козлове, нас, членов Московской организации в количестве 20 человек, как ответственных работников, назначили в XIII армию. По дороге в армию мы попали в страшно затруднительное положение: железнодорожные спецы всячески препятствовали следованию нашего вагона к месту назначения. И только благодаря случаю и энергии тов. Колонцова нам удалось тронуться в дальнейший путь—проходил поезд тов. Троцкого, к которому, по его приказанию, и был прицеплен наш вагон. Но вот мы, наконец, добрались до Старого Оскола, где в то время находился политотдел XIII армии, который нас, как инструкторов-организаторов, направляет в 19 полк, откуда вскоре я был отозван, а тов. Колонцов остался, как политработник, и в скором же времени завоевал симпатии среди т.т. красноармейцев. За хорошее отношение к делу его назначают комиссаром батальона. В бою тов. Колонцов постоянно стремился быть впереди красноармейцев, и если предстояла опасная разведка, или трудное поручение, во главе его всегда стоял тов. Колонцов, а потому за свою храбрость и преданность коммунизму был любим всеми.

Последний раз я с ним встретился при отступлении армии от Курска. Потрепанный в бою, но бодрый, с жалкими остатками (около 70 человек) своего полка, он был отрезан противником и, делясь со мною мыслями о создавшихся условиях, сказал: «положение полка отчаянное, и мне кажется, что я скоро погибну, но, что бы ни случилось, я останусь верен партии, пославшей меня».

Здесь мы расстались и, кажется, навсегда, так как мне не удалось больше быть в его полку.

Венц.

II.

П. Колонцов, будучи рабочим вагонно-строительного завода в Мытищах, проявил себя в начале революции 1917 года, как революционер, об'единяя рабочих завода в их борьбе против монархистов-администраторов, как, например, секретаря «союза русского народа», механика завода Валикова.

В боях Октябрьской революции тов. Колонцов принимал горячее участие по организации отрядов Красной Гвардии, в

то же время состоял членом волостного Совета. В 1919 году был мобилизован ком'ячейкой на фронт. По справкам выяснилось, что, будучи окружен и взят в плен неприятелем, во время допроса вынужден был покончить с собой двумя выстрелами из револьвера. Остались жена и ребенок.

Прудников.

КОТЛЯРЕНКО НИНА ДИМИТРИЕВНА.

20 января 1911 года мы опустили в могилу на далекой чужбине, вдали от родного дела и родины, после 5 месяцев тяжелой болезни, после серьезной операции, тов. Нину Димитриевну Котляренко (урожд. Арбатскую). Еще одним борцом, рядовым работником революции, меньше стало. Еще одна безвременная жертва.

Тов. Нина вступила в ряды РС-ДРП в начале 1905 года, находясь на Московско-Казанской жел. дор., и с тех пор не покидала революционной работы, принимая энергичное участие во всех выступлениях Казанской жел. дор. Она участвует во всех трех забастовках (февраль, октябрь, декабрь) и все время состоит членом стачечного комитета, как делегат от своего отдела.

В октябре 1905 года она делегируется своим отделом в Московский стачечный комитет.

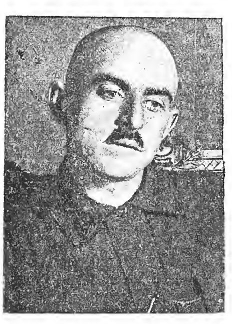
После декабрьского восстания тов. Нине, уволенной с Казанской дороги, пришлось переменить характер своей революционной работы, и в 1906 году она работает в качестве помощника секретаря Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.), а потом переходит в железнодорожный район Московского узла и становится секретарем железнодорожного района. В октябре 1906 года она выходит из рядов «действующей армии» нашей партии и переезжает в Западную Европу. И здесь, заграницей, она оказывает посильную помощь партийной работе, эмигрантам, пока начавшаяся тяжелая болезнь не приковала ее к постели.

Мир праху твоему, дорогой товарищ. На могиле ее было сказано всего лишь несколько слов: «Это был, товарищи, хороший человек и маленький винтик в революции». Да, это был один из маленьких «винтиков», которые соорудили громадное здание и революцию 1905 года. Мир праху твоему, дорогой товарищ! По твоему пути идут новые работники, новые «винтики», которые расшатают проклятое самодержавие так, что оно рухнет и тогда на дорогой родине, в родной Москве, в свободной России мы помянем новым делом имя и дела твои.

(«Соц.-Демократ», 13/26 января 1911 г., № 19—20).

КУЛИКОВ ПЕТР АФАНАСЬЕВИЧ (П. Ильинов).

Тов. Куликов, член Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) Кронштадтской организации, происходил из крестьян подмосковного села Пушкина, с 15-летнего возраста работал на фабрике Пушкинского района, исполняя в силу нужды всякого рода работу чернорабочего. Тов. Куликов, сын крестьянина-бедняка, будучи еще 17—18-летним парнем, в 1905 году состоял ткачем суконной фабрики бывш. «Арманд» в том же Пушкине, и впервые втягивается при помощи своего дяди, тоже Куликова, в революционный кружок фабрики. За участие в стачке был арестован как несовершеннолетний, после содержания под стражей освобожден, но предварительноиспорот царскими слугами-жандармами. Кружок провалился, и многие члены его после ареста поплатились ссылкой, тюрьмой, поркой, в том числе был и дядя Куликова, который получил за организацию стачки по Пушкинскому району пожизненное поселение в Сибирь и там, за попытку к бегству, был повешен. В 1909 году по призыву в армию тов. Куликов попадает на службу во флот на судно «Заря Свободы», в то время «Александр II», где и начинает таковую матросом. Пытливость ума и его общее развитие обращают на себя внимание офицерства. Он был переведен в хозяйственную часть. Будучи нестроевым, тов. Куликов пользовался большей свободой, чем остальная масса матросов, он заводит связь с матросами других судов, входит в круг матросов-революционеров. Дисциплина во флоте была суровая, и порой зверски-жестокая. Офицерство, проклятое дворянство, не считалось ни с какой человечностью по отношению к матросам, были случаи бесцеременного отношения к матросам, как к скотине, и вот тут тов. Куликов имел смелость и мужество хладнокровно, спокойно и четко говорить офицеру правду в глаза, отстаивая того и другого сотоварища по команде. В таких случаях нес дисциплинарное наказание, но среди матросов пользовался популярностью и симпатией.

Куликов Петр Афанасьевич.

Тов. Куликов устраивал в укромных местах судна собеседования по волнующим матросов вопросам, раздавал полу-

чаемую им социалистическую литературу. После одного из таковых собеседований, весной 1912 г., он был выдан фельдфебелем провокатором, был произведен у него обыск, найдены брошюры, листовки. Обыском руководил фельдфебель-провокатор и тогда, когда было найдено то, что нужно, и когда Куликову терять уже было нечего, он одним ловким ударом скамейки по голове сбивает с ног фельдфебеля. Суд. Тов. Куликов получает 4 года арестантских рот. Некоторое время содержался в Кронштадтской крепости, в дальнейшем был направлен в 1-й арестантский батальон в гор. Архангельск, где и находился до осени 1916 года. После отбытия наказания был возвращен под надзор на дисциплинарное судно «Блошивый». Вспыхнула февральская революция, тов. Куликов возвратился на судно тогда уже «Заря Свободы», а не ненавистный «Александр II».

Тов. Куликов в своих пламенных речах, полных энтузиазма и веры в правоту великого дела, призывал матросов к стойкости, к борьбе. Тов. Куликов избирается председателем судового комитета, ведет сложную, трудную работу по революционной обработке матросов, имевшиеся меньшевики бегут с корабля, как крысы. В июльские дни в Петрограде с частью команды участвовал в выступлении, демонстрациях против временного правительства. Позднее, тов. Куликов перед великим красным Октябрем едет, как член балтфлотисполкома, в 12 армию, где заручается поддержкой в борьбе против Керенщины. Красный Октябрь. Тов. Куликов со всей массой матросов судна, совместно с матросами «Аврора» гвоздит по Зимнему дворцу. Одним из первых врывается в таковой, из которого позорно бежали «героини Керенского», женский батальон. Среди них были и золотопогонники и юнкера, часть их была переколота, другие бежали. В дни Октября участвовала и жена Куликова, финка Матильда, которая была ранена в голову. Позднее, тов. Куликов—начальник матросского отряда, участвовал под Гатчиной против Корнилова с тов. Рошалем. В январе 1918 года после 8-летнего отсутствия приезжает в свое родное село Пушкино. Но неусидчивая натура тов. Куликова опять просит работы. Он становится пушкинским волвоенкомом, позднее переводится в Москву уездвоенкомом, и несмотря на ответственную работу и перегруженность ею, ведет и партийную работу инструктора по волостям Московского уезда. В 1919 году по партийной мобилизации был направлен на фронт гражданской войны, куда и сам рвался. Куликов был назначен каменец-подольским губвоенкомом и в г. Литине, при измене 2-й Галической бригады, каковая состояла из пленных галичан, он 27 апреля 1920 года был в числе 28 человек партийных товарищей расстрелян из пулемета белогвардейской сволочью. С ним погиб т. Боголюбский—его друг-матрос, который с ним отправился вместе на фронт.

Расстреляны были внизу оврага, близ мельницы. Спасся один тов. Пятин (начальник политпросвета г. Литина) и, по его словам, «умер тов. Куликов геройски (как говорили сами злодеи), все время подкрепляя малодушных товарищей». Тов. Куликов, как в смерти, так и в жизни, был герой, пламя, призывной набат. Был прямолинеен, тверд, что броня в своих политических убеждениях, были случаи, когда он заражал своей верой в правоту своего дела и своих политических противников. Как-то не может мириться мысль с тем, что его нет.

Его нет, но его не забудут те, кто с ним хоть раз соприкасался, имел хоть какое-нибудь дело, память о нем будет жить в их сердцах.

После тов. Куликова остались его жена—инвалид с двумя детьми. Жизнь ее, насколько мне известно, переплетена горем и страданиями. Нужно дать ей возможность воспитать детей коммунарами. Это будет лучшим памятником для тов. Куликова. О тов. Куликове могли бы дать сведения т.т. Раскольников, Потехин, Сладнов, Коллонтай и многие другие, его знавшие.

Виктор Ловский.

КУПРИН ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ.

Крестьянин Владимирской губернии, Александровского уезда, Константиновской волости, села Прикащицкого, Павел Алексеевич в 1915 году был взят как новобранец и назначен в Черноморский флот. Революционные традиции, свято хранившиеся во флоте, быстро обтесывают паренька в сознательного матроса. Вступил в партию в 1917 году летом и играл в Черноморском флоте заметную роль. В сентябре 1917 года был партийной организацией командирован в Москву для привоза большевистской литературы во флот. В Москву он попал перед самыми Октябрьскими днями, и сразу вступил в ряды Красной Гвардии в Рогожско-Симоновском районе. В Октябрьские дни он сражается под стенами Кремля до сдачи юнкеров. По окончании боев он поступает в новоандроньевский комиссариат милиционером, а затем за мужество и стойкость в борьбе с бандитизмом он получает назначение старшим помощником

Куприн Павел Алексеевич.

комиссара новоандроньевского комиссариата. В 1918 году он, Борисов Н., Федоров В. Ф., братья Селезневы и ряд других товарищей добровольно уехали на восточный фронт в Казань.

По возвращении он снова начал работать на прежнем месте. Тов. Куприн любил боевые дела; стычки с бандитами, разоружение анархистов и т. д.—были его родной стихией. Он был гроза бандитов и имя его они произносили с трепетом. Помер он в 1919 году при невыясненных обстоятельствах.

А. Паршин.

КУХМИСТЕРОВ ЕФИМ.

В воскресенье, 24 сентября, 1922 года, Курская дорога схоронила еще одного из своих старых вождей—Ефима. Покойному было 40 с небольшим лет. В рабочем движении Ефим начал активно участвовать с 1911 года. В то время он, кажется, работал дворником. Я с ним встретился, если не ошибаюсь, в конце 1914 года, когда он от Люблинской ячейки завязывал связь с нашей Брянской ячейкой. Это было на квартире у Феди Попова (слесаря депо Брянско-Московско - Киево - Воронежской ж. д.). Точно не помню, что тогда обсуждалось. Был там Андрей Горбун (умер от тифа), Федя, я и другие. На меня Ефим тогда произвел большое впечатление. Среднего роста, широкоплечий, с огромными ручищами, как и подобает молотобойцу. Он в то время работал молотобойцем на Москве 1-й Курской жел. дор. Он действовал как-то бодро-поднимающе своей спокойной уверенно-кряжистой фигурой. Сам он мало говорил; и когда говорили другие, в неверных местах их мыслей, лишь механически недовольно ворочались его здоровенные усищи. Но если говорил, то словно кувалдой по наковальне: медленно. но верно и крепко. Помню еще много моментов из моей встречи с ним, но не описать их в короткой заметке. Отмечу наиболее яркое. Во время войны у нас создался еще один кружок-отросток от Дорогомиловских вечерних курсов. Вот в этом то кружке раз поставили вопрос о военно-промышленных комитетах. Хотя для нас вопрос и ясен был, и наше отношение (отношение нашей ячейки вместе с Ефимом) подразумевалось как анти-оборонческое, однако, почему же не подебатничать. Говорила длинно и много по этому поводу интеллигенция

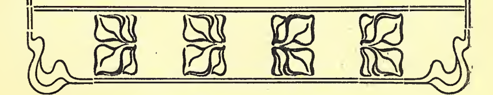
Кухмистеров.

кружка, говорила рабочая часть его, причем она вся почти единодушно держалась отрицательно к обороне и к оборонцам. Ефим молчал, и когда все наговорились—обратились к нему, как-будто бы от него зависело окончательное решение. Со своим низким, с хрипотой голосом, он спокойно-резко, как мне тогда показалось, буквально изрубил в куски все доводы оборонцев. Во всех трудностях подпольной работы он был неизменно крепок и твердо верил в дело освобождения рабочего класса. В 1916 году, вследствие нелегальной жизни, а затем и вскоре ареста, я немного оторвался от него. По выходе из тюрьмы в 1917 году, когда МК создал организационную комиссию по созданию железно-дорожного района из Юрия, Черняк, меня и Зимина—Ефим был одним из активнейших работников по созданию района и в самом районе. В июле 1917 года, по инициативе райкома был заложен фундамент союза мастеровых и рабочих московского железно-дорожного узла в противовес эсеровско-меньшевистско-черносотенным соединениям железнодорожников, тогда уже начавшим свою деятельность до 1-го учредительного (Викжельского) с'езда. Несмотря на все противодействие эсеров и проч. созданию этого союза, удалось созвать учредительное собрание железнодорожников московского узла и выбрать правление из 35 лиц. На первое заседание правления пришло 12 человек. Не было кворума; на второе—6, на третье—4, на четвертое—2: Ефим и я. Президиум все еще не избран. Как и всегда бодрый, Ефим говорит: «Ну что, товарищи, не закрывать же лавочку—давай изберем президиум.»—Давай,—говорю я.—Ты председатель, я секретарь. На другой день в нашем союзе были две души, платящие членские взносы, помимо меня и Ефима. Через месяц—четыре тысячи из 60 слишком тысяч рабочих Московского узла, через 2 месяца, уже к Октябрьским дням—22 тысячи добровольно платящих членские взносы. Союз мастеровых и рабочих сыграл огромную роль в революционном движении на транспорте, и первым его руководителем был Ефим. Затем он ушел в Исполком Московского Совета. В Исполкоме я с ним вместе не работал, но думаю, что товарищи его по Исполкому напишут о его работе там. По мобилизации 500 он был переброшен на Украину, и там в кошмарных материальных условиях, в условиях страшного нервного напряжения борьбы с кишевшими тогда по всей Украине бандитами, его кряжистый организм сдал, и когда в 1921 году мне довелось с ним встретиться в Харькове—я был страшно поражен его видом. Это был скелет с тонкими, а когда-то могучими руками, страшно нервный и беспрерывно кашляющий. Я ему тогда же предложил начать немедленно лечиться, поехать в Москву, но он отказался, говоря, что многие в его положении находятся. В 1922 году в мае, проезжая по инструктированию местных союзных органов по Екатерининской

Лебедев Иван Ксенофонтович.

К биографии, помещенной в выпуске первом „Братской могилы“ на стр. 95.

ж. д.—я нашел его на станции Дольинской уже не работающим, а слегшим в постель и еще более кашлявшим. Снова на мое предложение лечиться он уверял меня, что через 5—6 дней опять будет работать. В августе прошлого года он уже еле дотащился до Москвы. Дорпрофсож его устроил сначала в санатории, а затем в Александровском институте, а в сентябре его уже не стало, хотя, по обыкновению, когда я был у него за неделю до смерти, он все уверял, что месяца через 2 встанет, но, увы,—он умер от туберкулеза буквально всего тела (и горла, и легких, и кишечника). Партия в его лице потеряла крупного кадрового организатора, а транспортный пролетариат глубоко преданного своему классу общественно-развитого самородка, крепко связанного с массами. Во время его приезда в Москву с Украины беспартийные рабочие Москва 1-я Курской ж. д. укоряли его, что он их бросил—ну, а если бы я умер,—отвечал он,—неужели из вас не нашлось бы продолжателей нашего дела—и укорители умолкали, и вот теперь он все-таки умер. Партийные ряды плотнее сомкнутся, продолжая его работу. Беспартийные, не знавшие его, пусть вспомнят эти его последние слова и становятся под то знамя, под которым он боролся почти всю свою трудную рабочую жизнь и под которым умер. У покойного осталась семья в 6 душ, из них один работоспособный.

Георгий (Амосов).

Л.

ЛИБРЕХТ АЛЕКСАНДР ИОСИФОВИЧ.

Александр Иосифович родился 4 января 1878 года. Сын московского купца Иосифа Либрехта и Елизаветы Легри, Александр Иосифович окончил основное отделение частного реального училища К. К. Мазинга в Москве, в которое поступил 23 августа 1895 года.

В ночь на 1-е марта 1901 года он был арестован в числе прочих по делу Московского Комитета с.-д. партии. В квартире у него нашли спрятанные под полом мимеограф, прокламации и рукописи первого номера предполагавшегося к изданию социал-демократического журнала «Рабочее Слово».

8 марта 1901 года его вместе с прочими арестованными, в числе которых были Елизарова А. И., Луначарские, П. В. и Н. В., Ульянова М. И., Муралова С. И. и др., переводят в губернскую тюрьму, в которой держат почти 10 месяцев. Там он заболевает туберкулезом, его переводят в тюремную больницу, а оттуда 22 декабря 1901 года родные увозят в клинику. Но и здесь цепкие руки жандармов не выпускают его: за ним, уже прикованным быстро развивающимся общим туберкулезом к постели, устанавливается особый надзор.

4 января 1902 года по постановлению жандармерии он освобождается под особый надзор полиции г. Москвы, а дело о нем передается московскому прокурору судебной палаты. Но состояние здоровья тов. Либрехта уже таково, что его приходится оставить в клинике. Когда 25 апреля 1902 года тов. Либрехт, наконец, смог выписаться из клиники—ему предлагается с первым отходящим поездом выехать из Москвы. Для спокойствия самодержавия опасен даже при смерти больной революционер.

Он выехал в Сухум-Кале, но живительный воздух Черноморского побережья уже не помог тов. Либрехту. 10 мая 1902 года он умер там от общего туберкулеза.

Так погибла молодая жизнь, ему было только 24 года.

Газета «Искра» так заканчивает некролог о тов. Либрехте: «Тюрьма сломила его силы и здоровье: он вышел из нее обреченным на смерть. Еще одним верным товарищем стало меньше, еще одним именем больше в синодике мучеников русской свободы... пусть же будет ему легка земля, а мы, живые, будем бороться за то дело, за которое он погиб».

(По данн. Ист.-Рев. архива, дело № 131—1901 г.).

ЛУБОЦКИЙ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ („Денис", „Загорский").

Добавление к вып. № 1 „Бр. Могила", стр. 78.

I.

Из встреч с Лубоцким, Владимиром Михайловичем.

Ранней весной 1904 года в нашей большевистской эмигрантской среде в Женеве появился новый товарищ, до такой степени юный по виду, что скорее был похож на мальчика, чем на серьезного эмигранта.

Этим мальчиком-эмигрантом был Володя Лубоцкий, впоследствии известный в партии под именами Дениса и Загорского.

Несмотря на то, что тов. Лубоцкому было тогда не больше 20 лет, а выглядел он лет 16-ти—юнец этот успел уже пройти достаточно суровую школу революционера-борца.

Вступив в ряды Нижегородской организации нашей партии, еще будучи на школьной скамье, Володя Лубоцкий был там вместе с другими арестован на первомайской демонстрации в 1902 году.

Саратовская, Сормовская и Нижегородская демонстрации 1902 года были первыми демонстрациями, арестованные участники которых были привлечены к ответу в судебном порядке.

Этот царский суд поднял волну возмущения в рабочей массе и был широко использован в агитационнных целях нашей нелегальной партийной печатью как заграницей, так и в России.

Товарищи, привлеченные по делу Нижегородской первомайской демонстрации 1902 года—рабочий Михайлов-Зефир, Анна Доброхотова, Владимир Лубоцкий и др., после долгого предварительного заключения были присуждены к лишению всех прав и ссылке на поселение в Енисейскую губернию.

Вот после того, как был проделан весь этот крестный путь тюрем, суда, ссылки и побега, Володя Лубоцкий и явился к нам свежий, пышущий здоровьем, жизнерадостный, скорее похожий на мальчика, чем на эмигранта.

С лета 1904 года не видала тов. Лубоцкого до 1905 года, когда мы встретились с ним в Московской организации, где он работал тогда под именем Дениса.

Насыщенная порохом Москва 1905 года—не мирная Женева, но нелегальный организатор районщик Денис все так же весело поглядывал по сторонам, все так же блистал своим молодым задорным юмором, как женевский Володя.

Тов. Лубоцкого приходилось встречать на работе в Москве и в 1906 году после того, как восстание было раздавлено, но меньше всех склонен к пессимизму Денис, он продолжал все так же бодро, энергично и весело работать над укреплением наших партийных рядов.

Третья моя встреча с тов. Лубоцким произошла только через 12 лет, годы, которые по количеству пережитого могут быть приравнены чуть ли не к столетию, ведь наша встреча произошла после Октября 1917 года—в 1918 году.

Мне тогда пришлось работать по организации и укреплению партийных ячеек в красноармейских частях московского гарнизона, но эта работа, вследствие какой-то организационной несуразицы производилась почему-то от военного комиссариата города Москвы, а не от Московского Комитета нашей партии.

Желая исправить эту несуразицу, я отправилась к секретарю Московского Комитета, которого я до того не видала, а знала лишь, что секретарем М. К. теперь состоит недавно вернувшийся из заграницы старый эмигрант Загорский.

Когда вошла в кабинет секретаря М. К., то увидала перед собою незнакомого, пожилого бритого человека—европейца по внешности, которому стала излагать план организации специального военного отдела при М. К. Тов. этот довольно долго слушал меня, а потом вдруг расхохотался и говорит: «Все это очень хорошо, что вы предлагаете, но почему вы со мною так говорите, как-будто мы с вами незнакомые люди?». И тут меня

сразу осенило, что передо мною Володя Лубоцкий, Денис, а не европеец Загорский.

Впоследствии, когда военный отдел был создан при М. К., и я перешла туда работать, мне приходилось работать в помещении М. К. в Леонтьевском переулке и постоянно иметь дело с Лубоцким-Загорским. Кто запомнил, а не запомнить этого нельзя, как приходилось работать в 1918 и 1919 г.г., тот поймет, какие силы нужны были тогда, чтобы быть секретарем Московского Комитета. Тов. Лубоцкий-Загорский с раннего утра до глубокой ночи проводил в помещении М. К., и несмотря на колоссальное утомление работал весело, как всегда.

Там, в этом помещении М. К., в особняке, в Леонтьевском переулке, в роковой день 25 сентября 1919 года Лубоцкий-Загорский, как будто хотел еще раз пошутить—подобрать брошенную эсерами бомбу и выкинуть ее за окно, но то была его последняя шутка, она стоила ему жизни.

Ц. Бобровская.

II.

Памяти моего учителя.

Я больше не встречал людей, похожих на Владимира Михайловича. А в то же время, я никак не могу сказать, что он был какой-то необыкновенный человек.

Редкое сочетание относительно равномерно развитых духовных его качеств при неисчерпаемой жизнерадостности, составляли его особенность и привлекали к нему почти всех, знавших его.

Впервые я встретился с ним в 1912 году, в Германии, в гор. Лейпциге. В чрезвычайно разношерстной, в своем большинстве буржуазной, русской колонии, он был известен, как «товарищ Загорский», лидер местной эсдекской группы. «Русское», что называется, выпирало из каждого его движения, чем он не только не стеснялся, но даже как будто чуть-чуть гордился. Между тем, как почти вся остальная часть нашей русской колонии отчаянно стремилась вытравить из себя эту «азиатчину», желая во всех мелочах, а как раз это ей больше всего удавалось, быть похожей на европейцев вообще, и на немцев, как их образец, в частности.

Ниже среднего роста, с большим открытым лбом и крупными, резко-вычерченными чертами лица, да еще нижегородский говор, с характерным «оканьем»,—вот с внешней стороны почти все, чем в первое время он для меня был отличен от всей остальной публики.

Наши встречи в течение этого года были настолько редки и случайны, что в памяти не сохранилось ни одного сколь-нибудь серьезного или интересного факта.

Зато следующий, 1913 год, дал ряд моментов, которые надолго, навсегда запечатлелись.

Лейпцигская группа русских учащихся, насчитывавшая в то время около четырех сот человек, должна была отправить на обще-германский с'езд русских студентов свою делегацию. И вот, на этом огромном бурливом собрании, немногочисленная социал-демократическая группа выдерживала бой со всей остальной мещанской, буржуазной частью собрания.

Одним из ярких ораторов, ясно сознававших свою цель и задачи, был Владимир Михайлович, к голосу которого, несмотря на всю нескрываемую враждебность, внимательно прислушивалась аудитория маменькиных сынков, мещанских анархистов из музыкантов, художников и прочей сродной братии. Как раз политические платформы, не совсем резко выраженные, об'ясняли страстность и всю воинственность собрания.

Победа социал-демократической группы на этом собрании была, правда, не велика, но для очень многих было ясно, что и среди этой лучшей части русской колонии Владимир Михайлович был наиболее цельным, развитым и энергичным. Следующий, вскоре за этим, случай еще более глубоко врезался в мою память.

Среди эс-декской группы и ей сочувствующих прошел слух о том, что должен приехать тов. Ленин прочесть реферат. Организатором этого собрания был Владимир Михайлович. Как сейчас, помню этот третьеразрядный ресторанишко на Баварской улице, в котором мы с билетиками проходили в дальнюю угловую комнату. Тов. Ленин читал тогда реферат по национальному вопросу. Чувствовалось, что среди тридцати—сорока собравшихся товарищей немногие свободно ориентировались в этом вопросе. В памяти осталось самодовольно-развязное выступление бундяка Нухимсона, ответ которому тов. Ленин начал ничем несдерживаемым хохотом.

Осенью того же года, вторично приезжал тов. Ленин в Лейпциг, и вновь Владимир Михайлович организовывал это партийное собрание. И, надо сказать, что он умел это делать даже так, чтобы не навлечь неприятностей, которые тогда в стране образцовой социал-демократии возможны были на каждом шагу.

Несколько позже Владимиру Михайловичу понадобился хороший паспорт. Надо было переправить через границу в Россию товарища на подпольную работу.

Он обратился за паспортом ко мне, и мы условились с ним относительно всей той махинации, которую необходимо было проделать, чтобы, с одной стороны, дать возможность товарищу спокойно проехать русскую границу, а, с другой стороны, самому не опростоволоситься.

Чем дальше, тем наши встречи все больше и больше учащались. И с каждым разом все больше усиливалось впечатление о Владимире Михайловиче, как о твердом, решительном и энергичном организаторе, который за все дела, от мелочи до самого ответственного, рискованного, брался с одинаковой любовью, осмотрительностью и настойчивостью.

Но уже вскоре судьба нас привела к более тесному общению и сделала из нас самых близких друг к другу людей.

В начале мировой войны 1914 года нас, вместе со многими другими русскими, выслали в маленький городишко Саксонии, Гримму.

Здесь под его руководством я приступил уже к более систематическому изучению Марксовой теории. Несколько раз отправляли в Швейцарию в Ц. К. деньги, и сравнительно аккуратно получали выходившие тогда номера «Социал-Демократа».

А в долгие вечера, готовясь к активной партийной работе в русском подполье, я слушал яркие, живые очерки-рассказы Владимира Михайловича из его богатой и разнообразной жизни.

Он происходил из рядовой мещанской, еврейской семьи, которая не знала ни роскоши, ни уверенности в где-то сберегающемся, даже незначительном, капиталишке.

В детстве,как и у всех ребят,—голубятни, драки и купанье в Волге, составляли главный в его жизни интерес. Как в любой еврейской семье. и его готовили вывести в «настоящие люди», для чего и отдали в гимназию. Но закончить гимназию ему не удалось.

Близость Сормовских заводов, широкий разлив рабочего движения 90-х годов увлекают Владимира Михайловича еще совсем зеленым юнцом в революционную работу и выковывают из него на всю его жизнь настоящего человека—профессионала-революционера.

С тех пор тюрьмы, административные и судебные ссылки только закаляют в нем энергию. веру в дело рабочего класса, с которым он породнился и за интересы которого стал бороться еще с юношеских своих лет.

Однажды, будучи царским судом сослан в Енисейскую губернию, в один из ее глухих городков, далеко отстоящих от железной дороги. Владимир Михайлович задумывает побег.

Все идет отлично до ближайшей железнодорожной станции, даже билет удается получить без всяких помех. Но вместе с ним в одно купе вагона помещается человек, сильно возбуждающий подозрение.

— Смотрит на меня пристально,—рассказывал Владимир Михайлович,—без конца разговоры затевает, не знаю ли то одного, то другого—все крупные сибирские дельцы. Решил,

что увязался за мною шпик и в благородство играет лишь до ближайшей станции. Поезд шел полным ходом, и мне ничего не оставалось, как соскочить на всем ходу и скрыться. Вышел я на площадку—смотрю, а суб'ект этот за мною, и все с любезностями, с улыбочками.

Сомнений не было уже никаких. Подошел я ближе к ступенькам, а шпик тоже, и стал как-то впереди меня. Тут пришла мне в голову жестокая мысль. Полегоньку поднимаю я руку, чтобы изо всех сил толкнуть его в грудь, с поезда... В это время он решил окончательно со мною познакомиться. Показывает свою визитную карточку. Еще мгновенье, и завертелся бы вниз, с поезда. А оказался каким-то купчишкой. Да и на душе у меня, признаться, крепко отлегло.

С какой-то особой теплотой задушевности вспоминал Владимир Михайлович и тяжелые моменты, пережитые им, незлобиво любил вспомнить смешное в товарищах, с которыми ему приходилось вместе «отсиживаться» в тюрьмах, на этапах и в Сибирской ссылке.

Некоторые из его рассказов послужили темой для моих начинаний на литературном поприще. И хотя он искренно поддерживал во мне любовь к этому делу, не раз внимательно и добросовестно выслушивал мои «сочинительства», увлекался сам и меня увлекал в критических разборах моих писаний, тем не менее, мне думается, что он впервые так ошибся в оценке человека, предполагая во мне литератора. Но в общем он разбирался в людях верно и удачно. Большинство его заграничных друзей, которых я знал, вскоре были и моими друзьями. И их рабочая часть относилась к нему с особой теплотой и уважением. Нередко к нему приезжали погостить однопартийцы—друзья и ученики. Такие встречи и воспоминания о минувших днях борьбы напоминали своеобразное перелистывание из истории нашей партии значительных ее глав. И самое интересное в этих воспоминаниях было иллюстрирование крупнейших моментов из истории нашей партии, пережитых различными рабочими кружками, то в Нижнем, то в Москве, то еще где-нибудь, где им вместе приходилось работать. Вспоминались даже такие моменты внутри партийной жизни, когда намечалось в рабочих кружках стремление к вытеснению интеллигентов.

— А все-таки, как ни ерепеньтесь, а пока, без нашего брата вам не обойтись,—шутя подтрунивал Владимир Михайлович над своим другом и учеником, рабочим, эмигрантом-большевиком.

— Ничего, ничего,—отвечал он Владимиру Михайловичу. —Хорошо смеется, кто смеется последним.

Не раз вспоминались 1905 год и декабрьское восстание в Москве, в котором Владимир Михайлович принимал самое

горячее участие, пробравшись из эмиграции в Россию с «хорошим паспортом», примерно так же, как он отправлял других.

Невыносимые условия, преследование его нелегально живущим заставляют его снова удирать за границу. И, помытарившись в Швейцарии, в Англии, он несколько прочнее обосновывается в Германии. И каждое новое его местожительство оставляет в его памяти не одну новую яркую картинку, не одну интересную характеристику встретившихся ему товарищей.

Однако, наши книжные занятия и нередкие часы воспоминаний только обостряли противоречие между нашими желаниями и стремлениями и нашим бытием, обессиливающим нас и осуждающим нас на тягостное безделье.

Правда, Владимира Михайловича сильно подкрепляли и радовали хотя и нечастые вести о его сыне, маленьком Денисе, названном так в память той партийной клички, которую носил его отец в девятисотых годах. Но все-таки неиспользованной энергии оставалось еще слишком много.

Вскоре нам удалось связаться с группой русских военнопленных солдат, работавших далеко за городком, на паровой мельнице, живших там в строгой изоляции.

И преодоление всех препятствий по пути к этим солдатам, которых волновало каждое свежее, живое слово, только усиливало интерес к работе.

И если к этим жертвам кровавого империализма радостно было нести слова пробуждения, то не менее приятно было подшучивать над другими «тоже жертвами империализма», местными гриммовскими социал-демократами.

Их было несколько различных разновидностей, по отношению к которым Владимир Михайлович держал себя достаточно откровенно, сообразно качествам каждой.

Так, к одному старинному члену немецкой социал-демократии, соучастнику еще по Бебелевскому процессу в 70-х годах, мечтателю о созыве конгресса II Интернационала во время войны и обязательно в Стокгольме, Владимир Михайлович относился с нескрываемой иронией уже потому, что сей «радикал» из немецких эс-деков не представлял себе ни картины проектируемого им конгресса, ни его практических задач, да и если бы ему пришлось самому отправиться делегатом на этот конгресс, он не нашел бы в себе сил оторваться от своей солидной табачной лавочки, имевшей солидных и постоянных клиентов.

Другой, партийный функционер, вечно мечущийся с завода на завод, из деревни в деревню, тихий и скромный, улаживавший «недоразумения» между местной полицией и рабочими, вызывал к себе глубокое сожаление и своей безуспешной

работой, и тем, что в политической беседе безнадежно запутывался. В таких случаях он за спасением обращался к Каутскому, со своей неизменной фразой: «Так говорит Каутский!».

Был и в нашей гриммовской колонии представитель русского меньшевизма, учитель гимназии, грузин, занимавшийся изучением итальянского языка. Был он больной, замкнутый, никогда кроме коротких слов в коротеньких встречах ни с кем не обменивавшийся. С ним только однажды поспорил Владимир Михайлович. И, ловко разбивая его точку зрения, он в то же время чутко соболезновал этому погибающему, а впоследствии погибшему (от рака желудка) человеку. Так проходили месяцы нашего плена, когда каждый день был похож на только что минувший, когда случайный спор вызывал охоту на долгое пережевывание его, когда любой пустяк мог приковать и надолго к себе наше внимание. А за месяцами тянулись годы.

Февральская революция застала нас недостаточно подготовленными. Правда, еще в конце 1916 года Владимир Михайлович получил из Швейцарии от Н. К. Крупской открытку, в которой она писала ему, между прочим, и о последних событиях в России, об усиливающемся движении среди рабочих и волнениях среди воинских частей. Однако, нам, наглухо закупоренным в полу-деревне, полу-курорте, трудно было судить о силе революционного брожения в России. И одновременно с первыми сведениями о волнениях, об отречении Николая II, поднялся вихрь толков, рассуждений и выводов, сводившихся в конце концов к тому: в пользу ли, или во вред Германии—эта революция.

В нашей русской колонии германофильские и руссофильские течения истерически забились, путаясь и кликушествуя.

И когда в этой путанице Владимир Михайлович ясно и твердо ставил вопрос о дальнейшем развитии революции до захвата власти рабочим классом, то все эти течения и тенденции, все фигурки с пенящимися в споре ртами и с «видами на порядочных людей» в будущем, дружно становились против нашей маленькой группки. Резко начавшийся раздел в нашей колонии с каждым днем все больше и больше углублял пропасть, на каждом практическом житейском вопросе вызывая ожесточенную борьбу.

В то же время наше материальное положение становилось день ото дня невыносимее. В поисках за средствами я обратился к одному товарищу, в то время мне лично незнакомому, но о котором я слышал нечто смутное, вроде того, что он был бундистом большевистского толка. В ответ на мою просьбу он прислал сразу же крупную сумму денег, которая нас сильно поддержала. Это обстоятельство зародило во мне мысль о побеге из Германии в Россию.

Владимир Михайлович отнесся к этой идее больше, чем сдержанно.

Проезд тов. Ленина через Германию и подготовка Фр. Платтеном *) второй партии заставили нас обратить наше внимание и энергию именно в эту сторону. Начались лихорадочные поиски связи с Платтеном.

Одновременно Владимир Михайлович отправляет на имя тов. Ленина телеграмму с просьбой о нашем освобождении, и твердо верит в то, что и телеграмма дойдет по назначению и, следовательно, тов. Ленин выручит.

Время шло, с кровью вырывая из нас куски веры и твердости. Однажды местная полиция заинтересовалась нашими политическими взглядами с подробностями, вплоть до давности принадлежности к этому «русскому течению—большевизму». Это обстоятельство нас оживило, но не надолго. В болезненно-напряженном состоянии, после ряда долгих лет томительно-однообразных, из месяца в месяц, верно и неуклонно подтачивавших в беспрерывной голодовке нашу нервную систему, надежды держались недолго и быстро рушились.

Но и тут Владимир Михайлович умел находить минуты и так их развивать, что непосредственное веселье охватывало нас и тем, хоть временно, крепило.

Приближалась осень, и злобная клевета антибольшевистской прессы все ожесточенней лилась на нашу партию. Но она уже не могла повлиять на наших солдат, среди которых нам удалось более или менее твердо установить определенный взгляд на вещи. Их тоска по родине помогла нам в нашей пропаганде. Наконец, грянул гром Октябрьской революции. Весть о захвате власти рабочим классом стала для нас вестью наступающих революционных боев по всей Западной Европе. И кое-кто из гриммовских членов союза «Спартак» и ему сочувствующих, хоть робко, но все же уверяли нас в этом. Зато все остальные, а их было колоссальное большинство, жесточайше оскалились. Нечего говорить, что с остатками нашей русской колонии было все порвано и покончено бесповоротно. Стали меняться отношения к нам и со стороны случайных знакомых из немцев—мелких буржуа.

Владимир Михайлович уверенно смеялся в лицо всем, кто мечтал и верил в близкую гибель большевистской власти. А дни все шли и шли. Начался Брестский мир, дебаты в рейхстаге, а конца нашему сидению в плену у немцев не было видно. И только теперь моя мысль о побеге из Германии начинала восприниматься Владимиром Михайловичем. Нам надо было с'ездить в Кемнитц, связаться там со спартаковцами, о которых мы кое-что слыхали, и получить у них все необходимое для переправы из Штеттина в Швецию или Норвегию.

---

*) **Видный швейцарский коммунист.** Сост. кн. Е. Л.

И если Владимир Михайлович не верил в успешность этого дела, то некоторую рекогносцировку в этом отношении проделать считал не лишним.

Весною 1918 года побег из Германии в Кемнитц был совершен нами удачно. Даже погода нам помогала. Мы приехали во время проливного дождя, когда только крайне острая подозрительность и давняя слежка могли бы увлечь шпика за нами в преследование.

Необходимый адрес был вскоре отыскан, и хозяин квартиры встретил нас с такой товарищеской теплотой, которую мы уже давно не переживали. К вечеру собралось порядочное общество, в том числе и двое наиболее видных кемнитцких работников союза «Спартак».

Друзья между собою, Карл Брандлер и Фритц Геккерт, на первый взгляд и по внешности, и по своим характерам представляли довольно резкую противоположность.

Маленький, сутулый (почти горбатый), широкоплечий, здоровый, крепкий, с живыми бегающими глазами, высоким лбом и прической, подстриженной под «ежика», Брандлер был остроумным и веселым собеседником, увлекающим образностью своего рассказа. Когда он передавал нам о той подготовительной работе, которую они проделали в дни январских забастовок, мы все заслушались. И казалось,—продлись эта забастовка еще немного, прими она более конфликтную форму,—в Кемнитце рабочие двинулись бы на захват власти, следуя примеру своих русских товарищей.

Геккерт, высокий, сухощавый блондин, начитанный, с медлительной речью, производил впечатление человека осторожного, желающего все учесть и рассчитать.

Разговор попутно шел на тему о перспективах русской революции. Были неверующие в успех, были сомневающиеся, но не симпатизировавших, не желавших всяческого успеха русскому рабочему в его революционных завоеваниях, таких не было.

И главным защитником развития русской революции, наиболее горячим заступником всех ее моментов, наиболее страстно верующим в силу, твердость и успех ее, был Владимир Михайлович. Я не помню его еще таким же разгоряченным, несмотря на то, что, говоря по-немецки, он должен был частенько спотыкаться, за неимением нужного слова.

Дискуссия затянулась далеко за полночь.

На следующий день наши немецкие друзья должны были помочь нам сесть на поезд обратно в Гримму.

Ночью я толковал о побеге. Выяснилось, что риску слишком много, а успешность крайне сомнительна. И когда я об этом, жесточайшем для меня результате нашей поездки в Кемнитц, передал Владимиру Михайловичу, то его это ни-

сколько не смутило. Словно дискуссия снова зарядила его новым запасом сил.

— Что-ж поделаешь,—почти весело отвечал он с какой-то глубокой внутренней уверенностью.

— Уж столько ждали—вынесли, а осталась неделька—другая. Это уж совершенные пустяки.

И в самом деле. Недельки три спустя наши кемнитцкие друзья, прислав вырезку из газет, сообщали, что Загорский назначается секретарем русского посольства.

Прошел еще почти месяц, пока, наконец, проживавший в Гримме Владимир Михайлович Загорский, получил оффициальное предложение выехать в Берлин. За этот месяц я изумлялся выдержке Владимира Михайловича, с которой он дожидался этого предложения. Через день он умчался в Берлин. Через две недели он снова вернулся в Гримму, чтобы забрать кой-какие свои вещи и попрощаться с нами, так как предполагал вскоре выехать в Россию.

Его приезд был полон революционного восторга.

Он сам влезал на крышу здания старого царского посольства, чтобы водрузить на нем красный флаг—эмблему пролетарской республики. Его восхищало, как дразнил этот красный флаг немцев, буржуа и мещан, его волновало то, с какой любовью поглядывали на этот флаг немецкие рабочие.

Он был настолько полон энтузиазма, что заразил им и нас так сильно и глубоко, что расставанье с ним стало легче, а вера в наш успех увеличилась.

Месяц спустя, при помощи того же посольства я прибыл в Москву, где снова встретился с Владимиром Михайловичем. Он работал в М. К. и Сущевско-Марьинском районе.

В апреле 1919 года он был одним из создателей военного отдела при М. К., развернувшего огромную работу среди красноармейцев московского гарнизона. Он весь ушел в работу, и в эти голодные напряженнейшие годы, изнурение и истощение все больше и больше сказывались на нем.

И за тринадцать месяцев совместной работы только однажды нашелся вечер, когда мы вспомнили и сравнили нашу жизнь с той, которая, как отрубленная, лежала в таком близком, недавнем прошлом.

Не отставать от событий, жить борьбой и тем, что будет впереди, охватить как можно больше, при неизбывной любви к людям—таким он был и остался до последних своих дней. Его знали и любили рабочие всех районов Москвы.

Кроваво-гнусные руки контр-революции разорвали его на части.

Пролетариат навсегда сохранит память о тов. Загорском, как об одном из героев величайшей в мире пролетарской Революции.

Л. Старосветский (Денис).

ЛЮШВИН ВАСИЛИЙ ЕГОРОВИЧ (он-же Левшин, Лювшин, Пахом).

Василий Егорович Люшвин родился 28-го января 1890 г. в селе Сандыри, Коломенск. у., Моск. г. Родители его были очень бедны. Отец был рабочий Коломенского завода. Лишившись с раннего детства отца, он воспитывался в обстановке крайней нужды. Мать его работала на фабрике Ангилерри. с большим трудом добывая гроши на воспитание сына и дочери. Рос он ребенком серьезным и вдумчивым, в школе учился прилежно, с 15-ти лет поступил учеником на Коломенский завод в электро-техническую мастерскую. С этого момента начинается его революционная деятельность, он почти тут же после поступления на завод 1905 года примкнул к кружку Р. С.-Д. Р. П. Кружок был большевистский. На нелегальных собраниях и кружках Люшвин стал выявляться самым способным и лучшим учеником по изучению марксизма. С 1907 года он берет на себя уже основательную партийную работу. Он работает в правлении союза рабочих Коломенского завода, изучая профессиональное движение и вместе с тем работая в пропагандистском кружке. В 1909 году Люшвин был одним из крупных и первых работников Коломенской организации. 28 июня того же года он был послан Коломенской организацией на Московскую окружную конференцию. Конференция наметила его в высшую партийную школу заграницу, организованную Горьким на острове Капри. Как известно, эта школа, устроенная во фракционных целях тогдашними «ультиматистами» и «отзовистами» (Вольский, Богданов, Луначарский, Алексинский и Лядов), только ввела слушателей в курс заграничной фракционной борьбы того времени, познакомила с заграничными вождями и несколько расширила политический горизонт. Лекции не были доведены до конца— отчасти вследствии недостатка средств, отчасти ничем не прикрытого фракционного давления руководителей школы, вызвавшего протест слушателей. Лучшая часть слушателей, в том чиле и Люшвин, переехали в Париж и работали некоторое время под руководством Ленина и Зиновьева, направивших заблудившихся на Капри пролетариев на единственно-верный путь массовой, революционной работы.

В конце 1909 года, когда небольшая группа товарищей в 3—4 человека задумала осуществить попытку восстановления Московской окружной организации, к этой работе был привлечен и тов. Люшвин, тогда только что вернувшийся из-за границы. Большинство вернувшихся в Россию слушателей Каприйской партшколы приступили к работе на местах, но работа продолжалась не долго. В Каприйскую школу сумели проникнуть два провокатора, командированные из России.

Почти все каприйцы вскоре были переарестованы, а их связи послужили причиной для провалов ряда местных организаций. Через два-три месяца, 30 января 1910 года, был арестован и Люшвин вместе с исполн. комиссией Московского окружного комитета, но этот провал был связан не с деятельностью проникших в число слушателей Каприйской школы провокаторов, а с именем другого весьма крупного предателя. От Москвы на Капри был послан печатник Романов, носивший знаменательную кличку Аля-Алексинский, по имени своего двойника, на которого был сильно похож. Этот Романов, вернувшись в Москву, стал во главе московской работы, изображая в своей особе Московское областное бюро, и скоро же выдал охранке всех московских работников. Будучи товарищем по школе, а также вследствие партийных организационных отношений, Люшвин поддерживал с ним сношения и несомненно был предан вместе со всей Московской окружной организацией.

Жандармами в один день было арестовано свыше 30 человек, по большей части не имевших никакого отношения к делу. В числе арестованных оказались: Люшвин, В. И. Орлов, Холмогоров, Рутковский и Н. Овсянников. У Люшвина во время обыска, как значится в Ист.-Рев. Архиве, д. № 347—10 г., нашли в кармане записку, начинающуюся словами: «товарищи, по постановлению исп. комиссии М. О. О. было решено»..., брошюру Н. Ленина и доклад об об'единенном с'езде РСДРП. Арестован Люшвин был на конспиративной квартире М. о. ю. у Холмогорова. Холмогоров растерялся и дал откровенные показания. Судились они в 1911 г. вместе с товарищами из Московской организации, искусственно об'единенными прокуратурой в один процесс. Орлов получил 4 г. каторги за принадлежность к исполн. комиссии М. о. о., Люшвин тоже 4 г. каторги за сношение с Орловым, Холмогоров был выслан на поселение. М. О. К. за два года своего существования не успел много сделать. Он был, главным образом, занят восстановлением связей с местами. Официальные партийные организации он застал при своем возникновении только в Орехово-Зуеве и Богородске. Связи же удалось завязать во всех уездах, но разработать их не успели. На местах провал комитета отразился только в Подольске, где было арестовано несколько человек. Арестованный 30 января 1910 года М. О. К., насколько известно, был последним окружным комитетом, в действительности ведшим работу на местах. Позднейшие попытки успеха, хотя бы временного, не имели и ограничивались только восстановлением фирмы.

Люшвину пришлось перенести каторгу в самые черные годы царской реакции, когда в тюрьмах свистали розги и когда каторжанам, не желавшим сдаваться и не разложившимся морально, пришлось отбывать наказание не столько на каторге, сколько в светлом или темном карцере. Сидел Люшвин в Бу-

тырской тюрьме, одной из страшных каторжных тюрем. Но Люшвин не разложился и не сдался. Он вышел из тюрьмы надломленным и с зачатками душевной болезни, сведшей его в могилу, но еще бодрым и полным веры. За годы каторжного безделья он изучал немецкий язык и прочел ряд трудов по теории марксизма, однако, лишенный надлежащего руководства и нервно утомленный, он многое воспринял криво и однобоко. Каторга сказалась.

После каторги в 1917 году тов. Люшвин возвращается в Коломну и становится во главе партийной организации. Благодаря стойкости, правдивости и искренности—он пользовался громадным влиянием среди беспартийной рабочей массы. Коломенские рабочие любили его, верили ему, после Октября он стал первым председателем Коломенского Совета. С февраля до декабря 1917 года он непрерывно работал всюду: выступал на митингах в Голутвине и по деревням Коломенского уезда, состоял членом М. О. К. (переименованного в 1918 г. в Московский Губком), бывал на конференциях, состоял членом Губернского Совета, был на 6-м партийном с'езде в июльские дни в Петербурге.

Перед Октябрьскими днями Люшвин был первым на совещании М. О. К. и Московского областного бюро, возглавляемого в то время В. Н. Яковлевой, обсуждал план восстания, устанавливал связи и обменивался шифром.

Октябрьская победа. Пролетариат у власти. В старом доме московского губернатора (Тверская, 56) заседает Московский Губернский Совет—Люшвин приехал из Коломны с винтовкой за плечами, весь увешенный оружием, с бомбой за поясом. Этот арсенал в первый раз обратил внимание товарищей на Люшвина и заставил о нем задуматься, но было поздно. Надорванный каторгой, изнуренный восьмимесячной революционной нечеловеческой работой, в которую он вступил сейчас же по выходе из тюрьмы, без всякого отдыха, он страдал манией преследования.

В дни, когда в Москве гудели орудия, трещали пулеметы и винтовки, он не знал ни одной минуты покоя, он ни разу не сомкнул свои усталые глаза. И, когда победа была окончательно и бесповоротно на нашей стороне, Люшвин уже истратил весь запас своей энергии и сил. Невероятные переживания Октябрьских дней и бессонные ночи привели к тому, что Люшвин окончательно потерял способность заснуть. Товарищи пробовали его укладывать, он покорно ложился, но глаз сомкнуть не мог. С открытыми, полными ужаса глазами, он бредил—его усталому мозгу постоянно мерещились заговоры и восстания белогвардейцев. С винтовкой в руках и с кинжалом за поясом он ложился и никакими силами нельзя было их отнять у него.

— Вы хотите меня разоружить,—говорил он в таких случаях,—неужели и вы продались врагам пролетариата? Не может быть. Оставьте мне винтовку,—я никому ее не отдам.— И, действительно, винтовку он никому не отдавал, он даже ни разу не выпустил ее из рук. Уже больной и в бреду, он прислал тов. Овсянникову телеграмму, где путал имена Маркса и Ленина, умоляя принять энергичные меры против каких-то мнимых опасностей. Надеясь еще спасти его, коломенские товарищи решили отвезти его в Московский окружный комитет. Его сопровождали лучшие товарищи и друзья и в том числе убитый впоследствии в Коломне кулаками во время восстания тов. Лазарев. Они хотели поместить тов. Люшвина где-нибудь у его старых знакомых, чтобы он мог отдохнуть вдали от волнующих его революционных событий и затем снова вернуться к работе. Но вскоре его пришлось отвезти в клинику. Люшвин не долго там пробыл. Больной и безумный он не мог оставаться там без дела.

В глухую, тѐмную ночь, по сообщению больничной администрации клиники, тов. Люшвин выскочил из окна со второго этажа в одном белье и исчез. С тех пор о нем ничего не было слышно. Коломенская организация пыталась его розыскать. Посылались несколько раз в Москву и другие города России отдельные товарищи на поиски, но никаких следов обнаружить не удалось.

Нет сомнения, что сейчас же после своего бегства, он где-то и как-то погиб, ибо по состоянию своего здоровья он не мог жить вне больничной обстановки.

Русская революция брала и берет так много времени и сил у ее слуг, что они не могут ничего уделить для своих друзей и товарищей. Все для работы, ничего для друга. Его товарищам, занятым борьбой, было так некогда, что они не могли заметить в то время приближающегося к Люшвину несчастия и во время спасти его. В этом их преступление и вина, но в этом же и их оправдание.

Коломенские рабочие могут гордиться своим борцом и руководителем. Таких, как Люшвин, у нас немного. Люшвины выдвигаются весьма редко; только в момент пролетарской революции рождаются такие, как он.

По ст. **Овсянникова** в журн. „Каторга и Ссылка“ № 3, ст. **Я. Грунта**, восп. **И. Карасевой** и дел № 3б. ч. 9—1909—10—11 г.г. и № 347—1910 г. Ист.-Рев. архива.

М.

МАЛЕНКОВ Е.

В свои молодые годы тов. Маленков прошел суровую школу неприглядной рабочей жизни. В 1915 году он был арестован за подпольную работу и посажен в Таганскую тюрьму, затем судом приговорен к 4 годам каторжных работ, которые отбывал в Бутырской тюрьме.

Маленков.

Февральский переворот освобождает тов. Маленкова из тюрьмы, и он поступает на завод Вартце и Мак-Гилль в Сокольниках, где рабочие выбирают его в Московский Совет. Практически воспитанный на классовых противоречиях, самоотверженный, глубоко преданный делу рабочего класса, тов. Маленков, забывая свою личную жизнь, с головой уходит в советскую и партийную работу, заражая примером своей деятельности товарищей, пришедших строить новую жизнь. Он выполняет самые ответственные партийные поручения. Он был главным организатором красной гвардии в районе.

Перед Октябрьской революцией Московский Совет поручает тов. Маленкову, вместе с некоторыми членами Совета, весьма опасную и ответственную работу по ликвидации беспорядков, возникших в гор. Галиче (Ярославском). Выполнив порученное, тов. Маленков возвратился в Москву в тот самый момент, когда развернулись Октябрьские события и шла жесточайшая борьба. Прямо с вокзала, не заходя домой, забегает тов. Маленков в райком, берет винтовку и отправляется в город. Он появляется в самых опасных местах, подавая товарищам, участникам боя, пример героизма и мужества.

После Октябрьской революции тов. Маленков избирается

председателем районного Совета. На этом посту в течение 4-х месяцев тов. Маленков был занят на работе, в буквальном смысле слова, все 24 часа в сутки: все ночи он проводил за делом. В конце февраля 1918 года, во время оккупации германскими войсками Украины, тов. Маленков становится во главе добровольческого отряда, сформированного Сокольническим районом, и отправляется на западный фронт. Возвратясь с отрядом с западного фронта, тов. Маленков отправляется на Уральский фронт против Дутова, где в бою под Семитлавым Маром чуть не был растерзан окружившими его казаками, и только, благодаря своей находчивости и мужеству, избежал смерти.

В начале осени, после 2-х месяцев работы в Совете и военкомате (где он был комиссаром района), тов. Маленков, по болезни, получает отпуск; но он не отдыхает, а опять берет командировку в боевую часть, оперирующую на Мензелинском фронте против чехо-словаков.

По приезде туда, он назначается командиром батальона (хотя никогда не имел военной подготовки). Во время отступления наших частей под давлением противника, тов. Маленкову было поручено сдерживать наступление белых, численность которых во много раз превышала наши части. Но всегда решительный, обладающий особой сообразительностью в критическую минуту, тов. Маленков и на этот раз от обороны переходит к наступлению и выбивает противника из окопов.

Ночь мешает дальнейшему преследованию белых. Часть проводит ночь в заметных неприятелю окопах. Наступает пасмурное осеннее утро. Батальон идет в наступление, но встречает пулеметный и ружейный огонь перестроившегося и оправившегося за ночь противника. Красноармейцы дрогнули. В эту критическую минуту впереди появляется тов. Маленков, вдохновенно зовущий красноармейцев вперед, с возгласом: «За власть Советов». Но сейчас же получает ранение в ногу. Не обращая внимания, он идет дальше и, сделав пять шагов, падает, пораженный на смерть пулей в голову.

Батальон в беспорядке отступил. А через несколько времени, когда наши войска заняли территорию белых, они нашли истерзанный штыками и шашками, обезображенный белыми, труп героя-мученика за дело рабочего класса, тов. Маленкова.

Красные войска с почестью предали земле его останки в гор. Мензелинске, поставили памятник храбрости беспримерному мужеству и героизму тов. Маленкова.

Так погиб герой, завещав нам довести дело пролетарской революции до конца.

Пресняков.

МАЛЬКОВ МИХАИЛ.

Тов. Мальков Михаил—по профессии столяр-модельщик. В Р. С.-Д. Р. П. вступил в 1904 году и сразу примкнул к большевикам.

В конце 1907 года арестован и привлечен по 102 ст. по делу Саратовского комитета Р. С.-Д. Р. П. Ему удается бежать. Переходит на нелегальное положение и с 1908 года до 1912 года ведет революционную работу в Москве, Баку, Ташкенте и Самаре. В Самаре его арестуют вторично и ссылают в Иркутскую губ., Верхоленский уезд, село Жигалево, где в то время находились т.т. Скобейников, Зеленский и др. В ссылке пробыл с 1912 года до февральской революции 1917 года.

Ссылка не разложила тов. Малькова. Он и там ведет работу среди рабочих Черемхова и Иркутска. Вскоре после февральской революции вернулся из ссылки в Москву и поступил на завод Гужон в Рогожско-Симоновский район.

Энергичный, подвижной он быстро приобрел на заводе популярность (нужно сказать, что рабочие завода Гужон представляли трудно поддающуюся агитационной работе массу).

В районе тов. Мальков тоже быстро занял по праву принадлежащее ему место, его выдвигали на самые ответственные посты, и он был беспрерывно членом райкома и исполкома райсовета всех созывов в 1917 и 1918 г.г.

Тов. Мальков был самым неутомимым агитатором, способным ярко и красочно говорить долгими часами, не утомляя, а крепко спаиваясь с массой. Райком широко использовал исключительные способности тов. Малькова, и он на всех рабочих митингах по предприятиям был желанным гостем. Особенно широко развернулись богатые организаторские способности тов. Малькова перед октябрьскими днями. Он был членом управы VII районной думы, а затем членом исполкома райсовета, председателем продколлегии райкома и работал в Московском продовольственном комитете. В октябрьские дни он член военно-революционного комитета и участвует непосредственно в боях под Кремлем, очень спокойный и уверенный в победе. После Октября, он, как член исполкома, заведывает продовольственным отделом райсовета до июня месяца 1918 года, а затем переходит на работу в Московский продовольственный комитет, как член комитета. В сентябре 1918 года назначается помощником комиссара 1 Московской рабочей дивизии и этим начинается его карьера на военном поприще в красной армии, где он занимает должность комиссара 15 Инзенской дивизии и т. д. В Москву он вернулся в 1919 году, кажется, для пополнения военного образования и помер от тифа 7 мая 1919 года 34-х лет.

Таков один из стаи славных Рогожско-Симоновских ребят,

работников исторических годов 1917—1918—1919—1920, сумевших бороться за интересы рабочего класса и погибших в борьбе. Имена стаи славных: Малькова, Сафонова, Калнина, Прямикова, Кирсанова, Виллера, Федорова В. Ф., Матюшина, Алешина и др. не будут забыты рабочим классом.

Страховая касса № 15 Рогожского района названа именем Малькова.

По данным **Ф. Н. Мельникова и И. А. Зеленского.**

МАКАРОВ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ.

Константин Иванович Макаров, сын крестьянина деревни Ягунино той же волости, Звенигородского уезда, Московской губернии, родился в 1894 году.

С 12-летнего возраста поступает продавцом книг в книжный магазин в гор. Бердичеве, Киевской губ., где живет в течение 7-ми лет, затем переезжает в гор. Каменец-Подольск, занимаясь той же профессией.

Перед войной 1914 года приезжает к родителям (которые занимались помимо земледелия еще кустарным промыслом), обучается токарной работе, и во время войны поступает в Петрограде на Путиловский завод, где и застает его революция. Как рабочий, пропитанный ненавистью к буржуазному строю, вступает в 1917 г. в ряды партии большевиков, и Путиловская организация посылает его, как пропагандиста, в Черниговскую губернию, где он раньше жил и знал местное население.

По дороге он заезжает на родину, где началась кампания по выборам в учредительное собрание, в которой он принимает горячее участие. Я встретился с ним на этой работе, в которой мне пришлось принимать участие проездом из Москвы, и помню, как он старался на митингах в 3-х деревнях (Мунино, Шихово и Саввинской слободе) доказывать крестьянам необходимость итти с рабочими нога в ногу и голосовать за список № 5. Его выбирают в волисполком, затем в уисполком, который его назначает председателем уездного земельного комитета. Позднее его назначают комиссаром экономии бывш. Саввинского монастыря.

На этой должности ему пришлось сталкиваться с находящимися там монахами, которые подготовили восстание в мае 1918 года, во время которого раз'яренной толпой он был зверски избит и брошен в пруд, и когда, очнувшись, хотел встать, то кто-то из толпы выстрелом из револьвера докончил его жизнь. Это произошло 15 мая 1918 г. Остались старики-родители и двое детей. Похоронен он был в ограде церкви Саввинской слободы по настоянию его родителей.

А. Леонов.

МАРКИНА АННА КАРПОВНА.

Анна Карповна Маркина родилась в 1880 году в крестьянской семье, в Тульской губернии, Богородицкого уезда, Агорьевской волости, деревни Андриановки.

По смерти матери осталась 13-ти лет с 5-летним братом сиротами. Отец ее был человек темный, суровый; женившись вторично, резко изменил свое отношение к детям и были случаи, когда Анне Карповне приходилось терпеть от отца побои.

Жизнь с суровым отцом и мачехой не предвещала впереди ничего хорошего, и она задумала тайком уйти в Москву к дяде. Выбрав момент, когда некоторые крестьянки собрались на богомолье в Сергиево-Троицкий монастырь, находящийся приблизительно в 60-ти верстах от Москвы, Анна Карповна ушла с ними. Выправив при помощи дяди себе паспорт, в 1894 году поступила в прислуги и, прожив в прислугах 4 года, вышла замуж.

В 1900 году она поступила на чулочную фабрику Деминой и К° на Салтыковской улице, где работала в качестве закройщицы до 1905 года и где была захвачена революционным движением. В том же 1905 году вступила в партию социал-демократов, фракцию большевиков, вела среди женщин агитацию и выполняла техническую работу партии. Слабое здоровье и незнание грамоты сильно осложняли ее работу, а потому, она решила, работая на фабрике, в то же время учиться грамоте и стала ходить на уроки к Бутырской заставе 2 раза в неделю. Проучившись год, она кое-как научилась читать и писать, но, благодаря сильному ухудшению здоровья, ей пришлось оставить ученье и заняться специально лечением.

В 1906 году была арестована на кружке в Анненгофской роще вместе с другими товарищами, в числе которых был также арестован тов. Левинсон.

Просидев в тюрьме несколько недель, она была освобождена, и опять все свободное время занимается подготовкой к политической деятельности, в то же время занимаясь агитацией среди женщин. Много раз подготовляла женские кружки, на которые приходили пропагандисты, а также выполняла другие технические работы партии, принимала активное участие в сокрытии каторжан, доставая для них паспорта и деньги для отправки заграницу. Паспорта Анна Карповна доставала через своего земляка, который жил во 2-м Басманном участке. Так она продолжала работу до 1911 года.

В 1911 году Анна Карповна вместе с мужем остались без работы. Затем, муж ее поступил секретарем в союз мануфактуристов, но через несколько месяцев был арестован и выслан из Москвы, а она осталась при союзе.

Через несколько недель по высылке мужа, союз мануфактуристов был разгромлен жандармерией, Анна Карповна была вновь арестована, и, просидев некоторое время в тюрьме, освобождена.

Очутившись на улице, холодная, голодная и преследуемая полицией, должна была выехать из Москвы с одним товарищем в Баку. В Баку жизнь ее устроилась очень плохо, она решила научиться шитью, чтобы быть портнихой, и для этого поступила на курсы кройки и шитья.

Баку был связан с подпольной организацией, и Анна Карповна принимала участие в кружках. По истечении 2-х лет, окончив курс школы кройки и шитья, в 1913 году приехала в Москву, поступила в мастерскую портнихой, а вскоре приехал из ссылки и ее муж.

В 1915 году муж ее поступил на московский городской газовый завод, и Анна Карповна ушла из мастерской, сняла себе квартиру в Токмаковом пер., д. № 6, где опять возобновила связи с подпольными работниками: Смирновым И. Н., Федоровым, Комковым и Кокуркиной, которые иногда устраивали собрания в ее квартире.

В 1916 году Анна Карповна переехала на заводскую квартиру. В 1917 году принимала участие в революции в первых ее рядах. В Октябрьские дни была заведующей хозяйственной частью по продовольствию бойцов при Революционном штабе, работая в продолжение семи суток, почти не спавши. День и ночь она готовила пищу бойцам, часто шутила с ними во время обеда и весело провожала их на баррикады.

В 1919 году была назначена заведующей детскими колониями в город Полтаву, где и была вместе с детьми задержана Деникиным и посажена белыми в тюрьму, в которой просидела 6 месяцев, ежедневно ожидая расстрела. Только благодаря красным войскам, взявшим в скором времени Полтаву, была освобождена из тюрьмы.

Благодаря слабому здоровью и все время приподнятому нервному состоянию, у Анны Карповны появилось кровохарканье, так что из тюрьмы ее пришлось вынести без сознания. Спустя 4 месяца Анна Карповна несколько поправилась, и в мае 1920 года приехала в Москву со всеми порученными ей детьми.

Не оставаясь без дела ни одного дня, она поступила заведующей детскими колониями Пушкинского поселка, где прослужила несколько месяцев.

В беседах с мужем часто сетовала на то, как трудно работать малограмотной и вести борьбу с учеными белогвардейцами. Поступает в университет на Моховой, на общеобразовательные курсы, но, благодаря усиленному ученью, здоровье ее быстро ухудшается. 22 февраля 1922 года Анна Карповна

пошла в больницу, а 24 февраля того же года, т.-е. через два дня умерла, так и не осуществив свое страстное желание—получить образование.

Бюро ячейки газового завода.

МЕРЗЛОВ АНДРЕЙ МАТВЕЕВИЧ.

Андрей Матвеевич—видный партийный работник Лефортовского района, активный участник Октябрьского переворота, после которого побывал на фронте с полком из Лефортовского района против Дутова (вместе с Г. В. Титовым) и затем был комиссаром Лефортовского военного комиссариата. При формировании 1-й Московской Рабочей дивизии—Московский Комитет Р. К. П. для поднятия ее боеспособности вливал самых лучших партийных товарищей, и тов. Мерзлов в ноябре 1918 года был в их числе, как помвоенкома дивизии.

Как раз в то время наша 8-я армия потерпела поражение под Воронежем, и 1-ю Московскую рабочую дивизию бросили на фронт. Тов. Мерзлов остался в Москве доформировывать ее, после чего в начале января 1919 года приехал на южный фронт в гор. Калач, Воронежской губ. Хороший оратор, тов. Мерзлов выступал среди красноармейцев, пользуясь большой популярностью. Вскоре он был назначен комиссаром по снабжению дивизии, пробыв на этой ответственной должности до июля 1919 года, тратя все свои силы для поддержания и сохранения боеспособности дивизии. Благодаря его неутомимой работе и энергии, дивизия наша была хорошо одета и сыта.

Но тов. Мерзлову не сидится в канцелярии снабжения, его тянет на передовые позиции, в гущу красноармейский среды, и вот, после долгих просьб, его назначают комиссаром первой бригады, и он все время проводит среди красноармейцев, служа им и начальником, и товарищем. Он везде впереди. После смерти комиссара 2-й бригады 1-й Моск. Раб. дивизии тов. Веселова тов. Мерзлов получает назначение на его место.

Дней через 15 после этого назначения наступают трудные дни для нашей армии. Деникин ведет наступление, пользуясь нашей усталостью. Под ст. Миллерово (Юго-Вост. ж. д.) 16-я стрелковая дивизия попадает в кольцо. Нашей бригадной дивизии, где был комиссаром тов. Мерзлов, дается задание освободить 16-ю дивизию, но красноармейцы не выдерживают и начинают отступать. Является тов. Мерзлов—и положение сразу меняется, он увлекает за собой побежавшие было части и ведет их в наступление.

Под Митехинской вражеская пуля ранит его в позвоночник, ноги его оказались парализованными, и А. М. Мерзлов без чувств был отправлен в штаб дивизии. Еще несколько мучи-

тельных дней живет товарищ, невыносимо страдая и все время прося револьвер, чтобы застрелиться. По доставлению в Москву, он скончался в Солдатенковской больнице 11-го сентября 1919 года.

В лице тов. Мерзлова партия потеряла одного из тех, кто своим энтузиазмом и волей сумел взять власть в Октябре и создать для защиты этой власти Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Насколько тов. Мерзлов пользовался популярностью среди рабочих Бауманского, тогда еще Благуше-Лефортовского района, видно из того, что именем его назван был детский дом. После него остались жена и двое детей.

П. Турок и П. Карпухин.

МИЛЛЕР ЛЕОНИД АНТОНОВИЧ.

12 мая 1920 года на Ходынском аэродроме во время учебных полетов трагически погиб красный летчик, ученик Московской школы авиации, Леонид Антонович Миллер.

Тов. Миллер—студент-медик, раньше занимал должность лекарского помощника в авиационном отряде. После Октябрьской революции он занимал ряд ответственных должностей, был комиссаром учебных заведений в Саратове, членом райкома и т. д. В Московской школе авиации тов. Миллер был председателем местной коммунистической ячейки, кроме того, он состоял членом Бутырского совдепа и работал во многих комиссиях.

Похоронен на Братском кладбище.

(«Комм. Труд», 15/V 20 г., № 45).

МОДЕСТОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ („ДАНИЛО“)

Добавление к вып. № 1
„Бр. Могила“, стр. 114.

Памяти С. В. Модестова.

I.

4-го апреля 1919 года умер Сергей Васильевич Модестов. Неутомимый работник—ветеран революции, он умер на своем посту, всего лишь за несколько недель до смерти оставив редактирование «Голоса Трудового Крестьянства», чтобы переселиться в санаторий, но и там не покидал пера до самого последнего момента. Умер, тревожась замыслами новых литературных работ, жадно просматривая газеты, зорким взглядом ученого и опытного марксиста следя за ходом событий.

Похоронили его в серый, незаметный апрельский денек, и за его гробом шла только небольшая кучка его друзей, свя-

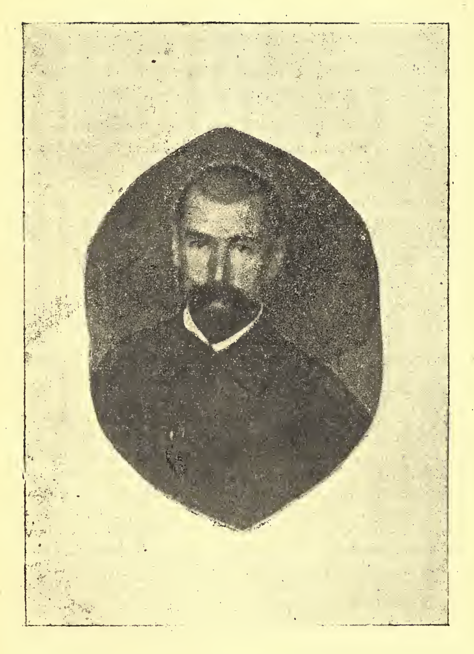
занных с ним душевными узами. Но было в этой бедной простоте его похорон что-то символическое, значительное. Точно последний загробный жест убежденного коммуниста, чуждого наружного, внешнего выставления своей личности.

В этом последнем смысле вся жизнь С. В. была такою же целостною, равно как и его личность. В революцию он ушел рано, почти мальчиком, едва вступив, по окончании Тверской семинарии, в число студентов Демидовского лицея. В 1902 г. его уже арестуют всего 19-летним юношей в Шуе за агитацию на местных фабриках и вслед затем, вплоть до 1905 года, он беспрерывно то работает в подполье, то вновь попадает в цепкие руки полиции.

1905 год бросает его в самое пламя вооруженной борьбы. Во время московского восстания его схватывают и приговаривают к расстрелу. Смелый побег из городского манежа, и вскоре новый арест по подложному паспорту. Два с половиной года тюрьмы, и в 1908 году С. В. попадает сначала в ссылку в Кемь, а оттуда бежит в Уфу на новую работу. Арестованный опять и осужденный—по процессу 22-х—на шесть лет каторжных работ без зачета предварительного заключения, он отбывает первые четыре с половиною года лишения свободы в Николаевской каторжной тюрьме, где заболевает под влиянием тяжких условий каторжного режима туберкулезом в тяжелой форме. Оттуда его переводят в Тверскую тюрьму и, наконец, в Сибирь.

Из Сибири физического калеку, влачащего за собою левую половину своего тела, пораженного туберкулезом, полузадушенного мучительным кашлем, вернула только февральская революция. И вот крупный организатор по таланту, он вынужденно берется за перо, чтобы продолжать служить делу пролетарской революции до конца в той области, в которой он еще чувствовал себя способным трудиться.

Но огромный политический опыт, знание жизни и колоссальная теоретическая подготовка, приобретенная им за годы пребывания в тюрьме и ссылке, принесли свои плоды, и статьи, подписанные С. Модестовым, С. Васильевым и Клементием (подпольное имя С. В.), не замедлили обратить на себя внимание. Как один из знатоков аграрного вопроса, С. В. во всеоружии глубоко усвоенного им марксистского метода с поразительными ясностью и тактом подходил к труднейшим злобам дня текущей земельной политики, раз'ясняя на страницах «Голоса Трудового Крестьянства» и отчасти «Красного Пахаря» широким крестьянским массам смысл новых реформ в области земельных отношений. С. В. умел, не поддаваясь увлечению крайностями, с поразительной логическою краткостью в своих статьях, более похожих по размерам на заметки, открывать широкие перспективы строительства социалистического земледелия, осуществляемого посреди сложнейшей

Модестов Сергей Васильевич.

обстановки, созданной старыми и новыми земельными отношениями в деревне. Централист по всему складу натуры и мышления, он превыше всего ставил обще-государственное понимание земельных задач при проведении в жизнь тех или иных форм землепользования.

О почившем нельзя сказать, что он был, например, исключительным сторонником с.-х. коммун или советских хозяйств. В общем плане коммунистического земледелия ему казались одинаковым злом, как нередко ограниченный групповой эгоизм коммун, так и стремление видеть в культурных хозяйствах панацею *) аграрного строительства. С другой стороны, трудовая артель, товарищество и даже некоторые формы единоличного использования земли представлялись ему вполне приемлемыми, если они не противоречили, с его точки зрения, общему плану государственного производства и распределения в широком масштабе. И не один раз, в пылу аграрной полемики, отрезвляюще звучал его голос, всегда логически неотразимый и подкрепленный научной эрудицией и знанием жизни.

Теперь этот голос замолк навсегда. Иным суждено поднять перо, выпавшее из его пальцев, жизнь пойдет дальше, и самые его писания, возможно, забудутся, потому что газетные статьи живут новизной. Новые темы заслонят старые вопросы. И самая личность С. В. отодвинется в область отдаленного воспоминания.

Перед этою скромною могилою, венчающей такую же скромную и беспритязательную жизнь неутомимого рядового борца, невольно хочется отрешиться от старых шаблонов оценки человеческого подвига. В эпоху, когда героизм делается достоянием широких масс, творящих величайшую в истории революцию,—революцию, ниспровергающую все устои ветхого мира,—не хочется говорить о героях-одиночках. И когда смотришь на дело именно с этой точки зрения, личность покойного С. В. вдруг загорается особым светом, озаряющим ее по новому изнутри. Это—свет идеи социализма, выдвигающей вперед, на первое место жизни, великое общее взамен гордых порываний отдельной личности, когда-то стремившейся безраздельно властвовать над миром. На смену героя-одиночки пришел новый герой социалистического коллектива, скромно и неприметно сливающий себя с тем делом, которому он служит. И, когда, по старой привычке, хочешь венчать этого героя, вдруг оказывается, что сам герой заявляет:

— Здесь нет меня. Здесь есть только моя идея, мое дело. Венчайте, если хотите, их.

---

*) Всеисцеляющее средство.

Именно так, заявляет почивший С. В., всею своею личностью, всею своею жизнью, всем своим внутренним духовным образом. Он был бы очень неприятно шокирован, если бы узнал, что кто-то собирается отмечать и ценить его «заслуги» отдельно от того дела, которому он служил. И, почти наверное, нашел бы подобное занятие ненужным и праздным. Менее всего, «юбилейный человек», он,—я живо это представляю себе,—убийственно улыбнулся бы над собственным хвалебным некрологом, если бы мог это сделать, и, вероятно, сказал бы:

— Однако, не мало вы извели, товарищи, чернил и типографской краски.

Кто близко и хорошо знал покойного С. В., тот наверное согласится со мною, что он сказал бы непременно именно так, и притом как раз в этих самых выражениях. Вот почему писать некролог по С. В. Модестову такая трудная задача, которая не укладывается никак в старые буржуазные рамки. Для этого необходимо выработать совершенно особенный, новый вид некролога, которого мы еще не знаем.

Я заканчиваю сейчас эти беспомощные, но вылившиеся из души строки и мысленно точно вижу над ними скупой и строгий синий карандаш милого почившего редактора. Что вычеркнул бы он отсюда и что оставил бы? Боюсь, что вместо всего написанного здесь, он поставил бы только простые и строгие слова:

— С. В. Модестов окончил свое жизненное поприще, добросовестно исполнив порученное ему его партией дело.

Да будет же так, и пусть эти короткие слова будут от лица редакции «Красного Пахаря», за которого он так болел душою, венком на его безвременную могилу.

М. С-гин.

(Журн. «Красн. Пахарь» № 4—5).

II.

По всяким делам обще-партийного характера от Московского областного бюро к нам (в Кострому) чаще других приезжал «Данило»—Сергей Васильевич Модестов. При имени «Данило» предо мною, как живая, встает смеющаяся физиономия семинариста Сережи, которого впервые увидела на конспиративной квартире в Твери в 1903 году. Через два года столкнулись мы с ним в Москве, при чем он с разными шуточками и прибауточками сообщил мне, что за это время успел посидеть в двух тюрьмах—Ярославской и Иваново-Вознесенской. Еще через год в Костроме передо мною уже был вполне сформированный крупный партийный работник, член областного бюро тов. Данило, напоминавший прежнего Сережу лишь своими любимыми шуточками.

В один из приездов в Кострому Данилы пошла я с ним на собрание в Посадский лес, где он должен был сделать нам доклад о положении дел в партии, и по дороге он меня вдруг спрашивает:—Ольга, вам очень трудно было залезать обратно в подполье после 1905 года? На мой ответ, что трудно, да не очень, Данило сказал:—Лично я бы этим делом совсем не затруднялся, кабы не ревматизм, кабы не больно было ходить по лесам, ведь нашему брату организатору при условиях подполья прежде всего нужны ноги, а потом уже голова,—не правда ли?

В 1907 году беспокойный Данило, исколесивший по собраниям своими больными ногами леса Костромской, Ярославской и Владимирской губерний, приехал с докладом в Москву в областное бюро, где и был арестован.

В 1908 году, по болезни и ходатайству матери, тов. Модестову предстояло отправиться, вместо ссылки в Сибирь, заграницу, но, несмотря на серьезную болезнь, Данило не поехал заграницу. Такие товарищи, как Данило, тогда слишком остро чувствовали громадный недостаток квалифицированных партийных сил, вследствие массового уже в тот период бегства интеллигенции из рядов партии, и Сережа вместо заграницы переходит на нелегальное положение и идет работать раньше на Урал, потом в Екатеринослав, а оттуда в Николаев, где его арестовывают, судят по 102 ст. и приговаривают к 6 годам каторги.

Болезнь—костный туберкулез—в это время сильно прогрессирует, Николаевская каторжная тюрьма, куда свозились со всей России туберкулезные политические каторжане, названная царским санаторием, довершает остальное. После четырех лет пребывания в этой страшной тюрьме организм тов. Модестова совершенно разрушается: по ходатайству родных, его переводят на родину в Тверскую тюрьму, где он медленно умирает в течение двух лет, а когда срок каторги уже закончен и когда наступает революция 1917 года, в Москве появляется старик-инвалид Модестов, в котором никому и в голову не пришло бы узнать прежнего Сережу. Однако, этот инвалид еще находит в себе силу приняться за работу, он становится редактором «Голоса Трудового Крестьянина», крестьянской газеты, но сил этих хватает на пару месяцев, хотя теперь бы уж можно работать головою, а не ногами, о чем тогда в Костроме только мечтал Сережа. Тов. Модестову было всего $36\frac{1}{2}$ лет, умер он в момент торжества великой пролетарской революции, на алтарь которой он принес все без остатка свои недюженные интеллектуальные и душевные силы.

(Из «Зап. рядового подпольщика».
Ц. Бобровской, ч. 2, стр. 31).

III.

Хороший организатор и практик в работе, С. В. Модестов в особенности умел подходить к крестьянам. По натуре человек мягкий и простой в обращении, он был весьма увлекательным оратором, близким и понятным для несознательных, тёмных людей.

Тов. Немчинов вспоминает случай в революционный 1905 год в Мытищах (близ Москвы), когда местной партийной организации не под силу стало справляться с горячей работой, и пришлось послать за агитатором в Москву. Приехал симпатичный, талантливый товарищ Данило. Его первое выступление в Мытищах перед рабочими состоялось на открытом месте в пустыре. После удачной, сильной речи рабочая молодежь подняла его на столе, с которого он говорил, и с восторгом понесла на руках на другое собрание.

После, в декабре 1905 года в Мытищах Данило стал частым и любимым рабочими оратором.

По приезде из сибирской ссылки в марте 1917 года С. В. Модестов поселился в Твери, где немедленно занялся газетной и журнальной работой. Кроме постоянного сотрудничества в Тверской «Газете Раб. и Кр. Деп.», организатором которой он был, посылал статьи в питерские и московские газеты.

Его статья под названием «Октябрьская революция и социализм» помещена в сборнике газеты «Голос Трудового Крестьянства».

Перу его принадлежат также следующие статьи:

«Деревня накануне революции», напеч. в «Вестн. Наркомземледелия», № 1-й 1919 г. и «Земельная политика Советской власти» (буржуазия и коммунистическая система народного хозяйства),—напеч. в журн. «Красный Пахарь», № 1, 2, 3.

После его смерти напечатана статья: «К вопросу о росте народонаселения при социализме» (в журн. «Красный Пахарь», № 4—5 1919 г.).

Кроме того, С. В. оставил 36 статей по аграрному вопросу в рукописях (все переданы женою С. В. М. в Народный комис. землед. тов. Митрофанову для использования) под следующими названиями:

1) Аграрный вопрос или социализация.
2) К организации производства.
3) Неотложная задача.
4) Использование рабочей силы.
5) Социализм и трудовое крестьянство.
6) Коммунизм потребления.
7) Электричество в кустарной промышленности.
8) Коммунизм и коммуны.

9) О политике Наркомзема.
10) К вопросу об управлении советских хозяйств.
11) Обобществление средств производства.
12) Два значения коммун.
13) Коммуны и советские хозяйства.
14) К годовщине московского восстания.
15) Обобществление с.-х. орудий и машин.
16) Коммунистическое житье и коммуна производств.
17) Классовая борьба в деревне.
18) Не вместо, а вместе.
19) Земельная политика Советской власти.
20) Улучшение в сельском хозяйстве.
21) Лукавые речи.
22) Коммуны и коммунизм.
23) Ответ тов. Мещерякову.
24) Защитник лево-эсеровского разгильдяйства.
25) Культурно-техническое переустройство сельского хоз.
30) Борьба с голодом.
31) К новой жизни.
32) Перед началом сезона.
33) Лесное дело.
34) Прибыльность и урожай.
35) В погоне за настоящей коммуной.
36) Коммуны—передовые борцы за Советскую власть.

Е. Л.

IV.

Выдержки из писем С. В. МОДЕСТОВА к его жене Ш. М.

1.

Тверь. 24-го ноября 1917 г.

Последнее время у меня было такое плохое настроение, что я даже не решался писать тебе, опасаясь, как бы оно не отразилось в моем письме.

Не скажу, что сейчас чувствую себя лучше. Но сейчас больше владею собой.

Основной мотив моих настроений определился на долгое время. Ни на одну минуту не могу я забыть, что вокруг меня творятся события, которые я старался подготовить всею моей жизнью и в которых теперь бессилен принять какое бы то ни было участие. Я чувствую себя, как белка из известной басни: бедняжка всю жизнь старалась из-за обещенного ей воза орехов и получила их тогда, когда у ней выпали зубы.

2.

Тверь. 28-го января 1918 г.

Я понимаю, что тебе и тяжело и обидно мое молчание, но я совсем выбиваюсь из сил. Только что освободился от судорог в левом боку, отнимавших у меня все свободное время, как случилась другая напасть—открыл Америку в одном из уголков аграрного вопроса. Разработка и пропагандирование этого открытия отнимают у меня массу времени. Я даже не успеваю прочесть всего мною написанного.

День проходит так. В половине десятого ухожу в редакцию, между 2—4 возвращаюсь совершенно разбитый. Тут начинается главная работа: нужно пить и есть, т.-е. сидеть несколько минут за столом, а потом писать и писать без конца. Каждые полчаса-час силы почти покидают меня, и я должен ложиться. Но едва лягу, как какая-нибудь новая мысль быстро взвинтит мою энергию, и я опять вскакиваю и бегу писать.

Но в общем, все это повышает для меня интерес к жизни... А это значит, что мое поведение вполне разумно. Не спорь, пожалуйста,

Может быть, ты все-таки смогла бы писать мне почаще, несмотря на мое молчание. Я же в этом смысле не могу дать никаких обещаний.

Написать письмо для меня значит—продлить муку сидения за письменным столом на несколько минут.

И потом мне очень трудно переделывать строй моих мыслей на лад корреспонденции.

Письмо С. В. МОДЕСТОВА из тюрьмы к родственникам.

12-го мая.

Дорогие родственники.

На днях меня посетили Забелин и наш доктор и оба говорили, что вы собираетесь хлопотать о моем помиловании.

Сообщение это до крайности расстроило и обеспокоило меня. Конечно, я не даю полной веры словам этих господ. Возможно, что они выдумали это просто для разговора. Но такие разговоры слишком оскорбительны для меня. И потом: дыма без огня не бывает—может быть, подобные намерения действительно поддерживаются в вас моими блудливыми доброжелателями. Не допускаю мысли, чтобы кто-нибудь из вас был виновником распространения подобных слухов: мне кажется,

что мое нежелание и отвращение к ходатайствам этого рода высказано достаточно определенно.

Убедительнейше прошу оставить эти оскорбительные намерения, противодействовать распространению соответствующих слухов и не позволять себе никаких разговоров на эту тему.

Поймите, что это меня оскорбляет. Я хочу жить так, как я хочу. И ничьего вмешательства в мои личные дела не допущу. Конечно, есть люди, считающие меня жертвой общественного темперамента. Чорт с ними: пусть думают, что хотят: если я—жертва, то только своего собственного характера. И я не могу быть иным, чем есть, не покушаясь на свою личность.

А советчиков гоните к чорту. Это—люди с нечистой совестью, ищущие оправдания своей действительной или мнимой слабости. Они считают меня занозой в их душе. И думают, что успокоятся, если перекрасят меня в тот же цвет оппортунизма, в какой сами вымазались. Они говорят обо мне самоуверенным тоном только для того, чтобы маскировать собственную слабость и ничтожество. Мне до них нет никакого дела. Не допускайте же, чтобы и они вмешивались в мои дела.

Дорогие, милые, не оскорбляйте меня, не портите наших отношений: мне так хорошо с вами.

С.

МОСАЛЬСКИЙ ВАСИЛИЙ.

Тов. Мосальский родился в рабочей семье ткача в Орехово-Зуеве, там же он вырос, окреп и стал революционером. Я встретился с ним еще в 1905 году, когда мы вместе учились при фабрике бывш. С. Морозова—ему было тогда не больше 12—13 лет. По окончании школы мы с ним расстались, и я его совершенно потерял из виду до 1914 года, хотя он жил здесь в Орехове и работал на фабрике ткачем. Вот какие причины нас заставили опять встретиться. В 1914 году я вступаю в местную партийную организацию большевиков. Это было накануне самой войны недели за две—атмосфера была накалена, царское правительство шло в наступление против рабочего движения. Встреча моя с тов. Мосальским произошла при следующих обстоятельствах: было назначено мне свидание с товарищами через одного местного партийного рабочего, вечером, в летнем парке. Подходя к парку, я увидел тех, кого мне было надо. Среди них был и тов. Мосальский. Мы сначала друг друга не узнали—за 10 лет мы оба сильно изменились, он был теперь высокого роста, глаза его смотрели смело, открыто и вдумчиво. Когда мы заговорили о нашей работе, он произвел на меня сильное впечатление своей смелостью. Но недолго опять мне пришлось быть с ним: начинается война, и его мобилизуют. Он идет в армию, но не за тем, чтобы умирать за интересы

буржуазии, нет, он пошел туда, чтобы и там высоко держать знамя большевизма, знамя революции рабочего класса. Попав на фронт в самый момент наступления нашей армии, он начал там говорить открыто о ненужности этого наступления, бессмысленности этой войны и т. д.—и был пристрелен без всякого суда офицером этого полка. Так окончилась жизнь молодого революционера. Вот все то немногое, что я мог написать о нем.

Мир праху твоему, тов. Мосальский, спи спокойно, мы оставшиеся, будем продолжать борьбу, за которую ты так мужественно погиб.

С. Зрячкин.

Н.

НАСИМОВИЧ ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ („Сергей").

В селе Тасееве, Канского уезда, Енисейской губ., 1 октября 1910 года умер ссыльно-переселенец Федор Федорович Насимович. Покойному было 23 года. С ранней юности отдал себя Насимович на служение и борьбу за пролетарское дело, вступив в ряды Рос. С.-Д. Р. Партии. В Енисейскую губ., в ссылку он прибыл 1 декабря 1909 года, а в конце августа 1910 года заболел тифом. Товарищи перевели Насимовича, несмотря на некоторый риск, из места водворения в селю Тасеево, в больницу, за 60 верст. Там при нем были организованы дежурства. Одно время кризис, казалось, миновал, но организм был слишком истощен, нервная система была слишком расшатана,—и на 5-й неделе болезни Насимовича не стало...

Все, кто знал и встречался с покойным, навсегда сохранят о нем самые лучшие воспоминания. Он был отличным товарищем и отзывчивым другом. Вопреки всем неблагоприятным условиям своей жизни, он очень много читал, расширил свое образование и обладал солидным запасом знаний, особенно по общественно-экономическим вопросам и рабочему делу.

Федор Федорович был «большевиком», и, несмотря на его молодость, имя его (одна из последних его кличек—«Сергей») не безызвестно в широких партийных кругах. Родился Насимович в Нижнем Новгороде, в бедной семье. Рано потеряв отца, он провел безотрадное детство и отрочество, живя по чужим людям. Мать стала зарабатывать себе пропитание стиркой и поденной работой. Еще будучи учеником Нижегородского городского училища, Насимович участвовал сначала в интеллигентских, а потом и в рабочих партийных кружках. Приблизительно с 1904 года он работал в Москве, как пропагандист и организатор, выступая иногда и агитатором. Одновременно он окончил там и одногодичные электротехнические курсы, имел в виду занять в будущем место монтера, или вообще работать в

этой отрасли труда. Ко времени первых революционных выступлений пролетариата в октябрьско-декабрьские дни Насимович был организатором в железнодорожном районе, где проявил энергичную деятельность. В декабре 1905 г. он уже состоял в боевой дружине и участвовал в известном эпизоде, когда под Москвой поезд дружинников под начальством машиниста Ухтомского подвергался обстрелу из пулеметов со стороны правительственных усмирителей, но все-таки успел проскочить под градом пуль... Скоро после Москвы Насимович переехал в Петербург, в 1906 году. Здесь он, между прочим, пробовал свои литературные силы и поместил в одной из рабочих газет 2—3 удачных статьи.

В то же время он работал и в с.-д. Петербургской военной организации, но не долго. Летом его арестовали, он просидел несколько месяцев в «Крестах», но за отсутствием улик, был освобожден. С этого времени Насимович решил продолжать работу в военных организациях. Он посетил Москву и другие города и весною 1907 года стал военным организатором при Севастопольском комитете. Он восстановил связи с казармами и упрочил организацию в некоторых частях Севастопольского гарнизона, как во флоте, так и в армии. В Севастополе работали тогда и соц.-рев. В сентябре месяце они, оценивая момент по своему, решили начать восстание гарнизона, подняв Брестский полк. Насимович, как представитель Севастопольского Комитета Р. С.-Д. Р. П., настаивал на невозможности такой тактики при данных условиях, но восстание было решено. В назначенную ночь Насимович был в Белостокском полку, где существовала более или менее прочная с.-д. организация. В виду создавшегося положения было принято поднять полк. в случае, если встанет соседний, Брестский полк, и пошлют Белостокский полк на усмирение. Но восстание в ту же ночь не состоялось. Однако, скоро был назначен другой срок. Насимович снова явился на свой пост. Ночью, переодетый солдатом, он пробрался в казармы. Было поздно, нижние чины спали. Еще никто из организации не знал о новом сроке. Рискуя каждую минуту быть узнанным и задержанным, Насимович прошел вглубь казармы и успел вызвать двух сознательных солдат и сообщить им о положении дела. Восстание Брестского полка должно было произойти в 4 часа утра, сигналом был назначен взрыв бомбы. Вот пробило 2, 3 и 4 часа. Ничего не слышно! Пробило 5. Попрежнему тихо. Опять не состоялось?!.. Скоро все проснутся, надо исчезать,—быстро направляется он мимо Брестского полка. Вдруг—треск и гром выстрелов, барабанный бой, смятение, крики... Затем снова—залп, другой—и тихо. Из казармы вышли две роты с офицерами в строю... Раздалась команда, и ее исполнили... Насимович следил издали, из-за угла... Что же это?! Была вспышка и подавлена?—оче-

видно.—Проскакал верховой, забегали солдаты... Насимович понял все, стремительно двинулся к бульвару, где у него в кустах было спрятано штатское платье, мигом переоделся и бросился извещать товарищей...

Дня через два после описанного происшествия, когда Насимович хотел оставить Севастополь, его задержали. Было установлено, что у него чужой паспорт, и его отправили по этапу на родину, в Нижний-Новгород, причем, ему пришлось очень долго просидеть в Севастопольской и Московской пересыльных тюрьмах и вынести все невзгоды тяжелого зимнего пути. Отбыв в Нижнем наказание, Насимович прибыл в первых числах января 1908 года в Петербург. Здесь он снова начал работать в военной организации, которая переживала тогда острый кризис в виду отсутствия средств и необходимого контингента работников. Насимович вошел в сношения с центральными учредителями партии и при его участии в феврале при Ц. К. было положено основание центральному бюро для содействия военным организациям, куда представителем от Петербургской военной организации вошел он и еще один товарищ. В марте месяце в Петербурге, особенно на Петербургской и Выборгской сторонах, были произведены большие аресты, в общем до 80-ти человек. Арестовали и Насимовича. Вскоре был создан «процесс 38» по делу о Петербургской военной организации РС-ДРП. В сентябре 1909 г. Петербургский военно-окружной суд приговорил 11 из подсудимых к каторге на разные сроки, а остальных—к ссылке на поселение, причем Насимович получил 2 года 8 месяцев каторги. Но затем, при конфирмации приговора, каторга всем была заменена поселением.

В последнее время своей жизни в ссылке Насимович был усиленно занят приисканием заработка. Он хотел собрать необходимую сумму для побега в Россию, чтобы снова стать на партийную работу, под красное знамя пролетариата. Но смерть решила иначе... Пусть же память о нем долго живет среди товарищей...

(«Соц.-Дем.», № 21—22, 19/III—1911 г.).

НИКИФОРОВ ЛЕВ ЛЬВОВИЧ („Дмитрий Иванович“).

Добавление к вып. № 1
„Бр. Могила“, стр. 122.

Памяти товарища.

Умер Лев Львович Никифоров. Никофоров—член Московского окружного комитета и член редакционной комиссии органа МОК «Борьба». Лев Львович работал в партии с самого ее возникновения.

Не раз царское правительство пыталось сломить его преданность рабочему делу. Покойный Лев Львович провел много лет в тюрьме и был в ссылке в Якутской области.

Невыносимые условия тамошней ссылки вызвали геройский вооруженный протест 51 ссыльного (известное Романовское дело), в котором Лев Львович принимал горячее участие. После этого он бежал из Сибири, и со всем пылом бросился снова в самую гущу пролетарской борьбы.

Неутомимый и энергичный Лев Львович принимал горячее участие в работах Московской окружной организации под именем Дмитрия Ивановича.

Он был бессменным членом окружного комитета, постоянным членом литературной комиссии, членом редакции «Борьба», в которой писал руководящие статьи, пропагандистом-руководителем высших кружков. Служение рабочему делу доставляло Льву Львовичу много неприятностей по службе в качестве земского ветеринарного врача. Незадолго до смерти, он был уволен со службы черносотенным председателем управы—Рихтером. Но забота о куске хлеба не могла заставить его оторваться от партийной работы.

Из его семьи не один он был стойким революционным борцом: один его брат повешен, другой—не дождавшись смерти от руки царского палача, сам сжег себя в Таганской одиночной тюрьме. Вся жизнь покойного Льва Львовича была непрерывной борьбой, служением идее социализма.

(«Борьба» № 7, сентябрь 1907 г.).

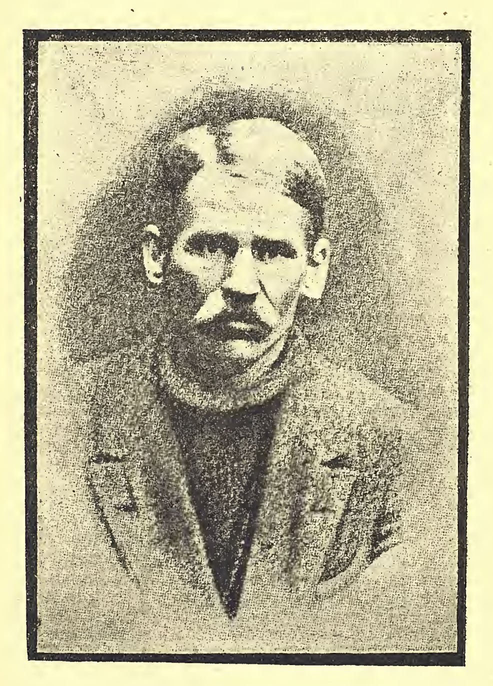
НИКОЛЬСКИЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ (Николай).

Член президиума центрального комитета Всероссийского союза рабочих металлистов, А. А. Никольский известен не только в широких кругах работников союза, но по всей советской республике.

Как активный работник и один из первых организаторов международного об'единения революционных металлистов, тов. Никольский был известен многим работникам из западных европейских союзов молота и горна. 20 лучших лет своей жизни он отдал делу освобождения рабочего класса.

С первых дней сознательной юношеской жизни примкнувший к революционному рабочему движению, еще на заре этого движения, в начале девятисотых годов, он неразрывно и навсегда связал свою судьбу с судьбою борющегося пролетариата. В с.-д. движении тов. Никольский принимает участие с 1903 года. Он с головой уходит в тяжелую, полную лишений и опасностей жизнь подпольщика, и с тех пор ни на час не уходит с своего поста.

Революция 1905 года застает тов. Никольского в Екатеринославском районе, где он руководит социал-демократической организацией. Он в то время был уже одним из любимейших ораторов южных рабочих, и, пожалуй, еще сегодня, спустя

Никольский Александр Алексеевич.

17—18 лет, можно на Еранском заводе найти «старика», который помнит тов. Николая (так звали в то время т. Никольского.

В 1906 году царские опричники забирают его на южной конференции Р. С.-Д. Р. П. (в Харькове) в свои цепкие лапы, долгосрочная ссылка забрасывает его в далекую Сибирь, в Енисейскую губ., но тов. Никольский не принадлежит к числу людей, которых тюрьма и ссылка в состоянии сломить: он бежит из сибирской тайги заграницу и работает на французских машиностроительных заводах в качестве слесаря. Но не может он крепко усесться на чужбине. Его тянет назад, в Россию, туда, где идет непримиримая борьба рабочего класса с царскими палачами и капиталистами. Он возвращается назад в Россию и снова весь отдается революционной борьбе.

Новый арест приводит его на сей раз на каторгу: 4 года отсиживает он в каменном мешке Александровского централотсиживает он в каменном мешке Александровского централа, а затем... опять ссылка в Восточную Сибирь в Иркутскую губ.

Революция 1917 года освобождает тов. Никольского из ссылки. Сразу же он избирается первым председателем областного Совета Рабочих Депутатов, затем в центральной России и на юге, на Украине ведет ответственную политическую и хозяйственную работу.

В начале 1921 года он снова в Москве и в рядах союза. Начинается новая полоса в жизни республики Советов и в развитии рабочего движения. Александр Алексеевич ведет ответственную руководящую работу по организации рабочей кооперации среди металлистов. Затем новая экономическая политика, общая перестройка союзной работы, тарифно-экономическая работа союза выдвигается в центр общесоюзной работы.

Здесь надо уже не только желание обслуживать запросы об'единяемых масс, здесь надо знание политико-экономической кон'юнктуры, правильность оценки, ясные методы и выдержанная линия.

Вместе с лучшими и наиболее опытными работниками Ц. К. союза тов. Никольский ведет эту работу, и опыт этой работы, влияющий не только на положение рабочих металлистов, но и на выравнивание хозяйственной работы металло-промышленности, является образцом для других, для всего российского профессионального движения.

Старый участник рабочего революционного движения, член РКП ((большевиков), прошедший суровую школу революционного подполья, одинаково бодрый и в победах, и в поражении, он через всю свою недолгую, но богатую, содержательную и красивую жизнь, пронес неутомимую революционную энергию и ясный разум.

Твердость и решительность в проведении намеченной линии, твердая воля и неиссякаемая, хлещущая через край

энергия,—вот те редкие качества, которые всегда и во всем сквозили у этого испытанного борца революционера.

Надломленный тяжелой болезнью он только тогда ушел от работы, когда недуг свалил его в постель. Но и больной, уже обреченный, за несколько часов до смерти, он оставался бодрым.

Умер А. А. Никольский 8 декабря 1922 года.

В смерти Александра Алексеевича не только Ц. К. металлистов, но и весь рабочий класс революционной России понес большую потерю. Еще один из немногих ветеранов революционного пролетарского движения безвременно сошел в могилу.

Спи спокойно, дорогой друг. Твою бодрость, твою бесконечную энергию и твою твердую волю к победе мы пронесем до конца нашей борьбы.

Твое имя борющийся и побеждающий пролетариат не забудет. Он присоединит его к дорогим ему именам боровшихся и павших в борьбе.

(Сост. по ст. из „Рабочей газеты“ № 238 —1922 года и по некрологу **Е. Шап.**).

НОВИКОВ БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ.

Тов. Новиков, Борис Алексеевич, родился в 1897 г., в июле месяце, в Москве. Родители его были бедные мещане. Имея стремление к знанию, тов. Новиков при условиях не ахти хороших сумел получить среднее образование. По окончании учебного заведения он был взят в ряды старой армии. Тут он получил военное образование в школе прапорщиков запфронта, окончив которое, в августе 1917 года до самых октябрьских дней работал в старой армии.

После Октябрьского переворота, тов. Новиков не последовал примеру большинства старых офицеров, перешедших на сторону врагов революции, а вернулся в Москву, дабы передохнуть и подкрепить свои силы для предстоящей борьбы рабочего класса за октябрьские завоевания. В июле 1918 года тов. Новиков был призван в ряды нашей доблестной Красной армии на должность взводного командира пулеметной команды. Показав всю преданность Советской власти, тов. Новиков стал быстро получать повышения по должности. Спустя месяц, он был помначальника пулеметной команды, а еще через месяц—начальником ее.

В 1919 году был назначен наблюдающим за пулеметной командой и командой полка. В это время он пришел к заключению, что мало быть рядовым защитником Советской власти, но надо быть и идейным руководителем рабочих масс. 1 января 1919 года он вступил в ряды нашей коммунистической

семьи. Тут он еще больше отдается делу, еще энергичнее защищает октябрьские завоевания. Будучи примером неутомимости среди красноармейцев, он принимал активное участие и в их воспитании. В сентябре 1919 года он был назначен командиром оружейно-пулеметного парка 53 бригады.

За всю бытность свою на боевом посту защиты Советской власти тов. Новиков участвовал все время на фронтах в боях. В ноябре 1918 года участвовал в боях под Камышином м. Оргеда, Н. Коробки, Котово. 5 декабря был окружен противником, силы которого далеко превосходили силы, врученные тов. Новикову, но, не падая духом, твердо веря в наши завоевания, тов. Новиков выбился из кольца противника. Здесь был проявлен пример геройства. Многие красноармейцы сознательно и бессознательно оставляли поле битвы. Новиков сумел удержать товарищей красноармейцев и вышел победителем. Участвуя 19 декабря в боях под м. Котово, разбил наголову противника и преследовал его до Усть-Медведицы, Донской области. Преследование продолжалось до 1-го февраля.

В феврале был переброшен вместе с полком на северный фронт под Архангельск, где участвовал в боях против англичан, американцев, французов и других белогвардейцев по 1-е апреля 1920 года. 10 апреля того же года отправился на западный фронт, где принимал деятельное участие против белополяков, и был интернирован в Германию. По возвращении из Германии, проработав в области укрепления Красной армии Петрогр. В. О., т. Новиков в марте 1921 г. был переброшен в М. В. О. и попал в наш учебно-образцовый полк, где был назначен начальником пулеметной команды. Тут я близко узнал тов. Новикова, он исполнял свои обязанности образцово. Максимум внимания уделял партработе. Много пользы принес не только полку, но и всему московскому гарнизону своей работой в губтройке по укреплению Красной Армии (неделя достояния красноармейцев). Работал по из'ятию церковных ценностей в Рогожско-Симоновском районе. Всегда был образцовым исполнительным членом ячейки. Много уделял внимания воспитанию красноармейских масс. В марте 1922 года, кроме основной должности начальника пулеметной команды, был назначен наблюдателем за всеми командами с правами комбата. В мае тов. Новиков выбыл вместе с отправлявшимся отрядом Учебно-образцового полка в Бухару против организованных банд Энвера-паши, покушавшихся на молодую Советскую Бухарскую республику, дабы восстановить власть Бухарского эмира (царя) и удовлетворить деспотическим проискам английского капитализма.

Тут приходилось работать в самых невыносимых условиях: жара, достигающая 50—60°, совершенно новые, незнакомые жителю севера, климатические условия, болезни, банды басма-

чей заставляли быть сверх-героем. Т. Новиков не обращал внимания ни на какие трудности, героически сражался за права трудящихся Бухары, неоднократно рисковал жизнью, идя на выручку оторванных частей отряда. Благодаря героизму и твердой вере в правоту дела, выходил со своей частью победителем. Не пуля басмача сразила дорогого товарища Новикова, члена нашей коммунистической семьи, но организм его не выдержал в борьбе с климатическими условиями. Он заболел малярией и дизентерией. Когда тов. Новиков попал в госпиталь, то он думал не о том, чтобы скорее вернуться на родной север, а с нетерпением ждал конца болезни, дабы скорее попасть в дорогую среду красноармейцев и бороться до конца с врагами рабочего класса.

При отсутствии медицинской помощи, надломленные за время войны силы не выдержали, и тов. Новиков скончался, не дождавшись конца бойни с басмаческими бандами Энвера-паши.

Член нашей ячейки, т. Новиков погиб, но, как ни печально это, отрадно сознание, что умирают наши товарищи в борьбе за лучшее будущее, стоя на боевом посту. Пусть помнят все враги Советской власти и Коммунистической партии, что мы крепко держим наше Красное Коммунистическое знамя, и пролетариат организуется, неся последний удар насквозь прогнившему капитализму.

Спи, дорогой товарищ. Мы, оставшиеся, клянемся завершить начатое вместе с тобой дело.

М. Кириллов.

НОВИКОВ НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ.

20 января 1922 года от паралича сердца скончался заместитель директора Фармазавода № 12 член РКП Николай Степанович Новиков. Покойный происходил из дворовых безземельных крестьян Тамбовской губернии, Козловского уезда; с 16 лет он поступил на фабрику Богородско-Глуховской мануфактуры, где проработал до 1907 года. С 1907 года поступил на главный склад т-ва «Р. Келлер и К»» в качестве сторожа и потом рабочего-отправителя. В этой должности проработал до февральской революции. С первых дней революции принимал деятельное участие в организации рабочих, с первых же дней был избран в комитет рабочих и работал до Октябрьской революции товарищем председателя комитета. После Октябрьской революции были организованы Центральная контрольная комиссия и Центральный Исполнительный Комитет рабочих и служащих, об'единяющий всю фирму т-ва «Р. Келлер и К°».

Тов. Новиков в ЦК и ЦКК рабочих и служащих занимал должность тов. председателя и в то же время был членом Мо-

сковского Совета и районного Совета, где работал совместно с тов. Усиевичем, он был также и членом правления союза парфюмеров.

По слиянии союза химиков с парфюмерами тов. Новиков был избран членом правления союза химиков и центрального комитета союза химиков.

В 1918 году союзом химиков он был назначен членом заводоуправления Невского стеаринового завода, где проработал около года со спецем Пульманом. В партийную мобилизацию тов. Новиков был мобилизован на южный фронт, где работал политруком в воинских частях гор. Харькова и других городах. Пробыв на фронте около года, он откомандировался в Москву в распоряжение ЦК химиков, который командирует его на завод № 12 рабочим, где вскоре после поступления, на общем собрании избирается членом ячейки содействия РКИ, затем в завком и после назначается заместителем директора, в каковой должности он пробыл только 2 месяца. Тов. Новиков при приходе на завод № 12 застал там полное гнездо меньшевизма, но, благодаря его деятельности и популярности, настроение у рабочих быстро меняется, и меньшевики испарились с предприятия.

О популярности и энергии тов. Новикова свидетельствуют выборы его от рабочих в члены содействия РКИ, в завком, в заводоуправление, а также его кандидатура была выставлена в члены Моссовета по инициативе делегатского собрания (беспартийных), но смерть помешала ему быть представителем рабочих своего предприятия в Моссовете. абричный клуб называется «Имени Новикова Н. С. и Ларюкова».

Д. Никонов.

Парфенов Михаил Михайлович.

П.

ПАРФЕНОВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ.

Тов. Парфенов родом из деревни Быково, Буйгородской волости, Волоколамского уезда, Московской губернии, сын крестьянина, родился в 1892 году.

Начиная с 14-ти лет до призыва на военную службу (в 1913 году), работал ткачем на фабрике бр. Камраковых при деревне Быкове. За время войны был ранен и полтора года пролежал в лазарете. Сразу после отпуска (бессрочного), предоста-

вленного ему в виду ранения, в июне 1918 года вступает в ряды Рабоче-Крестьянской милиции. Являясь примерным товарищем и одним из сознательных защитников Советской власти, в январе 1919 года был принят в ряды Р. К. П. (большевиков) Волоколамской организацией. По партийной мобилизации в июне 1919 года, вместе с другими товарищами был направлен через ПУР на южный фронт. Окончив политкурсы и являясь политруком сводного пулеметного отряда, был убит во время боя при защите подступов к Туле.

Щербаков.

ПРОХОРОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ.

Это еще совсем юноша—20 лет. Он родился в 1897 году, сын рабочего-ткача Раменской фабрики, с 1906 года принимавшего близкое участие в революционной работе.

Окончив начальную фабричную школу, Вася поступает хлебопеком на Раменскую фабрику. Конечно, он еще беспартийный, потому что слишком молод.

Но наступает 1917 год, и он с головой бросается в революционный огонь. Вступает в партию. Во время гражданской войны идет по партийной мобилизации на южный фронт, вступив добровольцем в 1-й Моск. Губернск. Революционный полк. Там попадает в плен к Деникину, но из плена уходит и снова находится в рядах Красной Армии, в разведочном отряде, под командой тов. Вас. Дм. Носова (теперь председателя профсоюза в Орехове). Посланный однажды с другими товарищами в разведку, тов. Прохоров ехал верхом на лошади впереди.

Прохоров Василий Васильевич.

Вдруг неожиданно попал в засаду, произошло временное замешательство, не то упала лошадь, не то он сам упал, этим воспользовались белогвардейцы, напали на него втроем и зарубили на смерть.

Добавление к вып. № 1.
Бр. Могила, стр. 132.

ПРЯМИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ.

Вернувшись из ссылки в июле месяце 1917 года в Рогожско-Симоновский район, я встретил в районе довольно крепкую организацию социал-демократов (большевиков), возглавляемую тов. Землячкой (Самойловой) и тов. Свободиным, затем следующим, игравшим заметную роль в организации, был тов. Прямиков.

Тов. Прямиков—молотобоец с завода Колючей проволоки, находящегося в Сыромятниках. На долю тов. Прямикова выпала завидная роль быть первым большевиком председателем райсовета (с августа месяца 1917 года), когда настроение рабочих переломилось в нашу сторону. В дальнейшем, влияние тов. Прямикова продолжало усиливаться, и он пользовался популярностью и авторитетом у всех, сталкивавшихся с ним. В конце августа месяца он, тов. Салько и Муся приступили к организации Красной Гвардии в районе и к ее обучению и вооружению.

В Октябрьские дни тов. Прямиков—председатель Военно-Революционного Комитета и ведет громадную организационную работу по борьбе с белыми, а по окончании борьбы, переносит все свое внимание на организацию отделов райсовета. Любимым коньком было у тов. Прямикова уничтожение всех калибров бандитов, расплодившихся к тому времени в громадном количестве. В его распоряжении тогда находилась вся административная власть в районе, и он был во главе административного отдела.

Ценность натуры тов. Прямикова заключалась в том, что он, будучи красноречивым оратором, в своих выступлениях твердо и веско, без болтовни, проводил партийную линию. В организационной работе, свалившейся на его плечи после перехода власти в руки рабочих, он всегда пролетарским чутьем находит верный путь решения вопроса, наиболее выгодный для рабочего класса. В лице тов. Прямикова район потерял, если не теоретического, то практического с громадной волей вождя. На каждое новое дело, требовавшее быстрой организационной работы, обыкновенно назначается тов. Прямиков.

Перед своею смертью он был назначен председателем тройки по организации Красной Армии (декрет 23/II 1918 г. об организации Красной Армии), но ему не пришлось развернуть свою работу в этом направлении. 3 марта 1918 г. при облаве и аресте бандитов в Бутырках, он был смертельно ранен в жи-

вот. Доставленный в больницу, он был очень спокоен и шутливо относился к своему ранению. Скончался он через несколько часов после ранения. Так погиб 25-ти лет первый председатель Рогожско-Симоновского Совета, пробывший на этом революционном посту с августа 1917 года и до марта 1918 года. С 1917 года по день смерти он был непрерывно членом райкома.

В память тов. Пряникова Андроньевская площадь была переименована в площадь имени Пряникова. Затем его именем назван летний советский районный сад и клуб при бойнях (союза пищевиков).

Ф. Н. Мельников.

Р.

Добавление к вып. № 1
„Бр. Могила", стр. 135.

РУСАКОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ.

I.

И. В. Русаков—один из крупнейших безвременно погибших работников, выдвинувшийся в Сокольническом районе Москвы. Считаем своим долгом поделиться биографическими сведениями о нем и своими воспоминаниями о его революционной деятельности.

И. В. родился на станции Подсолнечная Николаевской жел. дор. в 1877 году, и вырос в многочисленной семье своего отца, бывшего крепостного крестьянина, под Тверью, на ткацкой фабрике Залогина. Выкупившись у помещика незадолго перед падением крепостного права, его отец начал карьеру свободного человека простым ткачем на подмосковных карликовых фабричках (в Черкизове, в Подсолнечном и др.), за ткацким станком выучился грамоте и быстро продвигался по административной лестнице в ткацком деле, тогда сильно шагнувшем в России, вплоть до поста управляющего фабрикой Грегори на ст. Подсолнечная и затем фабрики Залогина под Тверью. Отец прогорел на чуждом для него собственном торгово-промышленном зеркальном деле перед русско-японской войной и после этого жил на средства своих старших сыновей, в том числе и И. В.

В 1895 году И. В. окончил курс Тверской гимназии и в том же году поступил на медицинский факультет Московского Университета; за участие в студенческих беспорядках в 1899 году был исключен из него и не попал в солдаты только из-за физического недостатка, в 1900 году был вновь принят на тот же факультет и окончил его в 1901 году, для специализации прикомандировался к детской университетской клини-

ке, в 1902 году поступил ассистентом-врачем в Московскую детскую больницу св. Ольги, а с 1904 г.—вторым врачем в Ростокинскую земскую больницу.

С конца лета 1905 года И. В. начал принимать активное участие в революционной работе в качестве члена Р. С.-Д. Р. П. во фракции большевиков, куда был введен по рекомендации тов. Первухина, ныне заведующего здравотделом Петербургского Совета Р. и К. Д. В конце декабря 1905 года И. В. был арестован, просидел в Бутырках до февраля 1906 года и подвергся высылке в гор. Ялуторовск, Тобольской губ. (ныне Тюменьской) на три года, со всей своей семьей, где добывал средства к существованию частной медицинской практикой и завоевал большую популярность и любовь всего окружного крестьянского населения.

В 1909 году И. В. вернулся в Москву, работал в частной лечебнице, сильно бедствовал, и только в конце 1909 года поступил врачем в одну из московских городских амбулаторий. Одновременно он принимал активное участие в комиссиях Пироговского общества врачей, ставши с 1910 года секретарем. а затем и одним из редакторов журнала общества «Общественный Врач», формально членом партии не состоял, но идейно с ней не порывал, и с самого начала империалистической войны 1914—1918 г.г. был ярым противником последней.

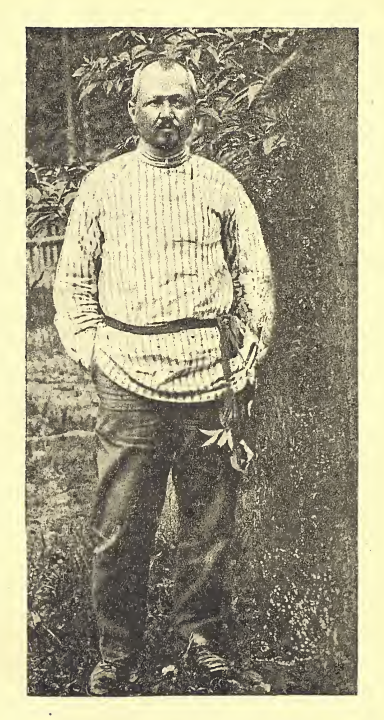
С подрастанием детей у И. В. развивается живой интерес к педагогическому делу, он весь уходит в педагогическую литературу, в искания новых педагогических путей, сталкивается с такими же искателями среди московской интеллигенции (Зеленко и др.), и сам, как школьник, увлекается экскурсированием вместе с детьми.

Заветной его мечтой была именно непосредственная работа среди детей и подростков, создание для них такой обстановки, взамен установившейся казенной школьной, при которой ребенок учился бы, творя, не отрываясь от действительной окружающей обстановки.

С началом февральской революции И. В. весь ушел в партийно-советскую работу. Ни одна кампания в районе не обходилась без него. Его энергия хлестала через край и заражала других. Везде и всегда он—на передовых постах.

И. В. не брезгал никакой работой, хотя бы самой маленькой. Помнится, как он, согласно постановления райкома, в ночь с 24 на 25 июня до самого утра собственноручно расклеивал по улицам района предвыборные воззвания по выборам в Московскую Центральную Городскую Думу.

В дни керенщины Иван Васильевич вел неустанную работу по борьбе с меньшевиками и эсерами: выступал на различных рабочих собраниях и в райсовете от имени фракции большевиков, котсрая насчитывала тогда не более 7 человек.

Иван Васильевич Русаков.

Перед Октябрем избирается в члены исполкома райсовета. В октябре—он член ревкома в районе.

Его политическая активность достигла своего кульминационного пункта накануне Октябрьских дней и в самые эти дни, в которые он был одним из членов районного ревкома.

С таким же энтузиазмом он отдался и работе в районной Думе и Управе, в роли председателя последней, а затем и в райсовете тотчас после роспуска дум, когда он был избран его председателем. Вся кропотливая организационная работа и в Управе и в Совете вынесена была им на своих плечах.

Ни на шаг не отходил И. В. и от активной партийной работы в районе. И не мало его мыслей и организационных предложений, впервые проводясь в районном масштабе, вскоре захватывали всю московскую организацию. Так было с его идеей военно-партийного обучения, с его планом устава московской организации, базирующимся в районе на так называемом делегатском собрании и т. д. И вообще инициатива его была неиссякаема.

С лета 1919 года И. В. забирают для работы по Наркомздраву и осенью направляют инспектировать санаторное дело на южном и юго-западном фронтах. Во вторую половину зимы 1920 года он возвращается в Москву, становится активнейшим членом коллегии МОНО, а затем и заместителем заведующего. Здесь он целиком погружается в свое любимое дело народного образования.

Им была проделана в МОНО большая работа. Около И. В. сгруппировались лучшие специалисты народной школы.

Но расхождение с Наркомпросом в вопросах организации школьного дела вынудили его оставить работу по народному просвещению.

Измученный напряженнейшей работой, И. В. несколько раз пытался отдохнуть, получая отпуск, но не выдерживал режима покоя и прерывал эти отпуска. Так случилось и в Кронштадские дни. Все мы в районе неожиданно узнали, что он выпросился добровольцем на Кронштадтский фронт. Здесь он сражается в передовых рядах, и, после взятия части города, из'являет желание быть военным комиссаром Морского госпиталя и направляется для осмотра тюремных больниц. И. В. пошел... Во время осмотра списков больниц, к нему подошли 5 матросов и спросили, коммунист ли он. Получив утвердительный ответ, они заявили, что он будет расстрелен, и повели к коменданту (территория тюремного госпиталя находилась еще в руках мятежников). Тов. Русаков со свойственным ему спокойствием ответил: «Что-ж, стреляйте. Меня вы расстреляете, а коммунизм—никогда».

Это было 18 февраля 1921 г. Его простреленное несколькими пулями тело было привезено в Москву и погребено на Братской могиле на Красной площади.

Тов. Русаков чутко отзывался на все нужды товарищей рабочих. В тяжелые минуты он всегда был первым в райкоме; нет того места и завода, где не бывал тов. Русаков. Рабочие Сокольнического района знают тов. Русакова, как исключительно преданного делу революции, что он доказал своей героической смертью.

В революционной обстановке И. В. забывал о своей личной жизни. В голодные дни он сидел буквально на одной картошке и свекле. Его страдалица-жена иронизировала над собой, что она мечтает о кусочке сахара, и умерла от туберкулеза легких. Дети тоже были кандидатами на чахотку. И себе он отказывал во всем. И среди нас почти никого не нашлось, чтобы остановить это длительное самоубийство, это доподлинное вымирание семьи лучшего товарища, человека неподкупной честности, чуткого сердца, трезвого и инициативного ума, крепкой воли и закаленной твердой руки революционера-пролетария...

После смерти нашего И. В., его именем названы улицы, детские и другие учреждения. Осталось его доподлинное детище «Станция Юных Любителей Природы» в Сокольнической роще и трое сирот: Сергей, 16 лет, Евдокия, 14 лет, и Екатерина, 12 лет,—плохо питаемые, одеваемые и обуваемые... «Станция» тоже в забросе. Всему этому должен быть положен конец. Отныне мы должны себе сказать, что мы помним своих мучеников не только на словах, но и в делах, не только воздвигаем им памятники, но и продолжаем их работу.

21/X 22 года. **К. Касаткин, В. Котов.**

II.

Первая био-школа И. В. РУСАКОВА.

Во время мартовских событий в Кронштадте Русаков (тогда был председателем Сокольнического Совета) мобилизуется на этот фронт. Прощаясь с близкими, Русаков обронил:

— Жаль детей и био. С ними, что будет?

Русаков был убит, но его био живет, с ним не могло случиться ничего худого, как со всякой пленительной идеей в наши дни,—ведь два года (какие года-то!)—18 и 19 растил это дерево Русаков на развалинах старой жизни, и корни прочно вросли в землю.

Теперь о русаковском био.

Вещь скромная на первый взгляд—школа на краю Погонно-Лосиноостровского лесного массива, при в'езде в село Богородское, в школе 60 детей-колонистов, а все вместе называется «Биостанция юных натуралистов».

Почему так дорожил биошколой Русаков и о чем мечтал, создавая ее?

Люди по всей лестнице труда опутаны суеверием и предрассудками. Биостанция должна взять сырой материал или даже «полуфабрикат»—детей, посеять в них пытливость, активизм, стойкость на основе биологии, заразить по периферии округа, переброситься в другие губернии, разбросать биоспоры через учителей по всей России.

Сам Русаков—партийный и врач, но не педагог. Чтобы осуществить идею, он привлек исполнительную силу—биолога Всесвятского. Вместе задумывались:

Метода никакого—в России ничего подобного не было. Начать нужно вот с чего: с любви ребенка к природе, с его вечных вопросов: «а это зачем?», «а это что?», не читать длинных лекций, не начинять головы готовыми выводами, пусть «полуфабрикат» доходит сам до выводов путем наблюдений, исследовательским шагом. Ничего, что медленно, зато вырастет воля, предприимчивость, духовный мускул. А педагог тем временем присмотрится, подучится, пораздумает.

Вначале биостанция существовала, как экскурсионный центр, потом набрали детей—рабочие с «Богатыря», с других фабрик охотно отдавали—«чего не отдать—раз кормят». Ютились кое-как в одной пустой даче, кроватей не было, ничего не было.

— Чудно, рассуждали богатырцы,—целыми днями шляются по лесам, лазят за гнездами, а то телепкают по болотам, лягушачью икру носят в банках и всякую пакость. Чудно, чему нынче учат—и сами мастера шалыганят. Взять бы ребят в настоящую школу определить—пайка на всех не натянуть...

Затруднения наваливались со всех сторон, особенно, конечно, с финансовой. Пока был Русаков, «неясное учреждение» получало $^1/_6$—$^1/_7$ запрошенного, после Русакова Всесвятский должен был на самом существовании био-школы показать питомцам закон стойкости. Чтобы не голодать, натуралисты завели свой огород (богатырцы дали охотно земли) и этим жили почти всецело года два. Зимы казались долгими и жестокими, как и всем. Колонисты уходили ночевать по домам, а Всесвятский, навьючив на себя все теплое, прислушивался к завыванию метели и обдумывал метод.

Био нужно пропагандировать, нужно привлечь учителей, коллективом охватить всю Россию. Образовательные предметы нужны, но их лучше строить на основе биологии (и Русаков говорил подобное)—и математику, и историю, и литературу. Книжек нет—без книжек, учителей нет—создать.

Приходила весна, приливали надежды. Русаков-врач не терпел менторства, педагогического прилизанного духа; Всесвятский-биолог—тоже. Педагоги должны быть товарищами

детей. Начали учобу с работы в лесу по заготовке корма для животных школы, а все, что встречалось на пути, рассматривали, наблюдали. От наблюдений разбросанных перешли к определению интереса индивидуального—специализации, и исследованиям самостоятельным, к работам, которые фиксировались в дневниках—отчетах для себя и других. Образовались специалисты: ботаники, «огородники», водолюбы, энтомологи-«насекомники», орнитологи-«птичники», метеорологи-«небесники».

«Путешественники», которые теперь задавались «учеными заданиями» рассмотреть то-то, найти это, забегали в соседние сельские школы и колонии. Со школьниками завязывались беседы и неожиданно уяснилось:

— Э, да они ничего не знают!.. Только и твердят: лес, трава, болото, козявка, птичка, зверь кусающий и зверь смирный. Нужно им помочь—приходить и брать их с собою на работу, с налета их взять...

От этого «с налета» образовались летучки, кторые охватили Сокольники, Богородское, Алексеевское, соседние сельские школы, от них перекинулись в дальние уезды и везде отлагали свою исследовательскую бактерию.

* * *

Пять лет для оформления био-школы (об'ем второй ступени)—пустяк, но теперь у школы есть определенная форма.

Вот кусочки жизни био-школы.

Хозяйственники вывешивают в колонии лозунг: «Привлекайте пернатых устройством искусственных гнезд на наши поля, леса и луга». «Ученые» рассуждают: «хорошо обо всем непонятном строить догадки, но еще лучше своими руками добывать разгадку». Социологи обращаются к самому главному: «биология не уживается с религией». По этим линиям и идут твердым, уверенным шагом натуралисты.

Когда вы попадаете на территорию био-школы, хозяйственники водят по своей земле (две десятины), показывают свой большой потребительский огород, показательные грядки полевых культур, семенное хозяйство, участок лекарственых растений, медоносных трав с пасекой, куроводство, кролиководство, козоводство и, наконец, лисятник по образцу американского.

— Ничего здесь не было—это все мы на заработанные деньги. Вот лисятник в России начали мы первые.

«Лисий опекун» распахивает дверь изгороди на склон, огороженный высокой железной сеткой, по склону вкрадчиво стелятся две лисицы.

— Недавно наши птичники произвели учет пернатых в Сокольниках, а тут к нам приехали из «Аскании-Нова» настоя-

щие ученые и заинтересовались, как это ученики позволяют себе такие вещи. Рассмотрев наши дневники и карты, сказали:—Очень интересно и ново. Приезжайте поработать к нам в «Асканию». Дали вагон—мы и поехали. За все лето работы нам заплатили канареечным семенем—несколько пудов дали. В Москве мы продали семя и построили вот этот лисятник. Лисы очень прибыльное хозяйство, и странно в самом деле: почему на мясо можно разводить животных, а на шкуры нельзя, тем более, что некоторые породы животных на воле вымирают. Вот американцы разводят редких чернобурых лис (мы до этого еще дойдем) и это дает 300 проц. пользы. В «Аскании» например, много страусов-нанду,—очень возможно разводить в нашем климате, в крестьянском хозяйстве. Птица прибыльная, а едят, как гуси, что ни попало.

Он просунул остатки пшенной каши лисам в дверцу, и огорченно вздохнул.

— Хорошая птица нанду, очень жаль, что пока у нас нет места для них.

«Ученые» за пять лет провели 545 экскурсий для учителей, студентов и рабочих. Летом существуют на био-станции курсы для учителей, стекающихся из Московской, Тульской, Владимирской губ. В остальное время «ученые» сидят у террариумов, аквариумов, в птичьих садках (все сделали сами, включительно до мебели и инструментов, в столярной и слесарной мастерских),—изучают биологию растений и животных, пишут дневники, труды, примерно, на такую тему: «Усыхание и прорастание семян на свету, без света, с односторонним светом». Даже дневники младших переполнены самостоятельными наблюдениями и заметками: «Паразиты есть и среди растений—вот растение росянка, поедает насекомых». «Идет человек по лесу, увидал подходящее дерево и сделал себе палку, а он не знает, что это дерево давало ему воздух». «Нашли сегодня на дороге несколько раздавленных каблуком жужелиц, раздавил человек, не знающий, что жужелицы полезны,—поедают личинки вредных насекомых».

«Ученые» делают выставки своих гербарных, энтомологических, орнитологических работ на единой основе биологии, сидят целыми днями с микроскопом и только тогда сердиты, когда нужно дежурить по кухне, мыть посуду—очень хлопотно самообслуживание.

Один питомец био-школы, перешедший в Дмитров (15-16-ти лет), рассказывал:

— У нас все охвачены натурализмом. Недавно была в школе конференция, приезжали даже хозяйственники-пчеловоды и согласились с нами вполне, что хорошую пасеку нельзя вести без знания биологии пчелы. Мы и округ захватили. Организовали общество натуралистов во Влахернской и других ме-

стах. Работаем в деревнях, добиваемся бережного отношения к природе, чтобы хищнически не вырубался лес, не спускались пруды, не истреблялись птицы. Вот посмотрите, в Сокольниках, много деревьев 250—300 лет стоят,—и все вымирают от короедов. Через десять лет ни одного не останется. А будь здесь птицы—ничего бы такого не было. Жизнь надо усовершенствовать, а без связи с биологией это невозможно.

Социологи, проводящие общественную жизнь в биошколе, с'езды, конференции—все комсомольцы, поддерживают.

— Без знания биологии в жизни одна путаница. Жизнь людей вся должна быть ясна и в связи с трудом. Вот у нас несколько лет существовала кружковщина. Мы рассудили на общем собрании, что так и до каст дойти можно, и убрали кружки. Пока у нас высшее—общее собрание, пусть каждый работает по своей специальности, но отчет дает всем.

Русаковская первичная клетка через Всесвятского выросла в сложный организм. Он сумел засеять исследовательским методом обширное поле нескольких губерний, создать людей (в этом году первый выпуск), которые войдут в жизнь не заезженными учобой, вялыми, злобными и завистливыми,—стойкими войдут с глубокой потенциальной мыслью, связанными с человеческими массами.

Мимо такой школы пройти, не заметив ее, нельзя, ибо она поможет в будущем России в ее родовых муках.

Вит. Федорович.

(«Правда», № 105 от 13/V-23 года).

РЫСЬЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ.

Рысьев Сергей Алексеевич.

Сын рабочего-ткача, работавшего при Раменско-ткацко-прядильной фабрике до 65 лет, Сергей Алексеевич Рысьев родился в 1892 году 5 июля и рос при фабрике. На 9-м году поступил в фабричную 4-х классную школу. Окончив успешно курс, в 1910 году, взамен своей заболевшей чахоткой матери, определился на работу по отцовской профессии на станки ткацкой фабрики, в 1914 году перешел в табельщики пово-бетонной фабрики. В августе 1918 года Сергей Алексеевич вошел в партию коммунистов-большевиков и 16 февраля 1918 т. партией назна-

чен на продкурсы военпродбюро в Москве. Окончив их, он был направлен в Усманский уезд, Тамбовской губ., членом военно-продовольственной Инспекции; по выполнению задач переведен в Пензенскую губ., откуда в 1920 году направлен в Воронежскую губ. По справке Военпродбюро т. Рысьев работал не покладая рук и понимал хорошо продовольственное дело. В Воронежской губ., в одной из деревень, во время прорыва фронта Махно, восставшими кулаками Сергей Алексеевич Рысьев был зверски заколот вилами. По рассказам одного из продовольственников т. Волкова, Сергей Алексеевич умер от 10-ти ран в живот, оставив сиротами жену и сына 5 лет.

Гр. Генералов.

С.

САМОЙЛОВА КОНКОРДИЯ НИКОЛАЕВНА („Наташа").

Конкордия Николаевна Громова (по мужу Самойлова) родилась в семье священника в городе Иркутске в 1876 году. Окончив там же гимназию, она готовилась к учительской деятельности. В 1896 году поступила на высшие женские курсы в Питере и в том же году принимала участие в студенческом движении. Будучи уже на 4-м курсе, в 1899 г. 4/III участвовала в демонстрации на Казанской площади. В это время среди петроградского студенчества было усиленное движение за завоевание академической свободы. Первый раз К. Н. была арестована на собрании делегатов от всех высших учебных заведений в Питере и попала в тюрьму. Это первое пребывание в Питерской тюрьме, по ее словам, определило всю ее дальнейшую политическую деятельность.

В 1902 году К. Н. уезжает заграницу в Париж, чтобы окончательно подготовиться к политической деятельности. В Париже она прожила до 1903 года, занимаясь в Парижском университете, организованном тогда русским профессором Ковалевским, работая в Искровских кружках, а также с рабочими кружками.

В 1903 году из заграницы К. Н. приезжает в г. Тверь, где под именем «Наташи» начинается ее подпольная партийная деятельность в России.

Марксистски образованная, она еще недостаточно опытна в работе, но организаторское чутье подсказывает ей верный тактический путь, и, будучи членом Тверского к-та партии, она примыкает к той части его, которая берет курс на работу «в массах», на то, чтобы «не опекать и воспитать», а создавать условия для самостоятельной работы рабочих. С этой целью создается к-ом новая организация «межрайонное бюро», в которое входят организаторы с ф-к и заводов. Это бюро об'еди-

Самойлова Конкордия Николаевна.

няет партийные элементы в кружки, организует митинги, собрания и пр.

После 2-го партийного с'езда, еще не зная хорошенько причин происшедшего на нем раскола на меньшевиков и большевиков, К. Н. присоединяется к большевикам вместе с рабочими из межрайонного бюро. Все лето до поздней осени Наташа ведет пропагандистские кружки рабочих, а зимой, когда Тверская организация проваливается, выданная провокатором Швецовым, Наташа успевает во время бежать из Твери на юг в Екатеринослав. Полиция усиленно разыскивает ее, подозревая в ней участницу политического убийства рабочего провокатора Волнухина в Твери 10/XI 1903 года (дело было прекращено только в октябре 1905 г.).

В Екатеринославе, где особенно сильны были в то время меньшевики, да и в самом к-те партии были колеблющиеся, Наташа развертывает на партийной работе все свои силы. Как вполне уже определившаяся большевичка, ведет ожесточенную борьбу с меньшевиками за влияние на рабочих, обслуживает рабочие кружки, организует типографию и технический аппарат по распространению литературы, работает и день и ночь, почти не зная отдыха. Но скоро жандармы прослеживают ее, в феврале 1904 года арестовывают в кружке рабочих и отправляют в Тверь, где она привлекается по делу Тверской организации.

После 15 месячного заключения, была освобождена под надзор полиции и уехала в Одессу; там она уже, как твердокаменная большевичка, по отзывам работавшего с ней тогда т. Семкова, «всю группу слободских соц.-дем., состоявших из рабочих металлистов, каменнотесов, матросов и работниц табачных и спичечных фабрик направила на путь большевизма». В Одессе застает ее революция 1905 года, в которой она принимает деятельное участие. Переживает восстание Потемкинцев, дни свободы— и за ними 3 кошмарных дня черносотенной вакханалии, когда оружие погромщикам раздавалось по полицейским участкам.

В 1906 году Наташа в Москве—член Московского Окружного Комитета, «сегодня на массовках в лесу в Мытищах, завтра организует собрания в Голутвине, в Пушкине, и везде ее ждут, она будит уставшую волю своим зовом. Возвращается на заседание Окружки, и ее информационный доклад пропитан живой подлинной жизнью самой гущи рабочей массы». (стр. 57, 2-ая ч., «Запис. ряд. подп.»—Циц. Бобровской). Работает в деревнях и на фабриках, начав работу среди подмосковных работниц.

Далее, в 1907 году видим Наташу на работе в Баку. Здесь она уже тип закаленного профессионала-подпольщика, у которого вне партии нет жизни. В то реакционное время под-

льная работа была полна опасностей—Наташа работает все так же спокойно и настойчиво, проходя в Баку громадные расстояния по нефтяным промыслам и заводам, чтобы просветить кучку в 5—10 рабочих. Затем в том же 1907 году едет в Луганск, где работает над подготовкой к Лондонскому с'езду, на который Луганская организация делегирует ее, как свою представительницу. По приезде с Лондонского с'езда, в котором участвовала под кличкой «Большакова», К. Н. в Ростове на Дону агитирует среди работниц табачных фабрик, организует нелегальные кружки, работает и за городом.

Перед первым маем 1908 г. на улице в Ростове на Дону ее арестовывают и ссылают в Вологодскую губернию. Через 2 недели по приезде на место ссылки—бежит и поселяется нелегально в Москве. В 1909 году Наташа работает в Питере. Провал П. К. большевиков. Наташа садится на 10 месяцев в Литовский Замок. После суда—оправдана. Продолжает нелегально работать в культурно-просветительном клубе на Петроградской стороне, затем уже в 1910 году—секретарем партийного Комитета за Московской заставой, и на ее плечи после нового разгрома комитета большевиков, от которого она на этот раз счастливо отделывается, взваливается огромная организационная работа. Проживая по паспорту дочери титулярного советника Александры Михайловны Разуеваевой, Наташа неуловима для полиции, которая с марта 1911 г. тщетно разыскивает повсюду ее и Разуваеву.

Дальнейшие годы Наташи—в редакции «Звезды» и «Правды», секретарем и членом редакционной коллегии. Этот период ее работы остался особенно ярким в памяти многих товарищей, работавших с ней вместе и приходивших к ней в редакцию. Наташа всегда первая в редакции, всегда на чеку, строгая к себе, подгоняет и других. Всем памятна ее маленькая секретарская комната, прозванная «чистилище», через которую весь день проходила толпа рабочих и работниц с фабрик и заводов Питера, несших «Правде» все свои горести, невзгоды, жалобы и находивших у К. Н. всегда привет и внимание. Все помнят, как стойко выносила Наташа борьбу рабочих за скорейшее напечатание их писем, для которых всегда слишком мало было места в газете, и как затем шла Наташа сражаться за эти места с газетными сотрудниками. В «чистилище» входили и штрейкбрехеры со своими покаянными письмами, и за помещение их в газете Наташа также не мало поломала копий, за что шутя была прозвана товарищами «штрейкбрехерской матушкой».

В этот период своей деятельности, по отзывам ряда товарищей, К. Н. заметно вырастает, находит себя, самоопределяется. Здесь начинается ее систематическая работа с работницами и в конце-концов ей удается, совместно с т.т. Ульяновой-Елизаровой, Куделли и Людмилой Сталь осуществить свою дав-

нишнюю мечту—организовать и выпустить первый журнал, охватывающий женское движение в России—«Работница». Это было в 1914 году. В этом же году незадолго до 1-го празднования Международного женского дня в России, деятельно подготовляемого К. Н.—18 января (по стар. ст.) ее вместе с редакцией «Работницы» арестовывают и она попадает в Выборгскую тюрьму. В тюрьме, сидя в одиночке, совместно с другими арестованными работниками Петрограда устраивает в женский день демонстрацию с требованием открытия тюремных форточек.

Через полтора месяца тюремного заключения высылается из Питера на 3 года, поселяется нелегально в селе Любане, в Новгородской губ., в 2-х часах езды от Питера вместе с некоторыми другими сотрудниками «Правды» и со своим мужем Аркадием Александровичем Самойловым, который тогда работал также в «Правде» и писал под псевдонимом А. Юрьева.

В июле 1914 года за 3 дня до об'явления войны Питер был на пороге рабочего восстания, Выборгская сторона была покрыта баррикадами, К. Н. часто тайком приезжает в Питер, она продолжает руководить журн. «Работница». Так она принуждена была скрываться до февральской революции, которая застает ее в г. Минске.

В октябре 1917 года К. Н. в Питере—одна из самых активных деятелей революции и как организатор и как оратор. Этот год и последующий 1918 год ее работы особенно памятны работницам Питера, с которыми она усиленно занималась. Они отмечают в ней уменье втягивать их в работу, пробуждать уверенность в своих силах, и все это не давая чувствовать своего превосходства, как бы работница мала ни была, отмечают ее уменье всегда удовлетворять запросам работниц, а также привлекать к работе среди женщин и мужчин, в чем сказывалась постоянная боязнь К. Н., как бы движение среди работниц не выродилось в специфический, столь ненавистный ей, «феминизм». Бурный 1918 год расшатывает здоровье К. Н., а вести из Астрахани о смерти от сыпного тифа ее мужа, сваливают ее окончательно, она сильно заболевает и затем уезжает из Питера.

Однако, уже в начале 1919 года К. Н. опять на работе в Самаре, как раз после освобождения Самары от чехо-словаков. Она приходит на помощь мало опытным местным работникам, внося в их работу ясность, систему, и скоро ей удается об'единить до 5.000 рабочих. Также сильно ее влияние и на работниц. Ей удается поднять их упадочное настроение после расстрела чехо-словаками их мужей и сыновей, и заставить приняться деятельно за работу. Она организует там «страничку женщин», тираж которой доходил до 4.000 экземпляров.

Весною 1919 года К. Н. приезжает вместе с тов. Коллонтай на Украину перед наступлением Деникина и работает сначала в Киеве, потом в Харькове по созданию настроения в пользу Советской России, но фронт был близок, и когда белогвардейцы подступили к Харькову—пришлось ей спешно эвакуироваться. Сейчас же после очищения Харькова красными войсками тов. Самойлова опять на Украине—живет в очень плохих условиях, и в результате—воспаление легких и почек, которые надолго приковывают ее к постели.

Но и больная она живо интересуется происходящей в Харькове 1-й беспартийной конференцией женщин, а 2-е заседание губженотдела, организатором которого была тов. Самойлова, как заведующая на Украине Ц. О. работниц—происходит у постели больной. Под ее руководством была проделана вся подготовительная работа к международному дню работниц. Впервые после болезни 8-го марта она успешно выступает перед 10-тысячной демонстрацией работниц, и в тот же день вторично в переполненном театре с $1^1/_2$-часовым докладом, посвященным международному дню работниц. С таким же успехом заканчивается ее работа на Украине на первом Всеукраинском совещании заведующих губженотделами и на 2-й Киевской общегородской беспартийной конференции женщин.

1-го сентября 1920 года К. Н. предпринимает поездку по Волге на агитпароходе «Красная Звезда». Приехав в Саратов, проводит городскую конференцию работниц. Тов. Любимова вспоминает, как ее 3-хчасовой доклад на конференции о положении республики и задачах момента работницы прослушали без перерыва, ловя каждое ее слово. После доклада многие работницы сами говорили, и конференция закончилась приподнято с пением Интернационала. Вспоминает и другой день—в гостях на пароходе у К. Н., куда конферентки собрались с 9 часов утра, чтобы побеседовать с К. Н. о материнстве и младенчестве, и беседа их затянулась до 12 час. ночи.

Весной 1921 года К. Н. опять рвется на работу. Ц. К. партии отправляет ее на пароходе «Красная Звезда» в Астрахань на рыбные промыслы. По пути, несмотря на дождь и грязь, она навещает губженотдел в Саратове. В Царицыне устраивает конференцию женщин. В Астрахани обходит рыбные промыслы, знакомится с ужасающими условиями жизни и быта работниц промыслов, с примитивным способом их работы—все это производит на нее потрясающее впечатление. Здесь же случай сводит ее с одной работницей, знавшей ее мужа и присутствовавшей при его смерти от сыпного тифа, узнает только теперь, что в Астрахани он был и похоронен. Все эти рассказы сильно отражаются на психике К. Н.—у нее появляется предчувствие смерти, и она делается одной из первых жертв холерной эпидемии, начавшейся в то время в Астрахани.

2 июня 1921 года, от'ехав на пароходе от Астрахани 30 верст, К. Н. скончалась, и была похоронена в Астрахани.

Так двадцать лет назад начала свою партийную работу подпольная «Наташа» среди рабочих масс России и окончила ее среди них же на партийном посту.

Вышедшая из мелко-буржуазной семьи, она совсем еще юной порвала со своим классом и всегда с неизменной верой в рабочий класс и с ненавистью к буржуазии, упорно, преодолевая все трудности, всегда рука об руку с рабочими и партией, без малейшего уклона, прошла весь свой жизненный путь.

Как партработница, исключительная по многогранности своих интеллектуальных способностей, К. Н. была для рабочих хорошим *вождем, организатором, оратором, литератором и пропагандистом.*

Она не только умела учитывать моменты необходимого изменения форм партийной работы, нащупывать слабые ее стороны, но была и инициатором новых форм работы, сама же первая была и проводником их в жизнь. Никогда не отрываясь от масс, работая в самой ее гуще и почти всегда среди наиболее отсталых ее элементов, Конкордия Николаевна сочетала в своей работе теорию с практикой, одна у нее вытекала из другой, теория проверялась и подтверждалась практикой—и это облегчало ей руководство массой, которую она твердо вела за собой.

Тов. Самойлова одна из первых переходит в партийной работе от кружковщины к массам, впервые организованные ею конференции работниц (в Питере) были и первыми конференциями вообще, как новый метод работы среди масс. Она первая организует «секции» работниц с активным вовлечением их в советское строительство, эти секции явились предтечами теперешних «делегатских собраний». В литературной сфере К. Н. бросает лозунг: печать не только агитация, но и связывающий рабочие массы центр, и не *о рабочих* надо писать, а следует самим рабочим писать о себе. И сама немедленно приступает к осуществлению этих лозунгов, организует кружок работниц и ведет с ними литературную работу, подготовляя будущих газетных сотрудниц. Теперь эти кружки называются у нас «литколлегиями». Идя дальше по этому пути, К. Н. в 1918 году создает в «Правде» «страничку женщин», к участию в которой вовлекает постепенно работниц. Это была первая страничка, по примеру которой потом стали организовываться и другие странички: молодежи, Красной армии и проч. Не останавливаясь на этом, К. Н. была вдохновительницей, одной из активных организаторов и участниц первого печатного органа работниц—журнала «Работница».

Не будучи ни блестящим оратором, ни литератором, К. Н. отличалась и в письме, и в речи искренностью, убедительно-

стью, простотой и ясностью изложения, и потому ее агитация будировала не только верхушки рабочих, но была доступна пониманию самых широких масс—в этом была ее главная сила, как оратора и публициста-литератора. Ее перу принадлежат много отдельных брошюр и статей за подписью Самойловой и под псевдонимом Н. Сибирский в «Правде», «Работнице», «Коммунистке» (см. подр. перечень в бр. «Революц. деят. К. Н. С.», изд. Истпарта).

Как пропагандистка, «Наташа» вела работу последовательно, настойчиво, упорно и умела добиваться результатов, не считаясь ни с какими трудностями. Она основательница и единоличный лектор первых организационно-агитаторских курсов из 25 работниц (в Питере), из которых вышел ряд видных ораторов, агитаторов, разошедшихся потом по всей России. На работе она всегда была точна и верна своему слову, что особенно ценно было в подпольщике-пропагандисте, когда кружкам приходилось укрываться по лесам, оврагам или конспиративным квартирам, никогда не без риска быть накрытыми полицией. И это свойство подпольной «Наташи» осталось неизменным и у К. Н., вышедшей из подполья.

Постоянная близость с рабочей массой сроднили ее с ней—она умела к ней подходить просто, без излишней сентиментальности, иногда была даже строга, но рабочие и работницы никогда на нее не обижались, всегда принимали ее за «свою», не боялись подходить к ней просто, по товарищески. В партийной среде ее прозвали «суровой Наташей» за ее постоянно серьезный, строгий, замкнутый вид, но под этой внешностью скрывалось отзывчивое, горячее сердце, о котором знали все близко соприкасавшиеся с ней товарищи.

К. Н. была новатором—она любила поднимать совсем новые пласты рабочих, еще не затронутых пропагандой, и ей это всегда в конце-концов удавалось. Но путь к этому был тернист. Ей приходилось преодолевать большие трудности и переживать не мало тягостных моментов. Так в 1907 году в Баку, занимаясь с кружком рабочих, по дороге к ним, на нее набросилась с ругательствами кучка женщин, которая, не понимая зачем она ходит к рабочим, бросали в нее оскорблениями: «мужей наших отбиваешь... мы тебя»... А позднее, когда она организовывала и сплачивала работниц—рабочие-мужья не пускали их на собрание и ругали женотделы, что они отрывают от них жен. Весной 1919 года, когда она выступает в Киеве среди женщин на канатной фабрике—она встречает хулиганское отношение работниц, подстрекаемых меньшевиками, которые, пытаясь отыграться на голоде, ратовали за увеличение тарифа и пайка. Первая организованная ею общегородская конференция работниц в Киеве, прошедшая в общем благожелательно к Советской власти, обнаружила антисемитизм. Все

эти первые неудачи, хотя и сильно огорчают К. Н., но не отнимают у нее ни энергии, ни веры в рабочий класс. Она настойчиво продолжает работу и, в конце-концов, добивается блестящих результатов. Уже вторая Киевская общегородская конференция работниц была, по рассказам очевидцев, сплошным раскаянием работниц: каялись работницы конфектных и табачных фабрик после доклада тов. Самойловой, громившей их за спекуляцию, а делегатки канатной фабрики организовывали у себя уже клуб-читальню и с благоговением уносили с конференции портрет Розы Люксембург, подаренный им для клуба губженотделом.

Конкордия Николаевна не любила работать в центрах, предпочитая работу на местах. Только эта работа давала выход ее кипучей, деятельной натуре. Помню, когда летом 1921 г. перед последней своей поездкой на агит-пароходе «Красная Звезда», в Москве она зашла в орготдел Ц. К. РКП, какое сильное впечатление произвела она на нас своими рассказами о работе, как хороша она была своей внешностью, прекрасно отражавшей ее цельную, боевую натуру, и как потом наши молоденькие сотрудницы с восторгом вспоминали о ней, а нас—старых, неудержимо потянуло из Ц. К. на широкую местную работу. Когда в это же время, Оргбюро Ц. К. предложило ей остаться в Москве, чтобы заведывать в Ц. К. отделом работниц, ее ответ был: «я еще не инвалид для того, чтобы оставаться здесь». В этих словах сказалась вся боевая Наташа: работу в центре она считала для себя слишком скучной и тесной.

К. Н. стойко, не жалуясь переносила все житейские неудобства бивуачной жизни, которые часто выпадали на ее скитальческую долю партработницы. Так было в 1921 г., когда Москва особенно болезненно переживала жилищный кризис и жилищные неурядицы—не получив комнату, ей пришлось жить в ванной 1-го дома Советов вплоть до самого своего от'езда в Астрахань.

Еще одно необходимо отметить в К. Н.,—будучи ярым врагом феминизма, противницей обособленного аппарата работниц в партии, она, работая среди работниц, никогда не оставляла и общепартийной работы и была ценным партработником, нередко выполняя ответственные поручения Ц. К. партии; благодаря этому, по справедливому замечанию тов. Коллонтай, к ее голосу, более чем к голосу других товарищей, работавших исключительно на женской работе, прислушивался партийный центр, ее инициатива легче проникала и отражалась на общепартийной работе. 8-й С'езд Советов утвердил постановление, принятое по инициативе т. Самойловой на 3-м совещании губженотделов о вовлечении женщин во все органы, организующие хозяйство и производство страны.

Но и работая на общепартийной работе, тов. Самойлова

никогда не забывала работу среди женщин, считая ее одной из самых серьезных задач партии, на которую следует отдавать лучшие силы партработников. И история успела уже оправдать этот взгляд К. Н. В Питере, в момент окончательной борьбы с самодержавием, уличная демонстрация организованных женщин сыграла решающую роль. В самый острый момент начавшейся диктатуры пролетариата, когда некоторые товарищи поколебались и отошли от работы, поступок их встретил резкое осуждение конференции работниц, собранной по инициативе и проведенной под руководством тов. Самойловой.

Верно и ярко запечатлевается образ и значение личности К. Н. Самойловой в картине, нарисованной тов. Буровым в своих воспоминаниях о ней:

«По берегу движется со знаменами стройными рядами женская беспартийная конференция в 800—1000 чел. с пением Интернационала. А рядом с делегатками идет обычно сбоку скромно тов. Самойлова. Она ведет эту массу на баржу парохода и здесь пламенно призывает женщину работницу на борьбу с разрухой. И я видел, как от горячих слов ее зажигались сердца тысячи трудящихся женщин, и как отряд за отрядом из проводимых тов. Самойловой конференций выделялись на работу по продовольствию, в красноармейские казармы на пошивку, чистку.

Так шло по пятам тов. Самойловой женское пролетарское движение по всему Поволжью».

Так шло пролетарское движение везде, где работала тов. Самойлова.

Отдел работниц в гор. Череповце коллективно написал пьесу, в которой главной героиней выведена К. Н. Самойлова, и поставил ее в Международный день работниц. В этом сказалось, как жива память о ней среди пролетариата, на службу которому, можно сказать, не ошибаясь, она отдала всю свою жизнь.

Е. Л.

(Сост. по брош. «Революц. деят. К. Н. С.» изд. Истпарта, по свед., собр. у отд. лиц и по делу № 487—903 г. ист.-рев. архива).

САПОЖКОВ НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ („Николай Васильевич").

I.

Николай Иосифович Сапожков, сын машиниста Рязанско-Уральской жел. дор., родился 3-го декабря 1881 г. в гор. Рязани. В 1885 году родители его переехали в г. Коломну, Московской губ., где в 1889 году умерла его мать. Николай поступил в местную гимназию и окончил ее в 1903 году. Несколько раз за период учения в младших классах ему приходилось выходить из гимназии за несвоевременный взнос платы.

Будучи в 3-м классе, он начал уже давать уроки, а с 6-го класса Николай и его младший брат Александр жили исключительно уроками; в это время от платы в гимназию оба были освобождены, но квартира, стол и обмундирование легли всецело на них самих, так как отец в это время умер (1901 г.), и они лишились и той маленькой поддержки, которую иногда от него имели.

В детские годы Николай отличался всегда очень спокойным и добрым характером, очень много читал, рисовал, что-нибудь мастерил и был всегда здоровым и сильным. Лет с пятнадцати его уже начали интересовать вопросы о боге, о религии и т. п., его суждения и разговоры на эту тему с товарищем по гимназии Юмашевым носили уже критический характер. В этот период развитием в политическом отношении он был обязан Никите Сергеевичу Сергееву, старому революционеру из военных, честному и стойкому, необыкновенно строгому к себе и другим.

Вот как вспоминает о Сапожкове—гимназисте, бывшая с ним в то время в одном кружке Н. И. Шевлягина:

«Октябрь 1901 год. Темный осенний вечер. Грязь, дождь. Тихонько, крадучись, пробираюсь я по Почтовой улице. Открываю калитку во двор одного из деревенских домиков и иду вглубь двора, там в маленьком, в землю вросшем флигельке (теперь уже не существующем), живут братья Сапожковы. Старший Николай учился тогда в 7-м классе гимназии, младший Александр —в 5-м. Они предложили свою маленькую комнату для нашего первого кружка самообразования. В кружке участвовали исключительно учащиеся: 7-й класс мужской и 6-й класс женской гимназии: товарищи Николая Сапожкова: 1) Юмашев Егор, 2) Свищев Н., 3) Сахаров Понт., 4) Либсон Я. и 5) Николаев Е., а из нашего 6-го класса только три—Дьяконова, Богданова и я. Читаем Белинского, Писарева, об'ясняем недостаточно всем понятные места, спорим. Николай

Сапожков Николай Иосифович.

самый развитой из нас, он «заправила» в нашем кружке. Тогда уже стало выявляться его материалистическое миросозерцание. Недолго просуществовал наш кружок—инспектор гимназии как-то прослышал о нем и намекнул гимназистам, что если они будут собираться на Почтовой улице, как бы чего не вышло...».

В 1903 году Николай поступил в Московский университет на естественный факультет.

Летом 1905 года в Коломне уже чувствовалось большое оживление в местных рабочих и интеллигентских учительских кружках. К этому же времени, вернее к лету 1904 года, относится образование там, так называемой студенческой «коммуны». Все на той же Почтовой улице в сером деревянном доме бывш. Журавлева (отремонтированном теперь, где одно время помещался Исполком, а теперь Народный банк), на третьем этаже, имеющем вид антресолей, поселились приехавшие на летние каникулы студенты: Сапожковы, Бронислав Старкевич, Юмашев. Это было, так сказать, ядро «коммуны», а вообще двери «коммуны» были открыты для всех, кому негде было приютиться, для всех приезжающих по партийным делам; там делались всевозможные доклады со с'ездов (3-й С'езд большевиков в Лондоне в 1905 году, агрономический с'езд в Петербурге и пр.), там вечно толпились рабочие Коломенского завода, среди которых у коммунаров было много приятелей. Душой «коммуны» был, конечно, Николай Иосифович. Удивительно хорошо там все себя чувствовали. Все политические и общественные новости, всякая «нелегальщина», новые лица,—шумно, оживленно. Веселые гостеприимные хозяева—студенты, кипятящие на керосинке какой-нибудь несложный обед, а потом в этой же самой кастрюле воду для чая, при чем все делалось так чисто и хорошо, что в чае не должно было быть ни одной сальной блестки от кастрюли. Коммунары-студенты были очень заняты: днем уроки (на которые они и существовали), потом работа организационного и пропагандистского характера на заводе, занятия с отдельными рабочими, которые почему-либо нуждались в этом; постоянные посещения общественной библиотеки-читальни и добровольная работа там одно время (по составлению каталога и по выдаче книг в так называемой «народной библиотеке»).

Октябрь 1905 года. Ежедневные митинги в театре завода. Так и тянет туда всю Коломну. На эстраде свои ораторы из рабочих и студентов и один-два гастролера из Москвы. Тут и рыжий «Илья», черный «Никифор» и много других, клички которых забылись. Все слушают со вниманием. Но когда поднимается высокая плечистая фигура Николая, простирается его большая широкая рука, призывающая к порядку, в толпу устремляются его спокойные голубые глаза,—толпа замирает...

Могучая, сильная, горячая, убежденная речь его гипнотизирует аудиторию. Все, что ни говорит он, кажется необыкновенно важным, интересным, не требующим доказательств. Когда нужно что-нибудь предложить, «провести» всегда—«выпускали» Николая. Когда говорил какой-нибудь оратор из «средних» и убеждал в чем-нибудь, то из толпы рабочих слышалось: «ладно, хорошо, а пускай все-таки еще Сапожков расскажет». И когда вставал с ясной, спокойной улыбкой Сапожков, то все сомнения рассеивались, как дым, и все, что нужно, принималось без рассуждений.

В ноябре 1905 года открылся в Коломне рабочий клуб (3-й рабочий клуб, кажется, тогда в России). Сорганизован он был усилиями все того же Николая Сапожкова с товарищами на верху дома Шведовых (угол Пятницкой и Спасской ул.), теперь представляющего из себя ужасное зрелище—выбитые стекла и обезображенные окна мрачно чернеют и зловеще смотрят на проходящих мимо. В этом клубе чувствовалось просто и хорошо, туда всем хотелось итти. Туда собирались все, кому не сиделось дома, там была настоящая общественная жизнь, направляемая, конечно, Сапожковым, главным образом. Приезжие товарищи делали доклады;, где-нибудь в укромной комнатке неумолчно работал гектограф, там же на керосинке варился состав для него; за столиками в общей зале читались издававшиеся тогда в большом количестве всех направлений газеты, тут же был стол с брошюрками, тут же библиотечка из более солидных книг; где-нибудь в сторонке сидят 5-6 девиц с шелковой фабрики Ангеллери и несколько робко, но радостно, втягиваются в общую работу.

12-е декабря 1905 года. Воскресенье. Собрались в заводском театре и решили итти 1-й раз в жизни с красными флагами в Коломну. В театре все согласны, но когда выходят на двор, многие начинают колебаться. Но вот появляется Николай. —Товарищи,—говорит он,—я не хочу, чтобы вы шли и боялись. Кто колеблется, пусть отойдет направо, а кто хочет итти со мной, пусть идет налево. Вперед! Небольшая кучка смущенно отходит направо, а большинство идет с Николаем. Красные самодельные знамена несут рабочие и гимназисты. Марсельеза и Варшавянка раздаются в морозном воздухе... Вот и застава близко... Отряд казаков, подпоенных начальством, с опухшими, свирепыми лицами налетает откуда-то из-за кладбища и бешено начинает расправляться с демонстрантами. Выстрелы, расходившиеся взад и вперед шашки, галопирующие лошади, крики, шум, пьяный гвалт, полный злорадства... В это время был убит один 16-летний мальчик, Иван Марков, гимназист 5-го класса, похороненный потом на местном кладбище. Раненных было много. человек 50.

17-го декабря 1905 года во время пребывания на ст. Голут-

вино карательного отряда семеновцев, Николай счастливо скрылся благодаря тому, что один рабочий дал ему свой костюм, почему он неузнанный и пробрался до Щурова, откуда ему дали лошадь до Луховиц, а оттуда он на паровозе доехал до Рязани, где и жил у родственников недели две-три. Николай не подозревал, чем окончилась расправа семеновцев и что в числе других вместо него был убит брат Александр. Об этом узнал он от сестры уже 31 декабря, когда она проездом из Симбирска заехала в Рязань, чтобы повидать его (о своем пребывании там он ее известил). Тяжело было передавать ему о брате, тяжело было обоим скрывать горе, так как родственники ничего не подозревали, иначе они побоялись бы оказывать гостеприимство Николаю.

Вскоре он уехал в Москву. Работал в Областном Комитете. Он много работал по организации, много рисковал и счастливо избегал арестов, хотя случаев для этого было очень много. В сентябре 1906 года сестра получает от него телеграмму из Ряжска, Рязанской губ., куда он был препровожден этапным порядком по паспорту какого-то мещанина этого города из Ярославля, где он попался с пропагандой. Власти в этом захолустье должно быть не знали, что творится в центре, и не предполагали, что у них политический преступник, за выдачу которого в Московской губ. была обещана награда; поверили сказке, которую сочинил Николай и удовольствовались тем, что сестра удостоверила его личность, как студента Московского университета Николая Сапожкова, и взяли с него подписку о невыезде из Москвы. После этой процедуры его освободили, и тогда они, рассказывает сестра, на радостях отправились пить чай в какой-то попавшийся по дороге трактир и много смеялись, а Николай повторял свою любимую фразу, что его «звезда» выручает. За период своего нелегального существования он очень часто восхвалял эту свою «звезду», или как иногда называл «планиду»...

Но вот 1907 года 14 октября «звезда» ему изменила: где-то на Поварской в Москве его забрали и препроводили в Таганскую тюрьму, где он и пробыл до мая 1910 года. В это время сестра часто ездила к нему на свидания, иногда брала и своих детей, что доставляло ему большое удовольствие. Всегда он выглядывал бодро, весело, и во время этих свиданий и в письмах говорил, что ему скучать некогда, что он очень занят, так как изучает французский, немецкий, итальянский и английский языки. Часто в письмах к ней он «печатал» письма и для детей, так как они были малы, получал от них такие же «печатанные» ответы и очень радовался. Сплошь и рядом в его письмах встречается фраза «существую великолепно». И иногда не поймешь у него, действительно ли он так себя чувствует, или хочет, чтобы так думали о нем. В одном письме такая

шутливая фраза: «я на вас всех в большой обиде: почему меня никто не поздравил с 2-летним юбилеем? (тюремного заключения). Это даже довольно совестно; 14-го октября этот день был торжественно отпразднован...». И тут все шутил.

Наконец, 25-го января 1910 года его судили вторично (первый суд был годом раньше, был употреблен еще год на «доследование»). Защищал его присяжный поверенный Муравьев. Говорил он прекрасно, горячо. Превосходно построенная речь убеждала в полной невинности Николая; он охарактеризовал его, между прочим, как честного, в высшей степени культурного человека, никогда не призывающего рабочие массы к чему-нибудь дикому, некультурному, а, следовательно, и неопасного для общественного спокойствия; ту же мысль развил на суде вызванный в качестве свидетеля, бывший товарищ по гимназии, Н. Свищев. Он говорил о том влиянии, которым Николай пользовался среди гимназистов и не только своего класса. Затевалась ли какая-нибудь глупая шалость, дикая выходка,— стоило Николаю сказать слово, и все моментально образумевались.

Его приговорили к лишению всех прав и вечному поселению в Сибири. В мае этого же года он был отправлен в Иркутскую губ. На ст. Голутвино его приветствовала небольшая группа рабочих, и это его очень тронуло. С дороги сестрой получались открытки, в которых опять «чувствую себя превосходно, обстановка чудесная, компания тоже». Вот из Самары, например: «пришлось лишь помесить немного грязь сего богоспасаемого града, едем при прежних условиях, т.-е. великолепно...». Только в августе попадает он, наконец, на место назначения в село Орлинга, Киренского уезда, Иркутской губ., и становится, по его словам, «свободным существом, где начальство надо мной—старшина, урядник и волостной писарь и в селе живет только этот последний, так что мне даже несколько жутко становится». В феврале 1911 года он пишет сестре: «есть надежда на большие перемены, в случае чего тебя известит Рахиль (жена его), исполнится срок обязательного пребывания в пределах волости, и я получаю право свободного передвижения по всему уезду. Это ведь не шутка, Киренский уезд чуть-чуть поменьше Франции». Свое время в Сибире он заполнял охотой и всевозможными мастерствами: чинил часы, машины, в одном письме говорит: «моя универсальная мастерская растет и крепнет, обзавелся даже тисками. Жаль, что заказов мало, а то бы я целый капитал нажил». В другом письме: «интересно все, что творится в наших палестинах, так иной раз хочется «дернуть» туда к вам на каком-нибудь Фармане (Блерио я не уважаю), посмотреть, что там у вас делается». Время от времени посылали ему немного денег и посылки, что доставляло ему большое удовольствие. Весною была послана

крупная сумма денег, и он благополучно бежал. После многих приключений добрался кое-как до Москвы и застрял в Павловском посаде.

Это было в августе 1911 года. У него не было денег ехать дальше, заграницу. Он жил в Павлове в высшей степени конспиративно. Днем выходить опасался, и только в сумерках с большими предосторожностями выходил куда было нужно через сад. Несмотря на такое тяжелое положение, он продолжал сохранять свое обычное бодрое и спокойное настроение. Только через месяц на собранные и привезенные ему коломенскими друзьями деньги он уехал; в Вержболове ему помог его друг, Старкевич (который только что вернулся из Якутска, где отбыл пять лет административной ссылки и поехал на родину повидаться с отцом) перебраться через границу.

Из заграницы приходили письма сестре, что все «превосходно и великолепно», хотя там частенько и голодать приходилось. В одном письме на упрек сестры, что он никогда не напишет о себе правды, он ответил: «ты меня укоряешь, что я в своих письмах не говорю о своих горестях, а видишь ли, моя милая, я не люблю этого делать и никогда не делаю». Живя в Париже, он за многое брался, чтобы как-нибудь заработать себе на существование: он и гувернер, и проводник по Парижу, и гитарист в каком-то оркестре до того, что натирает себе мозоли на пальцах, и натурщик и, в конце-концов, к своему удивлению—чертежник. «Совсем стал американской складки и меня уверяет (это пишет его жена Р. Г. Матус) в этом усиленно, но безуспешно, так как вижу по результатам, что из всех этих занятий пока ничего не выходит. Николай довольно здорово похудел, в сравнении с тем, как вы его видели, так как «харчей» для него теперь мало полагается, ибо доходы наши, несмотря на «американские» предприятия, весьма не блестящи, так что Николай частенько занимается разными финансовыми операциями, вроде того, что в одном месте возьмет, в другом отдаст и т. д., эти операции идут у него успешнее, чем вышеописанные дела. Кроме того, вечное беганье, присутствие на всевозможных собраниях, комиссиях, но он не унывает, или, может, никто не видел его унывающим...».

Потом война. Вступление его в ряды добровольцем, письма с фронта, где все ему чудесно, превосходно и даже на пользу здоровью.

16-го апреля 1917 года он был убит на фронте.

Каким обаянием и колоссальным влиянием пользовалось имя Николая Сапожкова у рабочих Коломенского машиностроительного завода—свидетельствует тов. Попова, работавшая с ним и после него в Московской Окружке:

В минуты упадка или колебания достаточно было сказать:

— А помнишь, как нас учил Сапожков?—А помнишь Сапожкова? Он бы что сказал? Он уж не испугался бы!

И этого было достаточно. Сапожкова никто не забыл. Образ его, как самоотверженного борца, стоял у всех перед глазами и воодушевлял, как символ храбрости и твердой решимости.

(Сост. из восп. **Н. И. Шевлягиной**
и сестры **Н. И.-М. И. Розановой**).

II.

По материалам Московского Историко-Революционного Архива (дело № 2014—1907 г.), в первый раз Н. И. Сапожков был арестован 23-х лет 19-го января 1904 года в г. Москве, по делу о пропаганде и распространению нелегальной печати среди рабочих Коломенского машино-строительного завода.

В результате дела Сапожков был отдан под особый надзор полиции в г. Коломне. Фотография, помещенная в настоящем сборнике, снята с него Московской охранкой во время этого первого ареста.

Вторично по такому же делу Сапожков был арестован в г. Коломне в 1905 году.

На нелегальное положение он перешел в декабре 1905 года.

Во время революции 1905 года принимал деятельное участие в забастовке на Казанской жел. дороге, и безуспешно разыскивался полковником Риманом.

14-го декабря 1906 года также разыскивался полицией, как привлеченный к дознанию по обвинению по статье 128 Уголовного Уложения (распространение нелегальной печати), но за нерозыском его, дознание было прекращено.

14-го октября 1907 года был арестован в Москве на улице вместе с Горбачевым-Зезюлинским, которого полиция проследила из-за границы (бывший соц.-дем., бежал из административной ссылки, теперь не в партии). Сапожков жил тогда по паспорту Левицкого Аполлона—Теофила Ипполитовича, и до выяснения дела был заключен под стражу при Сущевском полицейском доме. Только 15-го декабря 1907 года полиции удалось выяснить его настоящее имя.

25-го января 1908 года за проживание под чужим именем и сношение с нелегальными лицами Сапожкова решено было выслать в Вологодскую губернию под гласный надзор на 2 года, считая с 21-го января 1908 года, но высылка эта 5-го марта 1908 года была приостановлена до окончательного судебного разбирательства его дела, которое состоялось только 25-го января 1910 года.

Е. Л.

СЕРЕГИН ФЕДОР ПЕТРОВИЧ.

Ф. П. Серегин родился в 1890 году, в селе Хотуши, Тульской губ. в семье полупролетария-крестьянина. Отец его долгие годы жил в Москве, где, работая на больших заводах, в частности на заводе Гужон в качестве молотобойца, еле содержал себя и свою семью в деревне. Федор, будучи старшим в семье, должен был с самого раннего возраста начать свое пролетарское мытарство. С 12-ти лет он поступает на службу то в качестве пастуха, то в качестве служащего деревенской чайной.

Работая в чайной и слушая рассказы приезжающих городских пролетариев, он на 14-м году самовольно оставляет деревню и уезжает в Москву, где поступает на службу в качестве мальчика-приказчика. Будучи приказчиком, он знакомится с революционным профессиональным движением и начинает постепенно принимать в нем участие.

Революционные события 1905—1906 годов втягивают его в революционное движение, он становится активным членом партии с.-р., принимает непосредственное участие в декабрьском восстании, и в боях получает сильное ранение, после которого ему приходится долгое время бороться со смертью. По выходе из больницы, он снова продолжает работать, но тяга к рабочей массе все усиливается, ибо быт приказчиков, их вечное раболепство перед кулаком - торгашем и вообще служба в торговом предприятии не удовлетворяют его. Ему хочется быть пролетарием в полном смысле этого слова, его тянет к рабочей среде. Несмотря на хорошее материальное положение, в котором он находился, он поступает в качестве ученика в одну из посадных кожевенных фабрик Москвы (Кокушкина), где ему приходится жить в неимоверно тяжелых условиях, как жилось ученикам вообще, и в частности ему, взрослому. На фабрике Кокушкина ему приходилось неоднократно руководить стачками, возникавшими на почве требований улучшения материального положения и гигиенических условий. Надо сказать, что условия, как те, так и другие, в посадных мастерских были самые скверные. Все это даром не прошло: за его «бунтарство» хозяин не пожелал больше иметь с ним дело, и он был просто выставлен. С этого времени начинаются его мытарства.

По своей натуре прямолинейный и революционно-сознательный, он ведет последовательную работу по проф. организации посадчиков, среди которых пользуется большим авторитетом, за что долгое время предприниматели на заводах не давали ему работать. Наконец, он поступает к Жемочкину на кожевенный завод, хозяин которого является патриархом «собственной» заводской семьи, где все живут на территории заво-

да, едят хозяйскую кашу и во всем слушаются хозяина. Ясно, что такой революционный элемент, как тов. Серегин, для патриархальной семьи был неудобен и от такого надо было избавиться.

Несчастный случай с Федором—сильное ранение руки во время работы—освободили «патриарха» от недовольного элемента, что, однако, удалось ему нелегко. В течение полугода велось следствие об установлении факта ранения и % потери трудоспособности. Даже царские чиновники должны были установить размер 10% потери трудоспособности, за что следовала единовременная компенсация.

После этого тов. Серегин работает на целом ряде других заводов, одновременно работая в профессиональном союзе посадчиков.

Во время войны в 1914 году Федор работает на заводе «Поставщик», где также идет невероятная эксплуатация и грубое нечеловеческое отношение. Неоднократно Поленов, директор завода, с палкой в руках гонялся за рабочими на территории фабрики за малейшие их упущения в работе, нарушения внутреннего порядка, а тем более за требования улучшения материального положения. Участвуя в стачке, Федор вынужден был со многими рабочими уйти с завода.

Февральская революция застает его в мастерских Земгора. К этому времени авторитет Федора среди рабочих был силен, на фабрике он был популярен, он увлекает рабочих, и все они, как один, выступают вместе с ним на улицу. Он принимает совместно с тов. Мухиным С. И., участие в организации милиции Хамовнического района, где находилась фабрика, на это его толкнуло то обстоятельство, что буржуазная молодежь—студенчество, старалась овладеть аппаратом милиции. Но эта работа его надолго не удовлетворяет, он идет к своему родному делу—в профсоюз кожевников. И с самого начала революционного периода он принимает в профессиональной работе самое активное участие, являясь членом правления и организатором его. Постепенно он перешел на постоянную профессиональную работу, но никогда не разрывал связи со своей фабрикой. Когда начинается общая стачка кожевников в Москве в 1917 году, он является одним из ее вдохновителей в борьбе за право заводских комитетов. Он со многими другими стоит во главе стачечного комитета, руководя забастовкой. Когда развертываются октябрьские события, он, будучи членом партии с.-р., ни на минуту не покидает дело рабочего класса и ведет самую усиленную подготовку рабочих масс к революционным боям. У него на поприще революционной борьбы дело расходилось временами со словом, т.-е., состоя в партии эсеров, он всегда и постоянно на деле шел с коммунистами, с рабочими: был совместно с ними в штабе Крас-

ной Гвардии и во всех активных выступлениях, и если временами он говорил языком эсера, то только потому, что долгие годы связи с ними наложили некоторый внешний отпечаток. Никто не обвинял его в двойственности, ибо знали, что рано, или поздно оболочку, которая сохранилась, он сам разорвет. И в этом красота пролетарской души.

Когда в 1918 году была выдвинута идея организаций областных профессиональных союзов, не только беспартийные, но и коммунисты считали, что руководителем должен быть тов. Федор.

Работой своей он об'единил все проф. союзы московского промышленного района. Одновременно с этим, он принимал активное участие в подготовке и организации Всероссийского Союза. Еще в июне месяце 1917 года, когда Московский губотдел вел подготовительную работу Всероссийского Об'единения, одним из деятельных его участников был Федор; он же был и делегатом от московской группы на совещание, которое было созвано в Петрограде. На 1-м Всероссийском С'езде он был одним из делегатов Москвы и принимал участие в руководстве его работой. Когда в первые годы войны Всероссийский и Московский проф. союзы были обескровлены, он фактически руководил главными отделами Центрального и Московского губотдела.

В это время внутреннее политическое колебание у него приняло характер решительный, он не мог больше оставаться в непролетарской партии. Еще задолго до этого, он порвал с партией с.-р., он не говорил уже о них, он был весь поглощен Октябрьской революцией. Когда гражданская война развертывалась все шире и шире, он не мог оставаться без непосредственного участия в ней. Он отправляется на восточный фронт. Его мобилизовала партия интернационалистов, в которой он временно состоял, порвав с эсерами, но на самом деле он на фронт рвался и без этого. Он был кристально честный, его мучило сознание, почему он должен находиться на профессиональной работе «в тылу», когда все должны находиться на фронте.

Военная обстановка не изменила его, он оставался таким же, будучи комиссаром кавалерийских запасных полков и других частей. Всегда, при всяких условиях, он был вместе с красноармейцами, никогда материально себя не выделяя. И кому известна обстановка, при которой приходилось работать в запасных полках, составленных из остатков зеленой армии, тот поймет, какая колоссальная энергия и воля требовались для этой работы.

Свои задачи он выполнял блестяще: красноармейская масса видела в нем не только начальника-комиссара, но и товарища-учителя. Те скудные познания, которые были у него, он

распространял в массе. Когда были созданы трудовые армии, он со своими частями выполнял работу, как на шахтах, так и по другим заданиям. Всюду и везде чувствовалась рука его—достойного командира. На фронте он окончательно переходит в коммунистическую партию. Переход его был пролетарски сознательным, ибо дело коммунизма он творил задолго до этого. Его переход не был неожиданностью: все знали и были уверены, что рано или поздно он будет членом коммунистической партии. В 1921 году он вернулся с фронта, вернулся с подорванными силами. Голод и неимоверно-тяжелая обстановка, в которой ему приходилось жить, подтачивали его организм. Больной он работает после возвращения с фронта в Центральном Комитете профсоюзов, в составе его президиума. Организует об'единенный кооператив рабочих кожевников гор. Москвы и района, неустанно работает в профессиональном движении. Его знали все московские кожевники, его знали кожевники России.

Но болезнь все развивалась, шаг за шагом подкрадывалась злая рука смерти и вырвала его из жизни.

Он умер накануне 5-й Октябрьской годовщины от туберкулеза. Никто не верил этому, и сам он не верил приближению смерти. Ему хотелось жить, как революционеру-пролетарию, и когда за неделю до смерти он слег в постель в больницу, он все говорил, что через некоторое время наверно выздоровеет и снова будет работать.

Так жил и умер честный пролетарий, как и многие из пролетарской семьи, но их дело неустанно будет продолжать рабочий класс.

Б. Моргулис.

СИМОНОВ ПЕТР ФИЛИППОВИЧ.

С самой постройки М. В.-Р. жел. дор. тов. Симонов служил на ней в должности десятника, затем перед февральской революцией был счетоводом 1-го уч. тяги М. В.-Р. жел. дор.

В марте 1917 года был избран в местный комитет ст. Подмосковной, где и работал до момента вступления в партию. В апреле 1919 г. тов. П. Ф. Симонов вступил в члены РКП, в октябре он был назначен заведующим дорполитом М. В.-Р. жел. дор., где работал до 1920 года.

5 ноября этого же года он был Ц. К-ом РКП командирован в Киев, там он работал заведующим учполитом Киевского узла до 1921 года.

В мае 1921 года тов. Симонов, по приезде в Москву, был избран в учпрофсож ст. Подмосковная, где и работал, как заместитель председателя учпрофсожа до момента своей смерти, которая произошла от рака желудка в августе 1921 года.

Я. Шеман.

СИОМУК ПАВЕЛ.

Тов. Сиомук—по профессии металлист. Революционная деятельность его началась с 1913 года в гор. Смоленске; организация, в которой он состоял членом, называлась библиотечная секция. Это было пристанище, куда скрывались все социалистические группы, существовавшие в то время на нелегальном положении, как-то: с.-д. большевики, меньшевики, эсеры и анархисты. В одну из групп большевиков входил т. Сиомук. Все поручения группы большевиков т. Сиомук выполнял, как сознательный революционер,—расклейка-ли прокламаций, распространение ли литературы, пропаганда-ли среди солдат,— все он считал важным. Он был неуловим для полиции до 1915 года.

В этом году вся смоленская организация потерпела полный разгром за распространение прокламаций среди солдат с призывом против империалистической войны.

Большая часть организации была арестована и выслана. Тов. Сиомук удалось с некоторыми товарищами скрыться в Москву.

В мае месяце 1915 года он поступает в Сокольнические мастерские, в электроцех, в качестве обмотчика якорей, и поддерживает связь с группой смоленских студентов-большевиков, проживающих на Малой Бронной ул. Дальше идет неустанная работа по созданию партийной большевистской организации в электроцехе. Результаты этой работы оказались в течение двух-трех месяцев, т. Сиомук удается организовать цеховую ячейку в количестве 10-ти человек, каковую он и представлял в заводском коллективе большевиков; он являлся также связующим звеном со смоленской партийной организацией, выполнив несколько партийных командировок с целью связаться со смоленскими большевиками.

Сиомук Павел.

Тов. Сиомук—активный участник трамвайных забастовок, во время которых открыто выступал на собраниях, за что подвергался частым обыскам и арестам, но безрезультатно для полиции, так как рабочие не становились на работу до тех пор, пока не добивались освобождения всех арестованных.

В период февральской революции общим собранием рабочих Сиомук избирается в заводский комитет, где принимает деятельное участие в создании культурно-просветительной комиссии.

В Октябрьские дни участвует в одном из отрядов Красной Гвардии. После победы отправляется добровольно на восточный фронт, на продработу в один из отрядов.

В 1919 году Новгород-Волынская организация посылает тов. Сиомук в одну из волостей для выяснения вспыхнувшего восстания. Здесь он был зверски убит восставшими контр-революционерами.

Нет уже т. Сиомук,—не слышно веселых шуток, коими он в дни царской реакции воодушевлял малодушных товарищей. Не стало всегда улыбающегося и неустрашимого пролетария.

Только революционным путем возможно свержение капитализма,—«ибо без жертв нет борьбы», так всегда говорил тов. Сиомук.

Память о нем всегда будет жить среди товарищей.

М. Андреев.

СКАЧКОВ АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ.

В 1917 году во времена Керенского в Звенигороде была местная власть, возглавляемая графом Граббе и заместителем его, доктором Никитиным. В Звенигороде в развалившемся домике нелегально организовался уездный Совет Крестьянских Депутатов, а позднее, когда совет стал легальным, организовался Совет Рабочих Депутатов. Исполком, или Совет, как тогда называли, состоял из двух членов Р. К. П. и одного беспартийного. Незадолго до октябрьского переворота появляется из Петрограда лет 38 рабочий—металлист Алексей Ильич Скачков, происходивший из крестьян селения Ильинского, Аксинской волости, Звенигородского уезда; член партии с 1908 года, Алексей Ильич сразу принимает активное участие в работе Совета и выработке плана свержения правительства Керенского.

Скачков Алексей Ильич.

Он был членом Петроградского Губернского Совета, куда уехал перед октябрьскими днями. После переворота он опять

появляется в Звенигороде и принимает активное участие в ревкоме. Работает энергично в земотделе, клубе и др. учреждениях до 1919 года, в 1919 году в партмобилизацию поступает проводником поезда на восточный фронт, там с поездом попадает в плен к Колчаку, где и был расстрелян.

Мазепов.

СМИРНОВ ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ.

В. С. Смирнов—сын ремесленника-крестьянина дер. Смертино, Калязинского уезда, Тверской губ., родился 26-го июня (стар. ст.) 1895 года в гор. Москве.

В 1905 году десяти лет он окончил первоначальную школу, затем воскресные вечерние классы при ф-ке «Тилле». С 14 лет поступил работать в модельную мастерскую завода «Динамо». В 1913 году вступает в с.-д. партию большевиков и вскоре же был выслан из Москвы в гор. Невьянск, где работал около 1—1½ года на металлическом заводе слесарем-лекальщиком. В 1915 году его, как страдающего пороком сердца, совсем освобождают от воинской повинности. Он опять живет в Москве с матерью и младшим 16-летним братом—Сергеем, отец умер. В 1916 предреволюционном году Василий Степанович работает на военно-артиллерийском заводе на Дербеновской ул., в здании фабрики Э. Циндель. На фабрике 2-го января 1916 года началась забастовка. Начальство, желая лишить рабочих руководителей, придравшись к каким-то пустякам, в тот же день об'являет тов. Смирнову расчет, но это только подливает масло в огонь: рабочие в число своих требований включают обратный прием Смирнова. Тогда на помощь администрации фабрики выступает полиция. 3-го января у тов. Смирнова, а также у рабочего военно-артиллерийского завода Георгия Яковлевича Володина полицией были произведены на квартирах обыски, и хотя ничего не было найдено, оба были арестованы, обвинены в агитации за забастовку и заключены в Якиманский полицейский дом. 12-го января 1916 года были высланы в административном порядке из Москвы без права проживания в ней на все время военного положения. Оба избирают себе местом жительства гор. Тверь, но ни тот, ни другой туда не едет. Смирнов, горя желанием работать в центре, нелегально пробирается в Питер. Однако, жить там долго ему не удается; преследуемый полицией, он уезжает зимой 1916 года в г. Таганрог, где поступает слесарем на Балтийский завод. На этом заводе его застает революция. После революции он избирается секретарем Таганрогского Совета и заведующим

агитационным отделом. В начале 1918 года во время наступления Краснова, тов. Смирнов погибает смертью храбрых при взятии рабочими завода Лебедева, который был занят белогвардейцами.

Е. Л.

(Сост. по данным Ист.-Рев Архива, дело № 102—1916 г. и краткой биографии в сб. «Динамо», стр. 101).

СМИРНОВА КЛАВДИЯ МИХАЙЛОВНА.

Памяти старого друга.

9 июля 1920 г. в Марьинской больнице, после тяжелой борьбы с болезнью—дизентерией—скончалась член РКП Клавдия Михайловна Смирнова.

Смирнова Клавдия Михайловна.

В партию Клавдия Михайловна вступила еще до 1905 года, сначала принимая участие в финансовой комиссии при Московском Окружном Комитете, а потом перешла к более активному содействию этой организации.

Будучи учительницей Клавдия Михайловна всегда стремилась полностью использовать свое легальное положение, превращая свою маленькую казенную квартиру при Филаретовском духовном училище в Москве в постоянное пристанище для нелегальных товарищей, которые находили здесь не только приют, но и самое заботливое к себе отношение.

Когда тайной типографии Московского Окружного Комитета стала угрожать опасность ареста, единственно надежным местом, куда можно было спрятать огромную корзину со станком, шрифтом, кипами бумаги и т.д., оказалась казенная квартира в Филаретовском училище.

В такие моменты Клавдия Михайловна, человек в высшей степени скромный и даже робкий по своей природе, проявляла огромное самообладание, выдержку и находчивость.

Снести в опасное место пачку прокламаций, предупредить нужного человека об угрожающем ему аресте, завязать связь с тюрьмой, чтобы от арестованного товарища добыть нужные адреса для восстановления разрушенной жандармами организации,—для таких дел Клавдия Михайловна со своим филаретовским видом, как трунили над нею товарищи, была прямо незаменимым человеком.

Будучи дочерью просвирни и получив образование в этом самом Филаретовском училище, Клавдия Михайловна хорошо знала быт духовенства и, ненавидя всем нутром своим все поповское, продолжала оставаться на службе в духовном училище с исключительной целью использовать для партии это место, о котором и в голову не могло притти, что там гнездится настоящая «крамола».

Во время и после октябрьского переворота Клавдия Михайловна не уподобилась многим из тех интеллигентов, кого октябрь напугал, она бросила свое опостылевшее Фаларетовское училище и устремилась работать в городском районе в качестве секретаря ячейки, членом правления рабочего клуба и руководителя клуба для подростков.

Но новый размах работы, новые ее рамки не вместили Клавдии Михайловны, столь потрудившейся в тяжелые годы подполья.

Ясно сознав, что к новой руководящей какой-нибудь работе ей не приспособиться, Клавдия Михайловна робко отодвинулась и стала в ряд, идя нога в ногу с рядовыми товарищами коммунистами, не пропускает партийных собраний, до какой бы глубокой ночи они ни затягивались, не обращая внимания на жестокий порок сердца, шагает от Рогожской заставы до Красной площади во время наших демонстраций; надрывается над непосильной работой по перетаскиванию дров во время первомайского субботника, причем все это делает с громадной любовью, с громадной верой и ясным сознанием счастья быть единицей коммунистического ряда.

До самого последного времени, когда сил уже у нее не хватало даже на посещение собраний в районе, Клавдия Михайловна, работая в горздравотделе по распределению больных по санаториям, и тут, на этой скромной работе проявила свою кровную связь с партией, радуясь каждый раз, когда ей удавалось устроить в лучшую санаторию настоящего пролетария-партийца.

Такова была Клавдия Михайловна и такой она остается в памяти тех немногих друзей, которые проводили ее гроб на Калитниковское кладбище. Партия же в лице тов. Смирновой потеряла хоть и рядового, но лучшего из своих членов.

Цец Бобровская.

(«Ком. Труд», № 104, 25/VII-20 года).

СПЕРАНСКИЙ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ.

Сын сельского дьячка, Сергей Иванович родился в Щелкове, Богородского уезда, Моск. губ. Учился сначала в духовной семинарии, но смерть отца заставила его бросить учение и поступить на фабрику учеником-слесарем. Затем, уже слесарем, он работает на разных фабриках Щелковского района. 1917 год застает его на Люберецком заводе. Он принимал деятельное участие в профессиональном движении. Все октябрьские дни в Москве сражается на баррикадах. После октября он опять на заводе выполняет ответственные поручения завкома. Позднее работает начальником милиции Ухтомского района (Моск. уезда).

20 августа 1920 года заболевает тифом и умирает, не перенесши осложнения после тифа. Осталась сирота дочь, 7 лет.

Туляков.

СТОПАНИ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

(28/XII—1898 г.—октября 1918 г.).

Будучи недолго в группе «левых с.-д. интернационалистов» вместе с т. Линдовым, он в сентябре 1918 г., как и покойный тов. Линдов, ушел на фронт коммунистов; ушел добровольцем вместе с группой таких же добровольцев - курсантов, окончивших I-е Московские воен. курсы. Вся эта группа коммунистов молодежи пала в первых же боях, в одном и том же полку и в одно время, геройской смертью; среди них и одна девушка; фамилии ее не знаю. Это был момент, когда ген. Краснов со своими донскими казаками, стремительно подвигались к Балашеву, угрожая Саратову, при весьма слабой сопротивляемости наших первых красноармейских полков. Лично знавший его т. Н. И. Подвойский, стоявший со своим штабом (кажется) в Балашеве, предлагал Д. Стопани (зная его недостаточную физическую выносливость и имея возможность использовать его на более квалифицированной работе)

остаться при себе. Но он решительно заявил о своем желании итти в ряды красноармейцев, особенно нуждавшихся в то время в коммунистической спайке. Тогда он был назначен командиром пулеметного взвода I Тамб. Соц. полка. Несколько полученых мною писем с фронта, рисущих наши бои с казаками, были полны энтузиазма: видимо, звание коммуниста в Тамб. Соц. полку было почетно и коммунистов в полку «знали», он просил писать по адресу—«Коммунисту Д. Стопани».

Это и было последнее письмо с фронта...

Несмотря на всевозможные усилия узнать о его судьбе, кроме того, что 1-й Соц. Тамб. полк отступая понес потери, я официально ничего более не узнал... Как потом выяснилось—не хотели мне сообщить тяжелых подробностей... Только в 1920 г. от ряда товарищей, имевших встречи с бывшими красноармейцами Тамб. Соц. полка, удалось узнать подробности, все сводившиеся к одному. Д. Стопани, сдерживая наступление казаков на наши части, переправлявшиеся через реку, остался со своим взводом на оставленном нами берегу, и окруженный казаками, расстреляв все патроны, взорвал пулеметы и последней револьверной пулей покончил с собой, чтобы не отдаться в руки белогвардейцев... Исходя из того, что сведения эти дошли до меня от различных рядовых красноармейцев, передававших эти подробности, следует думать, что геройская смерть Д. Стопани за нашу Красную Республику, не осталась бесследной в сердцах красноармейцев, побуждая их на новые подвиги. Помнится, с такой же готовностью пожертвовать жизнью за Советскую Республику отдавался он вместе с товарищами по курсам и делу усмирения июльского восстания эс-эров. А до того времени, еще не будучи оформившимся большевиком, с начала революции он также беззаветно отдался работе по организации первых советов и работе в профсоюзах на Кав. Минерал. Группах (где лечился), пока не попал в начале 1918 г. в Москву, совмещая учение в высшей школе с прохождением 1-х М. воен. курсов. Д. Стопани был душой группы бакинской учащейся соц. демократ. молодежи; почти вся эта

Д. А. Стопани.

группа в дальнейшем дала коммунистов, значительная часть которых нашла себе смерть на красных фронтах (Леля Давыдова—член Моск. организ., ее брат Б. Давыдов, студ. Гиндес и др.).

Будь проклята бологвардейщина и союзные ей соглашатели всех видов, в борьбе с которыми погибла лучшая часть нашей коммунистической молодежи, столь теперь нам нужной. Пусть в потере этих лучших—утешением нам служит мысль, что жизнь их пошла на закладку прочного фундамента первого государства с властью трудящихся.

А. М. С.

СУХОБРУС ИВАН.

Сухобрус Иван—токарь-лекальщик—поступил в Москве на завод «Динамо» в годы империалистической войны, будучи уже членом РСДРП (б.). Позднее тов. Сухобрус принимал горячее участие в питерском кружке большевиков с этого завода. В июле 1915 года он участвовал на массовке по вопросу: «Наше отношение к войне и безработице». В том же году он и другие большевики, не допущенные московским городским головой Челноковым на с'езд «союза городов», обсуждали вопрос об отношении к с'езду в корридоре помещения городской думы и вынесли резолюцию протеста. После с'езда товарищам пришлось всю ночь бегать от штыков и охранников. В 15 году во время стачки на заводе, тов. Сухобрус был арестован одним из первых; хлопоты рабочих об его освобождении не увенчались успехом, и он, после тюремного заключения, в административном порядке высылается из Москвы. Пробравшись в Питер, тов. Сухобрус поступил на один из заводов, и к нему стали с'езжаться другие высланные с завода «Динамо» большевики, которым фабриковались паспорта для поступления на работу. Недолго, однако, пришлось т. Сухобрус работать в Питере; в декабре 1915 г. на собрании большевистской группы по вопросу о положении тульских рабочих его арестовывают и пред'являют обвинение по 102 ст. § 1 за принадлежность к РСДРП.

После продолжительной отсидки, т. Сухобрус бежит на Урал, где также уже находились товарищи по заводу «Динамо». Революция выдвинула тов. Сухобрус на ряд ответственных работ в рабочих организациях, с которых он был, находясь в Вятке, мобилизован и послан на фронт. Но прежние условия работы и жизни надорвали здоровье тов. Сухобрус, и он умер от скоротечной чахотки.

(Сб. «Динамо», стр. 101).

СЫСОЕВ НИКОЛАЙ НИКИТИЧ.

По воспомин. т. Генералова.

Сын ткача, много лет работавшего при Раменской ткацко-прядильной фабрике, ныне ф-ке «Красное знамя», Николай Никитич родился в Раменском родильном приюте и рос в фабричном корпусе. В 1895 г. 8-ми лет поступил в Раменскую фабричную школу, которую окончил через 4 года с похвальным листом. С 1906 года до 1914 работает на фабриках. В 1914 году, как ратный ополченец, отправлен на германский фронт, где пробыл до 1916 г., затем его, как мастерового, выделяют на Ижевский завод по проведению нового моста; по окончании этой работы Николай Никитич попадает в 156 полк, в Московские Спасские казармы и здесь в 1917 году вступает в партию соц.дем. большевиков. 156 полк избирает его своим депутатом. В Октябрьскую революцию он принимает горячее участие в борьбе с юнкерами. После победы над буржуазией Николай Никитич с докладом прибывает в Раменскую ком'ячейку, которая назначает его членом Раменской чрезвычайной комиссии. И здесь, по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и саботажем, т. Сысоев проявил твердость и определенную стойкость защитника интересов рабочего класса.

Сысоев Ник. Никитич.

В поселке Малаховке, Каменская подрайонная партийная ячейка нашла в Николае Никитиче отважного и крепкого коммуниста. В 1918 году, как бойца, она мобилизовала его на южный фронт, где он сначала занял пост коменданта особого отдела.

В 1919 году в июне Николай Никитич с другим сотрудником особого отдела т. Филатовым, желая принять более активное участие в борьбе против Деникинских банд, перекомандировываются через поарм №-8 в Богучарский полк. Сражаясь, как батальонный командир, Николай Никитич Сысоев погиб в бою под гор. Александровском, Воронежской губ., оставя в селе Раменском жену и трех малолетних детей.

СЫЧЕВ.

Славный, прекрасный товарищ. Вспоминая о нем, живо встает перед глазами его образ: желтое туберкулезного вида лицо (профессиональная болезнь чаеразвесочников), усы и

волосы цвета спелой соломы и скромное потертое пальто, шляпа или шапка—все это давало ему сходство по виду с живописцем вывесок, фотографом или неудачником художником.

В моей жизни я его встретил в первый раз в раздевальне развески Губкина и Кузнецова на организационном собрании союза чаеразвесочников, на котором он выступал как делегат от развески Скороходова (25—30 чел.). Затем он принимает деятельное участие в правлении союза чаеразвесочников в 1906—1907 г.г., куда он прошел по списку социал-демократов. На партийном поприще я с ним столкнулся в 1906—1907 г.г., когда он перешел на работу в чаеразвеску Швецова в Рогожском районе. Он принимал самое деятельное участие в нелегальной жизни организации и был вместе с тов. Гореловым делегатом от своей ячейки. Старше меня по возрасту, он тем не менее был очень подвижным и энергичным.

1-го октября 1907 года происходит арест большинства участников районной организации, он принимает деятельное участие в очистке квартир товарищей, и за этим занятием его захватывает пришедшая для обыска полиция. Дальнейшее наше знакомство порывается в виду моей ссылки, он же, по сведениям от товарищей, работал в районной организации до 1910—11 года, пока от организации остались единичные лица. О нем в дальнейшем я узнал уже в 1918 году, что он работает в развеске Филиппова, принимая очень активное участие в работе «Рабочего Кооператива», как уполномоченный от предприятия. По приезде из Туркестана, я узнал, что тов. Сычев умер от тифа в 1919 году, прибл. 35 лет.

Вот те сведения, которые можно дать о тов. Сычеве, как о верном и испытанном коммунисте, бывшем таким в продолжении около 15 лет. Годы гражданской войны 1917—20 г. дали нам много свежих бойцов в ряды партии, но зато над многими из старой гвардии захлопнулась крышка гроба, вырвав их навеки из рядов старых товарищей-бойцов.

Ф. Н. Мельников.

Т.

ТРОШИН С. Г.

19 мая 1922 года рабочие-пекаря Москвы хоронили председателя рабочего комитета пекарни № 1 М. П. О. тов. С. Г. Трошина.

— Мы хороним своего лучшего товарища,—говорили рабочие пекарни № 1.

Непрерывная, напряженная работа на фронте и в производстве в течение всей революции—вот краткая, но славная

биография тов. Трошина. Полученный в силу истощения и переутомления, туберкулез вырвал его из наших рядов.

Тов. Трошин работал пекарем 18 лет еще во времена царизма. Возвратившись в 1918 году с империалистической войны, он вступил в РКП и, поступив в качестве рабочего в пекарню № 3, организует здесь партийную ячейку. Раздается призыв тов. Троцкого: «Пролетарий, к винтовке», и тов. Трошин идет в ряды Красной Армии, участвует в борьбе с Колчаком, Врангелем и поляками сначала рядовым бойцом, а затем, занимая ответственные должности и неся политическую работу.

Возвратившись в марте 1921 года по болезни в Москву, тов. Трошин, по назначению союза пищевиков, поступает пекарем в пекарню № 1. В пекарне т. Трошин является единственным коммунистом и ведет борьбу с анархистами и максималистами, свившими себе гнездо в пекарне. Сплотив группу организованных рабочих, он создает ком-ячейку, и постепенно кладет предел засилью анархистов.

В октябре 1921 года он единогласно избирается председателем завкома. В продолжение всей своей работы тов. Трошин являлся авторитетным выразителем интересов рабочих, с которым считались и администрация, и другие хозяйственные органы.

Тов. Трошин пришел работать в пекарню во второй стадии туберкулеза и, несмотря на свою болезнь, весь отдавался работе. Последним его желанием было дожить до перевыборов завкома и провести в него достойных продолжателей своего дела.

Г. В.

(«Правда», 18 мая 1922 г., № 109).

ТУРИН МИЛЬДА.

Я познакомилась с товарищем Мильдой Турин в мае 1915 года, в Нарыме, Томской губ., куда она была выслана, как с.-д., административно на 3 года.

Тов. Мильда Турин родом из пролетарской латышской семьи. В ранней юности, лишившись матери, была отдана в деревню в батрачки. Затем она попадает в город и после длительных попыток найти работу, как средства к существованию, поступает на фабрику, и волна рабочего движения захватывает ее всецело. С этого момента начинается сознательная борьба за идеи рабочего класса. После одной из политических забастовок, ее арестовывают. Просидев 6 месяцев в одиночной камере, высылается административным порядком в На-

рымский край на 3 года. Будучи по природе чрезвычайно скромным человеком, тов. Турин в ссылке буквально голодала, ибо царское содержание давало возможность только медленно умирать от недоедания.

Тов. Турин была проникнута глубокой верой в лучшее будущее и горела этим огнем.

После февральской революции, в 1917 году, она едет в Россию, чтобы получить назначение от партии. Она была членом Московской организации РКП городского района.

В 1918 году Сибирь попадает под власть чехо-словаков и белогвардейцев; тов. Турин назначается Р. В. С. Восточного фронта на весьма рискованную работу—переходить фронт, расшевелить задавленную белогвардейским сапогом партийную жизнь в тылу у противника. Перевозит большие суммы денег и литературу. Терпит большие неприятности в пути от разнузданной, разгулявшейся белогвардейщины. Несколько раз ее арестовывают. Но, благодаря находчивости, благополучно избегает участи многих товарищей по этой работе. Тов. Турин неоднократно переходила фронты, ее работа в этом направлении была незаменима, как безусловно преданного и верного товарища, но тов. Турин надломила в корне свое здоровье, и только после ликвидации Колчака почувствовала себя не совсем здоровой, тем не менее дух был весьма бодр, и на все мои попытки заставить ее полечиться отделывалась всегда усмешкой и возражением: «теперь не до этого, слишком много работы», однако подкравшаяся горловая чахотка сделала свое, и тов. Турин с температурой 40° сняли с работы и послали в санаторию, но было уже поздно, болезнь прогрессировала. Осенью 1920 года Мильда Турин умерла на 30-м году своей жизни.

Русская революция потеряла одного из вернейших часовых своей стражи.

Р. Смирнова.

Ф.

ФИШЕР ГЕНРИХ ГЕНРИХОВИЧ.

Генрих Генрихович Фишер родился 18 апреля 1902 года в г. Нюкастле, в Англии. Отец его, Генрих Матвеевич Фишер, петроградский рабочий-металлист, участвовавший в революционном рабочем движении с 1891 года; мать Любовь Васильевна, также принимающая участие в революционном движении с 1900 года. Оба живы и активно работают, состоя членами РКП (больш.)—отец с 1898 года, а мать—с 1900 года. Генрих Генрихович уже 11-ти л. окончил элементарную школу и, как очень способный мальчик, был допущен до конкурсных экзаменов в средне-учебное заведение; сдав конкурсный экза-

мен, принят был в гимназию, как стипендиат. Эта небольшая стипендия, дававшая даровое обучение и готовые учебные пособия, служила большим подспорьем для родителей. На семнадцатом году, правильнее 16 лет и 2-х месяцев, он сдал экзамен на аттестат зрелости с правом поступления в Дюргемский университет. Родители судили и рядили, но никак не могли найти средств заплатить за право слушания лекций в университете, что стоило с пособиями около 600 рублей золотом, и было совершенно не по силам кому-либо из рабочего класса, разве только подхалимам, ханжам и тому подобным лизоблюдам, за которых хлопотали, или давали деньги старушки-благодетельницы.

На 16-м году он поступает на судостроительный и машиностроительный завод в механический цех, откуда, по прошествии шести или восьми месяцев, переводится в чертежную, где быстро, благодаря знанию курса математики среднего учебного заведения, продвигается вперед и получает к началу 1921 года самостоятельные задания, при чем заведующий чертежной ни за что не отпускал его обратно в мастерские.

В 1920 году вступил в члены Ком. партии Великобритании, сначала в центральную ячейку, а как скоро только стала возможность образовать ячейку партии в ближайшем городе, он перешел в ее ряды и через несколько времени был избран в секретари этой ячейки. При образовании отделения Красного Профинтерна, был избран делегатом от ячейки Профсоюза машиностроителей на учредит. совещание в Нюкастле на Тайне, при чем тут же был избран в исполком этого округа.

Фишер Генрих Генрихович.

В мае месяце 1921 года вместе с родителями приехал в Россию и сейчас же окунулся в работу, поступив во время III конгресса Коминтерна в качестве переводчика с русского на английский. Потом поступил в А. Р. А. счетоводом, но вскоре был перемещен в заведующие отделом снабжения продовольствием. Здесь он организует детей русских эмигрантов из Америки, не говорящих по-русски. Образовывает из них кружок «пионеров», в котором сам занимается с ними русским язы-

ком и политграмотой. Издает ежемесячный сборник на английском языке в 8, 10, 12 страниц из материала самих членов кружка «пионеров». Все шло хорошо. Поступил в Высшее Техническое Училище. В полном расцвете сил, всегда подвижной и деятельный, он в воскресенье 29 июля 1922 года отправился за город с неразлучными товарищами «пионерами» и утонул в реке Клязьме, около ст. Пушкино. Так неожиданно прервалась жизнь многообещавшего и даровитого юноши, впитавшего в себя революционный дух своих родителей и готового все свои способности и силы отдать на служение рабочему классу, революции и партии.

Ячейка Коминтерна.

X.

ХАЗОВ АВДЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ.

Тов. Хазов родился в Орехово-Зуеве. Он происходил из рабочей семьи и сам впоследствии был рабочим-ткачем при фабрике б. С. Морозова. Это была незаурядная личность; будучи еще юношей 18—20 лет, он в 1905 году принимает активное участие в рабочем движении, он член боевой дружины, член местной парторганизации и т. д. Наступает реакция, но он тверд и непоколебим в борьбе за коммунизм и рабочий класс, и, кажется, в 1907 г. попадает в ссылку в Нарымский край на 4 года. Ссылка хотя и пошатнула его здоровье, но не колеблет его убеждений, напротив, он делается еще упорнее в борьбе.

Хазов Авдей Афанасьевич.

Возвратясь оттуда в конце 11 года, он живет в Москве и работает в Моск. союзе потребительских обществ и оттуда завязывает связь с нашей партийной организацией. Кроме того, он во главе с др. ореховцами, живущими нелегально в Москве, ведет в «Даниловке», в Замоскворечье, под видом культурно-просветительной работы, партийную работу, сплачивая вокруг себя все честное и революционное. Он частенько наезжал к нам и привозил с собою литературу политическую, или ребята к нему туда ездили. Но мало этого, можно без ошибки сказать, что после 12-го года, когда при выборах в 4-ю Государственную Думу и выборах в больничную кассу наша парторганизация была разбита и рассеяна, ему

принадлежит честь в сплочении местных оставшихся членов парторганизации. «Союзник», как мы его звали, в буквальном смысле, «терроризирует» нашу местную организацию; он приезжает к нам все чаще и чаще с политической литературой и с разными наказами и т. д. К моменту моего вступления в партию в 14 году я застаю организацию, хотя и небольшую, но из очень сознательных товарищей-рабочих. Эта группа дала после революции 1917 года ряд ответственных работников: С. Киров, Ленков и др.

Начинается мировая война, и тов. Хазов мобилизуется в армию. В армии он также не молчит, и за это он терпит беспрерывные гонения; он часто не успевает отсидеть в карцере один срок наказания, как к концу уже получает другое наказание, и т. д. Эти наказания и преследования в армии заставляют его в марте-апреле 1915 года бежать из армии, и куда же он бежит—опять в Орехово к своим партийным товарищам. Помню, была уже ночь—мы сидели на нелегальной квартире в Зуеве и обсуждали вопрос о том, как нам выпустить прокламацию, вдруг в дверь постучали—мы вздрогнули; думали, что полиция, и вдруг появился тот, кого мы все так любили,—это был тов. Хазов с еще одним нашим товарищем. Он был в плохой солдатской шинели и показался на первый взгляд каким-то забитым и усталым. Но это было всего на несколько минут. Выпив стакан чаю, он был снова бодр, шутил и принимал самое живейшее участие в обсуждении нашего вопроса. Но оставаться ему здесь было крайне опасно, и он уезжает, кажется, в Москву. Я его теряю из виду до половины 17 года. С первых дней февральской революции он опять появляется в Орехове и остается тем же большевиком. Здесь он принимает самое живое участие в партийной жизни, советском строительстве и т. д. После выборов в городскую думу—он член президиума городской управы, правая рука городского головы тов. Барышникова. Наступают октябрьские дни. Тт. Хазов, Барышников и я едем в Москву, и, придя в дом № 54 на Тверской улице, впоследствии здание б. губернского совета, устраиваем как бы штаб губернский по перевороту, или в помощь к нему. Здесь вместе с тов. Сапроновым, Барышниковым, покойным Литкенсом и др. тов. Хазов работал и помогал военно-революционному комитету закрепить за собой победу. Начинается острая гражданская война, начинаются переброски работников, и тов. Хазов то работает в Москве в губисполкоме, то в Павловском посаде и др. местах—здоровье его все более и более разрушается, и когда он, кажется, работал в Уфе, заболевает тифом и умирает. Это было в половине 1921 года.

Не стало сильного борца за коммунизм, еще один ушел от нас из старой гвардии, державший все время крепко знамя

борьбы за рабочее дело, но это нас не должно смущать и не смутит. Нам его, конечно, жаль, как товарища, но лучшей памятью о нем будет, если мы, оставшиеся, сумеем воспитать кадр таких же сильных борцов, каким был тов Хазов. Это, конечно, далеко не полная его биография, и долг товарищей, его знавших, написать и добавить то, что мною упущено, а упущено, наверное, очень много. Но и те немногие факты, которые я привел, дают нам образ очень сильного революционера, не падающего никогда духом и телом в борьбе за коммунизм, вплоть до последних своих дней.

С. Зрячкин.

ХЕНКИН И. З.

Безвременная смерть унесла еще одного из наших товарищей. Командированный из Стародуба *) отделом народного образования по делам службы в Москву, товарищ Хенкин, приехав на место, заболел сыпным тифом, и 6 мая 1919 года скончался в городской больнице, 28-29 л. прибл.

Хенкин И. З.

И. З. Хенкин был сыном мелкого стародубского мануфактуриста. Еще 16-ти-летним юношей он посвятил себя служению революции. В 1906 г. за агитацию, а также за распространение нелегальной литературы и прокламаций среди находившихся в то время в Стародубе казаков карательного отряда, он был схвачен офицерами, до полусмерти избит и посажен в тюрьму. После 3-х месячного заключения он был освобожден по малолетству.

Тюрьма не убила, а наоборот укрепила в нем революционный дух, и он с еще большей энергией начал работать, но в январе 1907 года снова был пойман полицией, подвергнут страшнейшим избиениям и опять брошен в тюрьму. Через год его сослали в вечную ссылку в Енисейскую губернию, откуда в 1910 г. он пытался бежать, но был арестован. Революция освободила его.

Прибыв на родину, тов. Хенкин отправился в Москву и в дни октябрьского переворота находился в рядах Красных

*) г. Стародуб был Черниговской губ , ныне Гомельской г.

войск. Затем приехал в Стародуб и во время оккупации города немцами, работал на ст. Унече.

Будучи раньше убежденным анархистом, он понял тяжелое положение революции и примкнул к партии коммунистов (большевиков).

Это был один из честных и искренних работников нашей партии. Его чувства были пропитаны любовью к человечеству. Надежда на лучшее будущее была в нем непоколебима. Пусть светлая память о нашем дорогом товарище будет написана на страницах истории, и запечатлеется в наших сердцах.

Романов.

ХЛЕБНИКОВ ПЕТР.

(Студент унив. им. **Свердлова**, умер 22/II-1922 года)

Неделю тому назад он был еще между нами бодрый, веселый и неунывающий. Вернувшись из Сибири, делился впечатлениями и зачаровывал своими рассказами, пересыпанными тонким юмором. Никому даже не могла притти в голову мысль, что через неделю он может покинуть нас навсегда. Он вырван злым бичом человечества—сыпняком из наших рядов в тот момент, когда только вступал в жизнь и обещал пройти в ней не простым зрителем. Как-то не верится, что его уже нет между нами, полного энергии, силы и так легко проходящего через всякие житейские преграды.

Происходя из среды, подавленной ярмом капитализма, и с раннего детства испытав все невзгоды капиталистического строя, он проникается ненавистью к окружающей обстановке, и революционная волна захватывает его 17-ти-летним юношей он с головой уходит в общественную жизнь, ведя, главным образом, агитационную работу. Чувствуя, что те знания, какими он располагал, недостаточны для быстро развертывающейся жизни, он командируется в университет имени Я. М. Свердлова, где своими способностями выделяется из среды товарищей.

Долго, однако, учиться не пришлось. Огромная потребность в лекторских силах на местах заставляет часть товарищей из лекторской группы, наиболее подготовленных и успевающих, бросить на работу в провинцию. В число их попадает тов. Хлебников; он направляется на работу в Сибирь, где и работает в Омской партийной школе, вскоре становясь общим любимцем курсантов. В Москву он вернулся бодрым, как всегда, и даже за полчаса до смерти не верилось, что уже так скоро его не станет. Никогда не будут забыты нами его идеалы и общее дело будет доведено до конца.

(«Правда», № 44, 24/II-1922 г.)

Ч.

ЧАМОВА ЕВДОКИЯ ПАВЛОВНА.

Жизнь Е. П. Чамовой трудно уложить в сжатые определенные рамки, трудно потому, что эта жизнь есть мучительно тяжелая картина жизненной борьбы за существование личности—класса, и что отдельные моменты этой жизни требуют толстых томов описания, а вместе взятые они составляют великую историческую картину жизни, развития и борьбы рабочего класса в капиталистическом обществе. Приходится поэтому писать отдельными, краткими штрихами, составляя из них биографию Е. П. Чамовой.

Е. П. Чамова родилась в Москве в 1898 году, в большой, состоящей из 10 душ, семье рабочего-кузнеца, который сначала работал в Смоленской губернии, откуда его нужда заставила сняться и переправиться в Москву. Переезд, поиски работы, которую в конце концов находит на химическо-красочной фабрике бывш. Столярова, устройство, громадная семья при одном работнике, скудный заработок, жизнь впроголодь, в подвальном сыром помещении, постоянная нужда превращают жизнь в сплошной кошмар, с которым свыкаются люди в силу только безвыходности. Но все это ничего. Люди мучаются, но живут. Дуня идет в школу. Родители, стремясь вооружить ее для тяжелой жизни оружием, на это убивают последние гроши, но это необходимо. Она ходит год, два, на третьем, в 1909 году, умирает отец.

Чамова Евдокия Павловна.

Дуне 11 лет; большая рабочая семья, лишась кормильца-работника, остается в беспомощном положении. Где выход? Выход из этого положения один—итти на рынок продавать свою рабочую силу, отдаваться в рабство и этим отчасти помогать семье. И Дуня поступает в портновскую мастерскую на Моховой. Одиннадцати лет, оторванная от школьной скамьи, Дуня бросается в омут эксплоатации и угнетения, а кругом в жизни мелькают сытость, довольство лиц господствующего класса, а ты?—ты иди, иди туда, куда тебя гонит суровая нужда, голод и твое бесправие.

Портновская мастерская; Дуня в ученицах, в условиях самой бесчеловечной эксплоатации и издевательства: крики, ругань, побои мастериц и хозяйки, утомительная работа в мастерской, беготня по заказчицам, дома уход за детьми, хождение в лавку, приготовление обеда—превращают 11—12-летнюю Дуню в ученицу, няньку, кухарку, работающую по 18 часов, а иногда и полные сутки. Живя в такой кошмарной обстановке, Дуня естественно стремилась к лучшим условиям, к лучшей жизни. Она искала их, переходя с места на место, но встречала везде одно и то же. В этом искании лучшей жизни в ней развивалась и классовая ненависть, и классовое сознание.

Так, до 1917 года, до революции Октября. Стихийно, не осознавая, но чувствуя инстинктом, нутром, что революция идет и ломает старое, Дуня принимала участие в шествиях и демонстрациях. Дальше—работа в столовой, в качестве заведующей хозяйством. Работа без принуждения, работа не на хозяина, а на общество увлекла и захватила Дуню.

Общественная работа, а вокруг общественная борьба в конце концов определяют Дуню, и в 19 году, в самые тяжелые минуты республики, она вступает в ряды РКП в Хамовническом районе. Политическая работа в массах, споры, доводы, убеждения, организация ячейки при столовой—все это проходит при активнейшем участии Дуни. В 1920 году Дуню райком перебрасывает с работы в столовой на работу в партийный клуб упорядочить, наладить хозяйство, которое в то время представляло собой сплошной хаос. Мебель, стулья, кресла, ковры, занавеси—все это валялось без учета и наблюдения. Дуня и здесь показывает себя, как работница-хозяйка. Она приводит в порядок клуб и хозяйство, работает не покладая рук, не учитывая времени. После этой работы, с которой уже справилась Дуня, ее бросают в библиотеку районного комитета, приводить в порядок ее, наладить, организовать. Эта работа особенно пришлась по душе Дуне. Она ушла в нее вся, с головой. Разбирая, копаясь в книгах, она часто засыпала и оставалась в библиотеке до утра. Работая, она совершенно не думала о себе и о своем организме; работавшие рядом с ней товарищи, перегруженные в свою очередь работой, также не обращали внимания, что организм Дуни слабел. В результате она не выдержала налетевшей на нее болезни тифа, окончательно свалилась и была вырвана из рядов нашей партии навсегда.

Эти маленькие штрихи описывают Дуню, как пролетарку-работницу, осознавшую свои задачи, и как неутомимую работницу на общественных постах. Мне хотелось бы закончить биографию Дуни дополнением двух ярких фактов из ее жизни, которые рисуют ее, как борца, как революционера.

В 1919—20 гг. гражданская борьба, республика на военном положении, партия на передовых постах. Дуня идет на казарменное положение обучаться военному делу. После казарменного обучения Дуня в рядах борцов. Холодный зимний вечер. В легком осеннем пальтишке, с винтовкой в руках, на посту Дуня стоит часовым, охраняя склад с оружием. Холода нет, она горит, в ее темных глазах нет страха, сомнения, они решительны, они беспощадны к своим классовым врагам. 1920 год. Война с Польшей. Трудовое напряжение, субботники. Волны трудового под'ема. Веселая, с песнями, впереди идет Дуня, увлекая на трудовой фронт. Слабая, тщедушная, она как-то преображается, вырастает во время работы. Выкидка дров, уборка камней, починка паровозов—работа кипит в ее маленьких руках. Лицо зарумянилось, глаза блестят. Дивишься—откуда берутся силы и энергия в этом слабом человеческом организме. Чуткая, простая, скромная, незаметная на первый взгляд, но незаменимая в процессе работ, не покладая рук, не считаясь с силами, ни с здоровьем, работала Дуня на дело революции. Тяжелая обстановка жизни, непрерывный напряженный труд свалили и раньше времени унесли Дуню из нашей среды.

Умерла Евдокия Павловна 26 марта 1922 года, 22-х лет от роду.

И. Морковкин.

Чесноков Егор Александрович.

ЧЕСНОКОВ ЕГОР АЛЕКСАНДРОВИЧ.

Тов. Чесноков, сын рабочего Раменской ткацко - прядильной фабрики, родился в 1886 году 26 мая при фабрике в с. Раменском, Московской губ., Бронницкого уезда.

С 1902 года работал чернорабочим и в одно и то же время конторщиком в Сафоновском имении, принадлежавшем фабриканту Раменской фабрики, получая 16 копеек за летний 17-часовой рабочий день.

С 1904 года поступил на фабрику в подавальщики при основах, и вскоре в служащие при приемке пряжи. С 1907 года был призван в армию, где пробыл 3 года, после чего снова был принят в служащие на фаб-

рику, в 1914 г. вновь мобилизован на империалистическую войну, участвовал на германском фронте.

С начала 1917 года освобожден от службы. Работает в конторе указанной фабрики. В мае 1917 года вступает в РСДРП (большевиков). В октябрьский переворот, когда по постановлению комитета служащих Москвы, вёлась агитация за саботаж служащих, выступал один против саботажа, раскола служащих на две стороны; саботаж отчасти от этого, отчасти же от трусости служащих не удался.

В 1918 году работает заведующим Сафоновским имением, в 1919 году—секретарем Совета Профсоюзов, в том же году был избран в предфабзавкома Раменской фабрики, выставленный ячейкой, пробыв на этом посту три выбора. Умер от сыпного тифа, свирепствовавшего в то время на фабрике,—мая 22-го, 1920 года.

Зарубкин.

ЧУГРЕЕВ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ.

Когда чехо-словаки и белое офицерство 29 мая 1918 года свергли Советскую власть в Сибири, Чугреев М. бежал в тайгу, а оттуда в Енисейск, где еще Советская власть существовала. Губком ему выдал документы и деньги, с которыми он намеревался через Семипалатинск пробраться в Россию. В Маршанске на станции был белыми арестован и отправлен обратно в Канск, где содержался более четырех месяцев в тюрьме. После свержения эсеровской демократии, ставленником Колчака началась беспощадная расправа с большевиками, где бы только они обнаружены ни были, а также и в тюрьме. Из Канской тюрьмы каждую ночь выводили по несколько человек, которые неизвестно куда пропадали. В ночь на 12 января 1919 года (ст. ст.) в 5 часов вечера, были взяты из тюрьмы казаками М. Чугреев с тремя товарищами и расстреляны.

Жена Чугреева, Мария, была также чехо-словаками арестована три дня, после чего ей разрешили передвигаться по всему Канскому уезду. Она пошла на поиски мужа в тайгу, но по дороге они разошлись, и она вернулась обратно. Когда Чугреев сидел в тюрьме, она несколько раз посещала его.

Труп расстрелянного Чугреева найти не удалось. По частным сведениям, он был зарублен на льду и брошен в прорубь. После этого его жена скрывалась по подложному документу в разных местах. Дочь Чугреева, Нина, убежала к отцу жены, который также был сильно избит, и все, что было у него из крестьянского имущества, казаками было разграблено. После восстановления Советской власти, жена Чугреева вернулась к отцу совершенно больному и к дочери в г. Казань, где и живут до настоящего времени.

И. Бугров.

Добавления к вып. № 1
„Бр. Мог.“, стр. 185.

ШАНЦЕР ВИРГИЛИЙ ЛЕОНОВИЧ („Марат“).

I.

24 января 1911 года умер в Москве член Ц. К. нашей партии тов. Марат. Все, кто знал почившего товарища, поймут, как велика наша потеря...

Тов. Марат родился в 1867 году. Родители его—люди довольно интеллигентные: отец—инженер, и ранние годы В. Л. провел в довольстве. Рано окончив гимназию, на 17-м году, он в течение 10 лет не мог поступить в университет. Прямо с гимназической скамьи попал в тюрьму, по обвинению в принадлежности к партии Народной Воли. Следствием этого был долголетний надзор в городе Аккермане, где В. Л. существовал уроками и частной работой.

Спустя 10 лет, ему удается поступить в Юрьевский Университет, который он блестяще оканчивает. Несмотря на очень серьезное отношение к занятиям по своей специальности, он все время пребывания в университете живет интенсивной общественной работой и, ставши уже к этому времени убежденным с.-д., неустанно вербует новых членов в партию. И на похоронах его присутствовали, между прочим, друзья и ученики его по Юрьеву, сохранившие, несмотря на долголетнюю разлуку, самую живую память о нем.

С громадным трудом удалось В. Л. около 1900 года попасть в Москву, где он занимался адвокатурой. Его отличительной чертой было проникновение своим трудом, и к занятиям адвокатурой он не мог отнестись иначе. Он принимал участие в нескольких крупных процессах по политическим делам и успел проявить свою талантливость и на этом поприще.

В. Л. никогда не переставал быть деятельным партийным работником. А в Москве в этот период особенно много было работы по борьбе с зубатовщиной. И вот уже в 1902 году, по подозрению в принадлежности к с.-д. партии, его арестуют и административно высылают на 3 года в Енисейскую губернию. Там он живет первое время в селах, а затем ему удается устроиться в Ачинске на жел. дор и получить разрешение заниматься адвокатской практикой. Это была кипучая жизнь. Этот человек был способен взвалить горы себе на плечи и не только не гнуться под тяжестью их, но и не сознавать огромности своего труда.

Поразительная скромность—вторая его отличительная черта. Эта скромность при неудержимой горячности темперамента, при страстном искании дела, беззаветном увлечении им,

недюжинных способностях и удивительном незлобии, мягкости и добродушии в личных отношениях, не могли не располагать к нему всех так или иначе соприкасавшихся с ним в деле. И этот же мягкий, крайне нетребовательный по отношению к себе человек становится неузнаваем, когда дело шло не о нем, а касалось партийной жизни, даже лично кого-либо из товарищей. Тогда он становился непримиримым, не щадил противников, бросая в них едким сарказмом, не щадил и себя, беззаветно неся все свои силы служению горячо любимому делу.

Возвращаясь к жизни его в ссылке, прибавим, что, имея большую работу по специальности, В. Л. находил вместе с тем время для того, чтобы усердно заниматься с товарищами; особенно охотно шел он навстречу товарищам-рабочим, и пишущему эти строки приходилось наблюдать, а, главное, выслушивать от самих рабочих, что ни с одним из интеллигентов они не чувствовали себя так просто, по-товарищески, как с В. Л. Пребывание вблизи от жел. дор. было им использовано как средство для содействия массе побегов, прошедших через его руки. Наконец, несмотря на то, что до срока ему оставалось уже немного более полугода, он и сам делает попытку бежать, но подле Челябинска его арестуют, а затем, спустя некоторое время по водворении в г. Ачинске, высылают в Якутскую область «за попытку к побегу и за вредное влияние на ссыльных». Но в конце 1904 года он по манифесту возвращается в Москву и весь 1905 год занят кипучей партийной работой. Несколько дней спустя по приезде в Москву, В. Л. уже вошел в качестве сотрудника-редактора в редакцию рабочей газеты, издававшейся в Москве («Голос Труда»). Ему сразу удалось привлечь новые силы для обслуживания этого органа и стать душою всего предприятия.

Перед 3-м с'ездом группе «Голоса Труда» было предложено послать своего делегата с совещательным голосом на с'езд партии. Шанцер, которого группа хотела послать, отказался, находя, что его присутствие в Москве более необходимо.

После 3-го с'езда, Ц. К. назначил В. Л. агентом Центрального Комитета для центрального района; задачи были огромны. Нужно было об'езжать местные комитеты, снабжать их партийными директивами, литературой, техническими принадлежностями, агитаторами, пропагандистами и т. д.

В. Л. со свойственной ему энергией взялся за дело. Под его влиянием группа «Гол. Труда» заняла определенную внутрипартийную позицию—большевистскую.

После 3-го с'езда группа прекратила свое «независимое» существование и передала свое имущество (типографию) в Ц. К., а литературные силы отдала органу Ц. К. «Рабочий».

В. Л. назначен был редактором органа Ц. К. «Рабочий». Эта кипучая, плодотворная и талантливая работа В. Л. скоро была оценена местным комитетом партии, и Шанцер, больше всего любивший работу в массах, сдав свою работу по агентуре своим помощникам, отдался комитетской работе.

В Московском федеративном Совете В. Л. был постоянным председателем.

Период митингов, 17-е октября, похороны Баумана, все это происходит при его ближайшем участии. Его имя «Марат» стало известно в столицах и предместьях, в Питере и провинции... 7 декабря 1905 года, накануне восстания, его арестовывают, и 9 дней канонады он проводит в Таганской тюрьме. В Таганке В. Л., отстаивая права заключенных, жестоко поплатился. Затем начались его побеги...

Весной 1906 года В. Л. «препровождают» опять без суда в Енисейскую губернию на 5 лет (в село Каргино, недалеко от Енисейска). Осенью В. Л. пытается бежать, первый раз неудачно, а второй—удачно. По просьбе товарищей остается работать в Омске. Здесь под чужим именем попадает под военно-окружной суд, но счастливо отделывается месяцем тюрьмы. Затем уже нелегально устраивается на работе в Петербурге, но ненадолго; его опять арестуют перед предполагавшимся его от'ездом на Лондонский с'езд и высылают на реку Ангару, в глухое село. Здесь ему приходится прожить целый год, не оставляя мечты о побеге. Но вдруг опять распоряжаются перевести его в Туруханск, очевидно, вновь находя его влияние «вредным» для населения. С дороги В. Л. бежит и переправляется за границу...

(«Соц.-Демократ», № 21-22 от 12/III-1911 года).

II.

Памяти товарища МАРАТА.

В психике каждого человека—по крайней мере, целостного, сильного—всегда можно подметить основную черту, которая составляет стержень, основу всей его личности.

В личности тов. Шанцера такою основною чертою был его темперамент. Его южный, французский (он был по происхождению француз) темперамент, вместе с твердокаменностью и неумолимостью, справедливо был отмечен в партийной кличке Марата. Как и великий французский трибун, тов. Шанцер быстро воспламенялся, кипел, клокотал и в подобные минуты мог забыть и себя и других.

Этой чертой обусловливались его и положительные и, если хотите, отрицательные стороны.

Положительные стороны заключались в том, что, отдавшись какому-нибудь делу, а особенно любимому делу, он ухо-

дил в него целиком, с головой, не занимался ковырянием себя, рефлексологией, колебаниями. И шел он до конца. Отрицательной же стороной этого его пламенного темперамента было то, что он лишал его возможности более хладнокровно проанализировать обстоятельства, критически отнестись к себе, уметь во время изменить тактику.

Я ближе познакомился с тов. Шанцером во время эмиграции, после 1908 года в Париже. Мы были с ним в разных лагерях, очень остро враждовавших между собою. Я был «ленинец», т.-е. ортодоксальный марксист; он—«отзовист». Об'ективный учет эпохи реакции после 1905 года диктовал нам необходимость использования трибуны Государственной Думы для революционной борьбы и политического просвещения рабочих масс; думской революционной работе мы придавали большое значение, связывая ее с внедумскими выступлениями рабочих. Тов. Шанцер никак не мог понять этой точки зрения. Для него столыпинская Дума была—«ватерклозет», «контр-революционная ловушка», и итти туда рабочим представителям казалось неприличным. И эта группа требовала или немедленного отозвания нашей фракции («отзовисты») или пред'явления фракцией «ультиматума» Думе («ультиматисты») и последующего ухода.

Теперь уже нечего доказывать, кто был прав в этом споре. Теперь уже всякому ясно, что «отзовисты» («ультиматисты») рассуждали не по-марксистски, не диалектически, метафизически; всякий знает, что наша думская фракция действительно сыграла в стране большую революционную и организационную роль, что если бы мы тогда согласились с отзовистами, то только бы сыграли на руку Столыпину, черной сотне и либералам, которым очень не хотелось, чтобы революционный голос раздавался на всю страну с трибуны Государственной Думы. Теперь это всем ясно, но тогда вокруг этого вопроса поднимались самые ожесточенные споры.

И тов. Шанцер со всем жаром отдавался этим спорам. На более горячих собраниях в Париже меня обыкновенно избирали председателем, вероятно, за мою докторскую выдержку, хладнокровие и самообладание. В громадном большинстве случаев даже в легко воспламеняющейся нервной эмигрантской среде мне удавалось гасить разгоравшиеся страсти. Даже ехидный, желчный Алексинский уступал моей настойчивости. Но с тов. Шанцером была сущая беда. Когда он брал слово, я чувствовал себя также напряженно, как на самой сложной операции. Он гремел, раскалялся, раскалял других, и температура собрания сразу вскакивала до точки кипения. Каюсь, что не все собрания после выступления тов. Шанцера мне удавалось доводить до конца без скандала.

И тем не менее—странное дело: никто «не имел зла» против этого бурнопламенного противника. Ибо все мы понимали, что в нем клокочет революционное чувство, южная непосредственность и прямолинейность, что не искусственный пафос, а горячая любовь к делу заставляет его метать громы и молнии. Вот почему все не только со снисходительностью, но и с любовью относились ко всем его выходкам. Вот почему и я, его горячий противник в те времена, вспоминаю с любовью этого честного, прямого, горячего революционера, душою болевшего за рабочее дело.

Н. Семашко.

III.

Воспоминания о тов. ШАНЦЕРЕ.

Приблизительно в конце марта 1906 года, когда окончательно было подавлено декабрьское восстание, когда из самой Москвы и губернии, а также и др. губерний, Бутырская тюрьма была наполнена повстанцами и царские жандармы расправлялись с ними, нас двоих, меня и Мишина, привезенных из Серпухова, административно выслали в Туруханский край. Нас вывели для отправки во двор Бутырской тюрьмы, где была уже собрана партия для отправки в Сибирь. В эту же партию был приведен из одиночек тов. Шанцер. Как только он появился среди нас, сейчас же спросил, кто идет в Туруханский край и, узнав, что мы направляемся туда, встал с нами в один ряд. Я тогда же по наружности и по поведению и краткому разговору с тов. Шанцером сразу почувствовал в нем нашего старшего товарища и учителя, в чем и не ошибся. По пути в Самару мы узнали от него некоторые подробности о борьбе рабочих на Красной Пресне, он в ней принимал активное участие и был там представителем или от областного комитета, или от Ц. К. и имел все время сношение со Шмидтом, кажется, у него был арестован, и как-то случайно отделался только административной высылкой на 5 лет. Вскоре он стал у нас дипломатическим старостой и нашей энциклопедией-справочником. Наша партия была довольно разнородна, в ней было много эсеров, анархистов, бундовцев и др. разных политических групп. Большевиков было немного. Возникало много различных вопросов, велась борьба между отдельными группами, и вот со всякими и теоретическими и практическими разногласиями и вопросами мы обращались к тов. Шанцеру, и всегда находили полные и исчерпывающие ответы, марксистски обоснованные.

Первая наша остановка была в Самаре, недели, кажется, на полторы. Одна камера в Самарской тюрьме, в которой я уви-

дал почти всех бородатых заключенных, меня особенно поразила и запечатлелась в памяти. В ней, оказалось, сидели одни крестьяне за аграрные беспорядки в Самарской губернии. Здесь же, в самарской тюрьме, число нас, идущих в Туруханский край, большевиков, еще увеличилось ореховскими и иваново-вознесенскими. Они прибыли водным путем по Волге. Когда мы прибыли из Самары на ст. Челябинск, у нас вышел скандал с конвоем из-за того, что мы не хотели итти в челябинскую тюрьму, а хотели ехать дальше. Тов. Шанцер в это время был во главе всей партии и первым протестантом. Он хорошо знал челябинский клоповник (так называли тогда челябинскую старую тюрьму), о чем, конечно, осведомил и нас. Я, как сейчас помню, как нас плотно сжал конвой, публику с платформы станции разогнали и окружили нас кольцом конных казаков, в помощь конвою. И начальник эшелона, после долгих переговоров с тов. Шанцером и угроз, наконец, сказал, что живыми или мертвыми, а он должен нас доставить в тюрьму. Видя, что дальнейшее сопротивление ни к чему не приведет, нам с большой неохотой пришлось пойти в челябинский клоповник. Это было как раз в день открытия Государственной Думы, кажется, 26-го или 28-го апреля. Наконец, после посещения красноярской тюрьмы, мы—Шанцер, Мишин и я, попали в Енисейский уезд, в Моклаковскую волость, село Каргино, а в 15 верстах от нас, ближе к Енисейску, были помещены товарищи из Орехово-Зуева, их было человек 6. С этого времени началось мое близкое знакомство с тов. Шанцером.

Это было в мае 1906 года. Занятия наши в селе Каргино были двух родов; во-первых, тов. Шанцера, как юриста, осаждали крестьяне с разными делами—земельными, хозяйственными, бракоразводными, с разделами и с другими, а я занимался слесарной работой, получив в наследство тиски и слесарный инструмент от ссыльного, который завещал этот инструмент будущему ссыльному и который при побеге также я передал другим товарищам. Другой стороной нашей жизни было занятие политграмотой и просто грамотой. Мы решили пройти с тов. Шанцером курс по философии и по марксизму. Лекции устраивались по очереди, то в селе Каргино, куда приходили т.т. ореховцы из Усть-Тунгусского села, то мы, каргинцы, шли в село Тунгусское, и там слушали лекции тов. Шанцера. Кроме этого, была организована библиотека, которая была в Каргино, мне пришлось вести записи по ней и быть вроде библиотекаря. Затем занимались кто русским языком, кто иностранными языками и др. предметами, руководил всеми занятиями и учил т. Шанцер. Приблизительно в середине августа лекции были закончены, мы чувствовали, что стали как бы более зрелыми и стали переговариваться о том, чтобы

удрать из ссылки на работу. Помню, как тов. Шанцер с его кипучей натурой больше всех страдал от своего, как ему казалось, бессмысленного и бесполезного пребывания. Наконец, нам удалось спровадить тов. Мишина. Остались мы двое. Зародившаяся мысль о побеге не давала нам покоя, и в конце сентября 1906 года мы, наконец, решили уехать. Сговорили нашего хозяина с лошадьми. Вечером, накануне побега (мы думали выехать в ночь), я начисто сбрил тов. Шанцеру его длинную и курчавую черную бороду и усы. Приготовили себе за неимением хороших довольно подозрительные паспорта, в надежде добраться до Красноярска, куда у нас были явки. Из Красноярска к нам для связей раза два летом приезжал один товарищ, от которого мы и получили явки. В Красноярске мы думали заручиться лучшими документами. Погода в эту ночь была плохая, с утра уже лил дождь, и когда мы выехали, тьма была непроглядная. Лошади не совсем хорошие, но мы все-таки выехали, ибо оставаться дольше не могли. Проехав верст 25 по тракту на Красноярск, мы услышали позади себя звон колокольчиков; почему-то это нам показалось подозрительным и странным, и мы подумали, не за нами ли погоня. Скоро нас обогнала тройка, мы уже хотели возвращаться назад, но лошади устали, а до остановки впереди было версты 3. Свернуть в сторону некуда, так как дорога одна по обе стороны идет тайга, лес с болотами и вдобавок страшная тьма, и я ничего не вижу, а т. Шанцер, будучи сильно близорук, совершенно ничего не видел, все же, если бы мы были уверены, что действительно нас обогнала погоня за нами, возможно, мы возвратились бы, но мы, надеясь, что это случайность, решили ехать вперед в село. Как только мы в'ехали в улицу, наши лошади уперлись в тройку, обогнавшую нас, которая была поставлена поперек дороги; к нашей повозке подошел урядник с зажженной свечей и спросил, кто едет, мы ответили, что мы приискатели (так называются люди, которые работают на золотых приисках), но в это время подошел возница с тройки и говорит, что это наши каргинские ссыльные, при чем меня сразу узнал, а Шанцера, бритого, узнать, конечно, не мог и все недоумевал относительно его бороды. У нас потребовали документы, которые мы обещали доставить как только доедем до остановки, говоря, что на дожде неудобно мокнуть, и мы никуда не можем скрыться. Пристав, повидимому, согласился и мы заехали в первый попавшийся крестьянский дом. Через несколько минут пришел урядник за нашими документами, но мы, в виду их большой подозрительности, уже сожгли их и сказали, что мы ссыльные из Каргино и едем в село Казачьинское в больницу. Нам не поверили, и в селе Казачьинском передали нашему становому приставу, который с конвоем отправил нас в енисейскую тюрьму. Там мы узнали, что из

Енисейска бежал Дейч и за ним послана погоня по всем дорогам, и одна из них, в виде урядника и пристава из Енисейска, догнала нас. Отсидев 10 дней в енисейской тюрьме, к нашему счастью, нас отправили на пароходе обратно на старое место в село Каргино. Недели через три мы опять поехали, но на этот раз уже из села Тунгусского, сказав нашему сотскому из села Каргино, что мы едем в гости к товарищам, и так как направление это было не к г. Красноярску, а назад, то он поверил и никуда не сообщил, и мы благополучно добрались до Красноярска. Проживя здесь недели две, нас партийная организация направила в Омск. В Красноярске мы не могли остаться работать, так как красноярская полиция нас уже знала. В Омске нам приготовили лучшие документы, насколько помню, тов. Шанцер получил документ инспектора народных училищ, а я документ слесаря Станкевича Евгения Осиповича. В Омске мне пришлось пробыть недели три, при чем раза три я был на собрании пропагандистского кружка высшего типа, которым руководили т. Попов и тов. Шанцер. Даже припоминаю некоторые лекции, которые читали т.т. из кружка, так, например, на тему: «Положение пролетариата и буржуазии в капиталистическом обществе», затем «Классовая борьба, как двигатель истории». Здесь видно было, какую огромную пользу приносили как тов. Попов, так равно и тов. Шанцер; в результате этой же работы был составлен подробный конспект на основе нашей партийной программы максимум и минимум, как помощь пропагандистам. Я вспоминаю, как болел душой тов. Шанцер о жизни партии, вспоминаю из одного случая, когда мы с ним пошли на митинг в железнодорожную мастерскую в Омске и этот митинг, благодаря администрации, не состоялся, и помню возмущение его по этому поводу, и как он хоть с оружием в руках готов был пойти против помешавших митингу.

Бурная натура революционера ни минуты не оставляла его без дела. Пробыв недели три в Омске, меня омская организация направила на работу в Петропавловск, где я и был председателем районного комитета, и уже работая в Петропавловске, я получил известие, что в Омске провалился указанный мною выше кружок, на котором были арестованы и тов. Попов и тов. Шанцер. С тех пор до появления некролога в «Правде», который я читал, будучи вторично в ссылке, о тов. Шанцере я не имел почти никаких сведений. Но посеянное им и до сих пор живо, а воспоминание о нем навсегда останется примером для меня и для тех товарищей, которым приходилось с ним сталкиваться.

И. Кокушкин.

IV.

Выдержки из писем В. Л. ШАНЦЕР к Левицким.

Одесса, 7-го января 1900 года.

Теперь мне приходится, дорогая Евгения Григорьевна, извиняться перед вами за долгое молчание: но что делать? Целехонький день занят я на уроках, а не набирать их я не могу, так как нужно прокармливать семью. Мой батюшка без места, и единственным средством пропитания являются мои доходы. По одесским ценам для прокормления семьи в 4 человека, считая и квартиру, нужно минимум 100 рублей (при скверном питании), а 100 рублей зарабатывать на уроках можно лишь упорным трудом. Хуже всего то, что я впереди ничего, кроме уроков, не вижу. Вздумал я было записаться в помощники присяжного поверенного. Суд, который здесь играет роль совета прис. пов., затребовал мой диплом и свидетельство о политической благонадежности из университета. Диплома мне до сих пор не прислали: чорт их знает, что они возятся, а из университета я получил формальный отказ. Нельзя де мне выдать такого свидетельства— и баста! Таким образом, надежда на другую профессию—по крайней мере в Одессе,—рушилась; не знаю, как другие суды, а наш непременно требует такое свидетельство. Впрочем, о выезде в другие города мне пока и мечтать не полагается. Почему вы не шлете мне Платона для просмотра? Я бы в праздник просмотрел его. Статьи Захара *) я не читал, так как, признаться, не читал последних книжек журналов: ведь от 9 утра до 10 вечера занятия на уроках, боюсь, как бы еще в малограмотные не попасть. Что у вас хорошего? Пишите о себе, Костике и других. У меня абсолютно писать нечего. Не заполнять же письма вздохами и охами. В виду этого, кончаю. Жму крепко руку вам и Косте. Привет сердечный Захару и Любови Карповне**). Что с Попкой?***)...

Москва, 2 июля 1900 года.

Хотя я и разочаровался в адвокатуре, но все же далеко не согласен с вашим мнением о ней, по моему языкоблудство, вовсе не неизбежная вещь в данном деле. Конечно, когда, защищая мелкого воришку, добиваешься его опра-

---

*) З. Г. Френкель. }
**) Л. К. Френкель. } Ред.
***) К. А. Попов. }

вдания, хотя и знаешь, что кражу он совершил, ты, быть можешь, и грешишь против истины, но этого языкоблудством я назвать не могу. Слишком уж жалок этот несчастный продукт общественных условий, очень уж горькая участь грозит ему; да вдобавок прекрасно сознаешь, что кара, суровая кара, не исправит его и лишь принесет ему одно мучительство. Дело другое, если стремиться оправдывать и обелять какого-нибудь сеньора, совершившего какие-нибудь весьма некрасивые дела, отразившиеся на мелком люде. Но ведь никто вас в эту сферу деятельности и не толкает. Большинство же дел, даже очень крупных (не говорю уж о делах рабочих и аграрных, которые истинное удовольствие защитнику доставить могут), вовсе не таковы, чтобы языкоблудствовать в них. На вашей обязанности не обелять лежит, а вскрывать те общественные отношения, плодом которых явилось преступление. Взять хотя бы Мамонтовское дело. Я был на том процессе и следил за ним шаг за шагом. Право, защищать подсудимых, в конце концов, можно было бы без языкоблудства. Ведь это—не худшие из капиталистов; и если г.г. Джамгаровы, Солодовниковы и tutti quanti, *) или г. Витте из себя пострадавших корчат, то у меня симпатии скорее будут на стороне подсудимых, чем на стороне этих стригунов купюнов, так взглянули на дело и присяжные: «Пусть купонов не стригут и за дивидендами не гонятся»,—говорил один из присяжных про акционеров. В общем защита не обеляла их, но она вскрыла все прелести капиталистических отношений и показала, что и лучшие из них в конце концов преступления совершают, но эти преступления по отношению к лицам, которые сначала пользовались их деятельностью, а когда задача вышла, завопили: «караул, грабят», не должны быть наказуемы. Г.г. акционеры сидели, одобряли все, а когда они только в $3\frac{1}{2}$ раза выбрали свой капитал, но не могли получить еще дивиденда процентов в 200 вдобавок к этому, то завопили о помощи и обратились к прокурорскому надзору. Заметьте, что в пределах капиталистических отношений Савва Мамонтов и К° очень честно вели себя по отношению к рабочим, честно, понятно, нужно понимать cum grano salis, т.-е. лучше, чем другие из их же братии, хотя, конечно, все же обдирали их, как липку. Вот я и говорю, когда спор идет между волками, то можно еще наиболее смирных из них защищать от мести более сильных и прожорливых и при этом не языкоблудствовать. Дело другое, повторяю, когда речь идет о борьбе интересов рабочих и капиталистов. Тогда либо рабочих обвиняют—выступай защитником, либо они являются потерпевшими от преступления—выступай гражданским истцом. О граждан-

*) Тому подобные. Ред.

ских делах и говорить нечего. Здесь всегда выбрать можно чистые дела. Чтобы не итти против принципа и своих убеждений, нужно только серьезно за принципы свои держаться. В уголовных делах защита, памятуя, что не обелять она призвана, а только указывать другую сторону медали, в грязь не залезет. По моему, в уголовном процессе нет грязных дел, а есть грязная защита, ибо от защитника зависит, так или иначе вести дело. Есть не грязные, а противные убеждениям дела—ну, таких не бери. Правда, тогда ты, вероятно, всегда немного зарабатывать будешь, но за то будешь спокоен совестью.

Вы, вероятно, диву даетесь. Что значат мои слова о моем разочаровании? А это значит, что дел, говорящих уму и сердцу мало встречается, что большинство их то, что называется, ни бе, ни ме, ни ку-ка-ре-ку. Это иски в столько-то рублей за товар, это иски по расписке купца к купцу и проч.; что уголовные дела—большею частью кражи да покушения на грабеж. Вот что значит это. Ты весь утопаешь в мелких делишках, убивающих тебя своею пустотою. Рабочих процессов, процессов аграрных, процессов, наконец, обычных, но таких, где ты видишь: вины нет, а ее взваливают на человека; вина есть, но ты сам бы на месте преступника мог бы так поступить—таких дел, говорящих много уму и сердцу, доставляющих известное удовлетворение, очень мало. У меня, как вы знаете, одно единственное было. Но, повторяю, что на адвокатском поприще человеку приличному и с определенными убеждениями не больше уступок совести приходится делать, чем на другом. Другое дело Балалайкины, но там ведь и уступок делать не приходится, у них и так совести нет. Об удовлетворении, конечно, говорить не приходится. Но я, право, думаю, что если адвокатура хоть временами приносит на грош удовлетворения, то она хлебное ремесло более приятное уже тем самым, чем служба в палатах, департаментах и проч. Конечно, и то ерунда, и это ерунда, но зло меньшее, бог весть какое из них. Повторяю, я всегда на адвокатуру смотрю лишь как на хлебное ремесло и об удовлетворении ею у меня не могло никогда быть и речи. Если бы для меня могла адвокатская деятельность быть тем пределом удовлетворения, его же не прейдеши, то я сам себя большою свиньею и буржуем считал бы.

Жаль, что не могу лично с Вами видеться. Насчет Питера у меня никаких надежд нет.

Москва, 9-го марта 1901 года.

Дорогие друзья! Тяжело было мне узнать, что Вы вынуждены были оставить Питер, именно в виду болезни твоей, Костик. Эта болезнь твоя, признаться, является для меня большою неожиданностью. То, что я не писал обстоятельно Вам, об'ясняется московскою сутолокою и тою издерганностью нер-

вов, которую в эти смутные времена всегда ощущаешь. Говорю, не писал обстоятельно потому, что открытку я Вам написал, дорогая Евгения Григорьевна, откладывая до более свободного времени более обстоятельное письмо. Неужели Вы и открытки моей не получили? Это было бы очень досадно. Живется мне, дорогие друзья, довольно скверно, хотя, должен сказать, что за последнее время я стал себя несколько лучше чувствовать и оживать. Я теперь начал хоть немного пользоваться жизнью большого города. Раньше же я как-то не ощущал того, что в столице живу. Судя по Вашей открытке, Вы, дорогая Евгения Григорьевна, читали лишь воззвание профессоров. Теперь, думается мне, Вы уже прочли обстоятельное правительственное сообщение, но так как, конечно, невозможно в нем поместить все подробности (они много места заняли бы), то я сообщу вам то, что знаю о Москве. 23-го была студенческая сходка в 370 чел. которые и были препровождены в Манеж; по дороге туда-же отправлено было 102 курсистки и еще студенты, а всего 600 человек. 24 утром толпилось подле Манежа много народа всякого звания, а вечером толпа увеличилась еще, так как много было свободных рабочих. Говорят, толпа произвела нападение на Манеж, но была отбита. 25 с утра собралось до 200 студентов на Тверском бульваре, многие были арестованы. К 3 часам собралась толпа тысяч в 6—7, которая вступала в схватки с полицией и с криком прошла по Лубянской площади, Театральному проезду, Б. Дмитровке и Тверской. Здесь казаки, жандармы и полиция оттеснили толпу на Страстную площадь, оттуда на Тверской бул., к Никитским вор. и по Б. Никитской и Воздвиженке. До глубокой ночи толпа шумела, разбила много фонарей, все стекла в Манеже (вечером 24-го тысячи $1\frac{1}{2}$ прошло демонстративно мимо дома генерал-губернатора на Тверской). В то же время у Сретенских ворот тысячи 3 рабочих демонстративно требовало 8-часового рабочего дня и выражало сочувствие студентам. К 3 часам ночи все были рассеяны полицией. В понедельник, 26-го, в Охотном ряду собралось человек 150 студентов, но произошла свалка с жандармами, часть была рассеяна, часть арестована. На воскресенье, 4-е марта, ждали крупной рабочей демонстрации. Войска были снабжены боевыми патронами. Во всех дворах расставлены были войска пешие и конные, но все обошлось благополучно. Таковы удивительно смутные времена, переживаемые нами.

ШНЫРЕВ ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ.

1917 года на волостном с'езда волостного земства появляется Иван Алексеевич Шнырев, крестьянин села Знаменского, Аксиньинской вол., Звенигородского уезда, 28 лет, энергичный с небольшими усиками, по профессии слесарь, рабо-

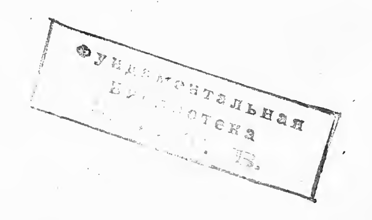
тавший на заводе Грачева, Бромлей и Густава Листа в Москве. Волостной с'езд избирает его на уездный с'езд, а этот в свою очередь членом уездного земства, в разгоне которого принимал Иван Алексеевич активное участие, хотя и был еще беспартийным. Иван Алексеевич пользовался большим уважением населения и стоял за Советы.

До 1918 года тов. Шнырев находился сначала в партии эсеров, затем, как только организовалась Звенигородская организация РКП, он вступает в партию РКП и ведет активную работу, сначала в отделе управления, позднее в земотделе в качестве заведующего.

В 1919 году при наступлении Юденича на Петроград, по партийной мобилизации вместе со многими и Иван Алексеевич был мобилизован, хотя страдал сильной близорукостью. Под Ямбургом он получает ранение в ногу, от которого и умирает в лазарете Петрограда.

Работал Иван Алексеевич неустанно, быстро находя выходы из трудного положения, был честным и тактичным. Звенигородская организация при организации волости в 1921 году увековечила его память, назвав новую волость его именем и фамилией. После его смерти остались жена и 2 детей.

Мазепов.

Всем товарищам членам Московской Организации РКП. (Б.).

В сборнике «Братская Могила» вып. № 2 удалось собрать дополнительные биографические данные о 14-ти товарищах и фотографические снимки с 2-х товарищей, помещенных в выпуске № 1 «Братской Могилы», но это далеко не исчерпывает необходимости еще новых пополнений выпуска № 1, а теперь также и выпуска № 2. О многих погибших товарищах, несмотря на все напоминания со стороны Бюро, дополнительных сведений не поступает. Губистпарт еще раз обращается к товарищам с просьбой давать все сохранившиеся в их памяти биографические сведения, не стесняясь, в крайнем случае, даже их отрывочностью или краткостью. Ниже для всеобщего сведения помещен алфавитный список с краткими данными о пятидесяти трех умерших товарищах, о которых необходимо получить, по возможности, полные биографии.

Кроме того, Губбюро обращает внимание товарищей на желательность на ряду с воспоминаниями и фотографическими карточками присылок и писем покойных, характеризующих их как людей и работников, а также перечень их литературных трудов, если таковые были напечатаны, или же остались после них в рукописном виде.

Все это, по использовании будет с благодарностью возвращено обратно.

Губбюро Истпарта.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК

фамилий погибших товарищей, сведения о жизни и работе которых требуют дополнений для помещения в след. вып. № 3 „Братская Могила“.

1. **Алексеев.** — Рабочий типограф из „Универсальной Библиотеки“, принимал участие в нелегальн. парт. работе до 1917 г. в Рог.-Сим. районе вместе с т. т. Прямиковым, Кирсановым и др.; активный раб. и оратор 1917 г., член Исполк. Рог. Райсовета в 17—18 г. г., умер в 1919 году.
2. **Анисимов.** — Член РКП(б.) с 1-го августа 1918 г. режиссер люб. арт. Союза молодежи Ликинской ф-ки, близ Орех.-Зуева. Убит на Польском фронте в 1920 году.
3. **Айвад.** — Слесарь на зав. „Динамо“, работал в подпольной организации РСДРП(б).
4. **Бородастов, Иван Петрович.** — Родом из Владимирск. губ., Меленковского уезда, Гусевской вол., дер. Батовой, рабочий ф-ки быв. Морозова в Орехове-Зуеве. В партии с 1918 г., умер в Тамбов. губ.
5. **Боткин, Федор Васильевич.** — Рабочий и член комячейки Соболево-Щелковской ф-ки.
6. **Будкин.** — Модельщик на з-де „Динамо“, работал в подпольной организации РСДРП(б.), депутат от завода в Моск. Сов. Раб. Деп. 1-го созыва (февраль—март 1917 г.).
7. **Буффеев.** — Рабочий Коломенского з-да. Был горячий сторонник РСДРП(б.) и власти Советов. Убит по несчастной случайности в толпе на улице г. Коломны в 1917 г.
8. **Быков, Сергей Ефремович.** — Сын рабочего и рабочий Раменской ф-ки, родился в 1897 году, в партии с 1918 года, убит на Сиб.-Восточн. фронте.
9. **Василевский, Василий.** — Член Моск. Организации РКП(б), Врид. пом. ком. 73 стр. полка 9 стр. дивизии, погиб в бою под Тулужным 20-го августа 20 г., бывш. член Моск. Профсоюза работн. совет. общ. и торг. учреждений.
10. **Веселов.** — По парт. мобилизации МК в 1918 г. был комиссаром 2-ой бриг. 1-й Моск. Раб. дивизии. Убит в бою в мае 1919 г. под ст. Митякинской.

11. **Воробьев**, Владимир Мих. — Родился в 1895 г., работал конторщ. на Раменск. ф-ке. В партии с 1918 г. Убит на Южном фронте.

12. **Войтович**. — Рабочий Тульск. ж. д. мастерских, член. Рог.-Сим. парторганизации, погиб в Октябрьские дни под Кремлем в рядах Рогожской Красной Гвардии.

13. **Гильберг** (отец). — Работал в 1917 г. в Рог.-Симоновск. районе, в 18 г. по партмобилиз. отправлен в Сибирь в Омск. Умер в 1920 году.

14. **Грузинцев**, Федор Яковлев. — Рабочий и член комячейки Соболево-Щелковской ф-ки.

15. **Ермолаев**. — Член парторганизации Дмитровского района.

16. **Залкинд**. — Бывш. эсэр, секретарь Райсовета Рог. района в 1917 г., вступил в компартию в 1918 г.

17. **Звейнек**. — Старый подпольный работник рабочей партии Латвии, в 1919 г., был комис. 2-й Низенской Рев. Дивизии.

18. **Иголкин**, Василий Григорьевич. — Сын рабочего ткача Раменской ф-ки, род. в 1897 г., работал конторщ. в фабричн. маг. при Раменской ф-ке, в партии с 1917 г.

19. **Канис**, Владимир Осипович. — Слесарь на з-де „Динамо", в партии после Окт. Революции.

20. **Коломенский**, Мих. Иванович. — С 1914 г. рабочий—токарь на з-де „Динамо" и активный участник соц.-дем. группы большев. В 1915 г. служ. в царск. армии в г. Орле.

21. **Коробов**, Василий Михайлович (отец). — Член Рог.-Симоновск. организации, секретарь земельн. отд. и Волиспол. слободы Колыбелька Воронеж. губ., Острогожского уезда.

22. **Коробов**, Никол. Васильевич (сын). — Красный командир, бывш. нач. Авто-брон. машины (танка) в г. Москве, погиб. в борьбе с бандитами в Волынск. губ.

23. **Коротков**, Никол. Дмитриевич. — Рабочий Раменской ф-ки, род. в 1897 г. в партии с 1917 г., бывш. доброволец 1-го Моск. революц. полка.

24. **Коткас**, Иоганн. — Член Замоскворец. р. РКП(б.), умер 14-го сентября 14 г. в Ново-Екатерин. больн. от воспал. легких.

25. **Куракин**, Иван Семенович. — Родом из с. Раменское, Бронницкого уезда Московской губернии. Работал на ф-ке „Красное Знамя", был после импер. войны инструктор. Красной Гвардии при Люберецком з-де Моск. г.

26. **Курлыгин**, Александр Иванович. — Рабочий — Соболево-Щелковской ф-ки, был мобилиз. в марте 1919 г. в Астрахань во 2-ой воен. госп., пропал без вести.

27. **Лазарев**, Иван Васильевич. — Родился в 1882 году в Московской губ. Бронницк. уез., Раменской вол., дер. Игумновой, сын рабочего, с 12 лет раб. на Раменской ф-ке, член партии с 1917 г., во время революции был в Петрограде. Убит на Калединском фронте, куда был мобилизован вместе с т.т. Люберецкой организации.

28. **Лазарев**. — Член Коломенского Сов. Раб. Деп., Правлен. союза метал. и больничной кассы, и член РСДРП(б), убит в 17 году.

29. **Лариков**, — Раб. ф-ки Келлер, член Рог.-Симоновск. организ., умер в 1922 г.

30. **Липатов**, Павел Иванович. — Член РКП(б.) Глуховского подрайона Богородского района.

31. **Маслов**, Семен Петрович. — Рабочий Соболево-Щелковской ф-ки и чл. фабричн. ячейки, мобилизованный в 1919 г. без вести пропал.

32. **Матвеев**, Василий Андреевич. — Рабочий и член Комитета Соболево-Щелковской фабрики, был мобилиз. в воен. прод. бюро в 1919 г., умер от тифа.

33. **Махов**, Иван Дмитриевич. — Рабочий, член ком'ячейки Соб.-Щел. фабрики, мобилиз. в 1919 г. на фронт, без вести пропал.

34. **Морозов**, Александр Петрович — Сын крестьянина Архангельск. волости, Меленковск. у., Владим. г. родился в 1889 г., член подпольн. организации, рабочий механич. з-да в Орехове-Зуеве.

35. **Морозов**, Васил. Иванович — Рабочий и член ячейки Соб.-Щелк. ф ки.

36. **Мусин**, Василий Николаевич. — Токарь, член подпольной организации Р. С. Д. Р. П. (б) на з-де „Динамо".

37. **Новожилов**, Николай Демидович. — Рабочий Соб.-Щелковской ф-ки, мобилизован Щелковским райкомом в 1919 г. в октябре в Сапожн. почин. мастер. при Интендантстве 8-ой Армии, пом. завед. Сапожным цехом. Пропал без вести.

38. **Поспелов**, Иван Васильевич. — Крестьянин Ярославск. губ. Угличского у., дер. Струхова, род. в 1891 г. Вступил в партию в 1917 г., с 1914 г. работал в аппаратной маст. слесарем на з-де „Динамо", был народн. судьей Рог.-Симоновск. района, Начальн. агитацион. пунктов на фронте, командир труд. армии в г. Харькове, где и умер. в 1920 г. 5 февраля.

39. **Рюмин**. — Член Моск. организации РКП (б), военком 121 Балашевского полка, убит в бою под хутором Малый Колодез 17-го октября 1919 г.

40. **Рябкин**, Алексей Федорович. — Член РКП (б) Дедово-Гучковского п/района. Скончался 25-го мая 1919 г. в Гучкове.

41. **Савельев**, Василий Васильевич. — Рабочий Соб.-Щелковской ф-ки, в 1919 г. мобилизован был ячейкой РКП (б) на фронт, без вести пропал.

42. **Солдаткин**, Иван Сергеевич. — Рабочий Соболево-Щелковской ф-ки, мобилизован был ячейкой в 1919 г. на ответ. должность в Военпродбюро. Умер от тифа в Сибири.

43. **Сливинский**. — Рабочий типографии, быв. Коркиной, мобилизован, как член РКП (б) Рогожским райкомитетом на фронт. Убит в 1918 г. в боях под Казанью.

44. **Смирнов**, Дмитрий Михайлович. — Член Президиума Замоскворецкого Совета в 1919 г., полит. комиссар дивизии им. Володарского, сражался против Колчака на Вост. фронте Убит 8-го марта 1919 года. от предат. пули.

45. **Стернер**. — Работал в подпольной организации большевиков на з-де „Динамо". Один из самых активных работников.

46. **Титов. С.** — Урожен. Волоколамского у., Московской губ, рабочий вагоно-строит. з-да в Москве, работал среди профсоюза металлистов. Состоял в партии эсэров. После восстания эсэров вышел из партии и поступил в ряды РКП (б). В 1919 году на южном фронте в боях в местности г. Землянска был окружен неприятелем и изрублен.

47. **Трубкин**, Михаил Петрович. — Рабочий Соб.-Щелковской ф-ки, в 1919 г. по парт-мобилизации служ. в Красной Армии, без вести пропал.

48. **Туркин,** Дмитрий— Григорьевич.	Рабочий Соб.-Щелковской ф-ки, член РКП (б.), был мобилизован Профсоюзом, как спец, в Ташкент. Умер от тифа.
49. **Усачев,** Никита— Васильевич.	Рабочий Соб.-Щелковской ф-ки, член Ком'яч. мобилизован был в 1917 г. на Карниловский фронт. Убит.
50. **Федоров,** Дмитрий.—	Курсант школы тяжел. артиллер.. Член райкома Рог.-Сим. района в 1920 г, активный партработник и популярный агитатор, умер в 1920 г. от тифа.
51. **Чернобровкин,**— Александр Никифор.	Рабочий Соб.-Щелковской ф-ки, член ком'ячейки, был мобилизован в 1919 г. на фронт, убит на Дону.
52. **Щедрин.**—	Член РКП (б.) Баумановского района, с 1915 г. политком 3-го баталиона 16 армии 52 дивизии на фронте, пропал без вести в 1919 году.
53. **Ярославович,**— Иван Николаевич.	Коммунист, красноармеец 1-го Моск. Губ. Батальона местного назначения. Скоропостижно скончался 31 января 1919 года.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

фамилий и фотографич. снимков, помещенных в сборнике „Братская Могила“ вып. № 2.

ОПЕЧАТКИ

в сборнике „Братская Могила“. вып. № 1.

Страница.	Строчка.	Написано.	Исправлено.
37	40	1879 г.	1870 г.
54	25	Выскунских	Выксунских
82	18	Кальнин.—	Калнин.—
87	12	Колодчкина	Колодочкина
108	13	1903 г.	1905 г.
158	1	Точинский	Точисский
171	30	П. Карпунин	П. Карпухин
176	16	Чагина	Чачина
Алфав. указ.	Д.	Дубровинский, Иосиф Григорьевич	Дубровинский, Иосиф Федорович
„ „	Ш.	Шанцер, Виргилий Леонидович	Шанцер, Виргилий Леонович

3p.

